

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2016

Свидетельство о регистрации
Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

- Ю. В. Астафьев,**
кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);
- Д. В. Зотов,**
кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);
- Ю. Н. Стариков,**
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
- Г. В. Стародубова,**
кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров,**
доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);
- О. И. Андреева,**
доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);
- М. Т. Аширбекова,**
доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);
- М. О. Баев,**
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
- А. С. Барабаш,**
доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);
- П. Н. Бирюков,**
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
- С. И. Давыдов,**
доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);
- А. Ю. Епихин,**
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);
- Е. Р. Ергашев,**
доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);
- З. З. Зинатуллин,**
доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян,
доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов,
кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова,
доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);

Е. В. Марковичева,
доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);

Т. Б. Рамазанов,
доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);

С. Б. Россинский,
доктор юридических наук, доцент
(Московский гос. юрид. университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

А. В. Руденко,
доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);

М. К. Свиридов,
доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);

В. В. Трухачев,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров,
доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия)

Адрес редакции:

394006 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810

E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:

www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:

51165 в каталоге Российской прессы «Почта России»

Ведущий редактор издательской группы

Н. Н. Масленникова

Подписано в печать 10.11.2016. Формат 70×108/16

Уч.-изд. л. 13,5. Усл. п. л. 12,8. Тираж 550 экз. Заказ 205

Издательский дом ВГУ

394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2016

© Оформление, оригинал-макет.

Издательский дом ВГУ, 2016

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2016

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

Yu. V. Astafiev,

candidate of legal sciences, associate professor, coeditor
(Voronezh State University);

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, coeditor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov,

doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva,

doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova,

doctor of legal sciences, professor
(Vorlgoograd State University);

M. O. Baev,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash,

doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

P. N. Biriukov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

S. I. Davidov,

doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Ephin,

doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev,

doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin,

doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian,
doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov,
candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova,
doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

E. V. Markovicheva,
doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

N. G. Muratova,
doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin,
doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

T. B. Ramazanov,
doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

S. B. Rossinskiy,
doctor of legal sciences, associate professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL));

A. V. Rudenko,
doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

M. K. Sviridov,
doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

V. V. Trukhachev,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov,
doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy)

Editorial address:

394006 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:

www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2016

© Desin, original-model.

Publishing house of Voronezh State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	От редколлегии	9
	Концепция 1991	11
	КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РСФСР 1991 ГОДА:	
21 25 ЛЕТ СПУСТЯ	
	Даурова Т. Г. Печальные рассуждения в связи с юбилеем Концепции судебной реформы в Российской Федерации	21
	Шабанов П. Н. Концепция независимости	36
	Россинский С. Б. Концепция судебной реформы в РСФСР и современные проблемы организации предварительного следствия.....	42
	Уткин Д. В. Становление административно-процессуальной формы и «расширение возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц» как результат судебной реформы	50
	Зинатуллин З. З., Зарипов Ф. Ф. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России.....	56
65 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
	Бекматова Д. Ш. Виды уголовного преследования: опыт Республики Узбекистан.....	65
	Гимазетдинов Д. Р. Дискуссионное и реальное в вопросе о формах современных уголовно-процессуальных производств	68
	Панькина И. Ю. Ситуационный подход в реализации принципа презумпции невиновности	74
78 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ	
	Кузнецов А. Н. Доказывание по делам о незаконном обороте специальных технических средств.....	78
	Попова Л. В., Зобов Е. А. О роли уполномоченных прокуроров в доказывании по уголовным делам.....	87
92 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
	Зозуля В. В., Ахмедов У. Н. Видеозапись производства следственных действий с участием несовершеннолетних: процессуально-правовые аспекты применения	92
	Долгих Т. Н. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как фактор возрождения и развития института возвращения уголовных дел прокурору, в том числе и для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.....	97
	Конин В. В. О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора	102
	ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	
108 И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
	Афонин А. Б. Прокурорский надзор за исполнением налогового законодательства (на примере Калужской области)	108

	Гамбарян А. С., Калашян М. А. Суды как особые субъекты политической системы общества.....	115
	Ефанова В. А. Проблемы статуса судьи в Российской Федерации.....	119
133 СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ	
	Иванов Ю. А. Уголовно-правовые нормы и судопроизводство южных славян в Средние века	133
	Черняк Б. А. Становление и развитие судебных институтов в Древней Греции (от темных веков до поздней архаики).....	142
148 ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ	
	Зотов Д. Между судом и правосудием.....	148

Contents

	Preface	9
	Concept 1991	11
21	THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM OF THE RSFSR IN 1991:25 YEARS LATER	
	Daurova T. G. Sad arguments in connection with the anniversary of the Concept of judicial reform in the Russian Federation.....	21
	Shabanov P. N. Concept of independence	36
	Rossinskiy S. B. The judiciary reform concept in Russian Federation and modern problems of organization of the preliminary investigation.....	42
	Utkin D. V. Formation of administrative and procedural form and «expansion of possibilities of appeal to the court officials misconduct» as the direction of judicial reform	50
	Zinatullin Z. Z., Zaripov F. F. Humanity and Humanism – Rod dominant criminal procedure policy of modern Russia	56
65GENERAL PROVISIONS OF CRIMINAL PROCESS	
	Bekmatova D. Sh. Types of prosecution: experience of the Republic of Uzbekistan	65
	Gimazetdinov D. R. Debatable and real in the question of forms modern criminal procedure productions.....	68
	Pankina I. Yu. Situational approach the implementation of the principle of presumption of innocence.....	74
78CRIMINAL PROCEDURE PROOF	
	Kuznetsov A. N. Proving in matters about the illegal turn of the special technical equipments	78
	Popova L. V., Zobov E. A. On the role of the authorized prosecutors in proving on criminal cases	87
92CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITY	
	Zozulya V. V., Akhmedov U. N. Video recording of investigation actions involving minors: procedural and legal aspects of the application.....	92
	Dolgich T. N. The legal position of the constitutional court of the Russian Federation as a factor in the revival and development of the institute of returning criminal cases to the prosecutor, including for charges of committing more serious crimes	97
	Konin V. V. To the question of public and private interests at the stage of execution of the sentence.....	102
108	THE ORGANIZATION OF THEJUDICIAL AUTHORITY AND LAW ENFORCEMENT	
	Afonin A. B. Prosecutor's supervision over the compliance with tax legislation based on the example (of Kaluga region)	108
	Gambaryan A. S., Kalashyan M. A. Courts as special subjects political system of society	115

	Efanova V. A. Problems of the status of the judge in Russian Federation	119
133	JUDICIAL BRANCH: HISTORY QUESTIONS	
	Ivanov Yu. A. Criminal law and proceedings of the South Slavs in the Middle Ages	133
	Chernyak B. A. Fomation and development of judicial institutions in ancient Greece (from the Dark Ages to the late Archaic).....	142
148	ARTS AND JUSTICE	
	Zotov D. Between the court and the justice.....	148

На страницах журнала вновь вспоминаем дату, которую следует отнести к поворотным вехам в общественной жизни и правовом развитии России. Вслед за Судебной реформой 1864 года¹ обращаемся к современной судебной реформе, начало которой было положено 25 лет назад принятием 24 октября 1991 года Верховным Советом РСФСР постановления «О Концепции судебной реформы в РСФСР»².

Необходимо отметить, что к концу 1980-х годов судебная система государства объективно нуждалась в существенном обновлении и изменении, исходя из реалий времени и нацеленности на формирование демократического правового государства. Авторы Концепции судебной реформы в РСФСР прямо указывали на неудовлетворительное, кризисное состояние отечественной судебной системы, проявлениями которого они видели невысокое качество работы системы правоохранительных органов при их крайней перегруженности, кадровый голод, отсутствие сплоченной и независимой судейской корпорации, ориентацию работников правоохранительных органов на «функционирование» при утрате способности оставаться самостоятельной личностью, нищете юстиции и, следовательно, неспособности справиться с возложенными на нее задачами.

Концепцией были определены важнейшие направления совершенствования судебной системы и судопроизводства: создание федеральной судебной системы; признание за каждым человеком права на разбирательство его дела судом присяжных в установленных законом случаях; расширение возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц; установление судебного контроля за законностью применения мер процессуального принуждения; организация судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого; дифференциация форм судопроизводства; совершенствование гарантий независимости судей.

Спустя четверть века можно сказать, что многое из намеченного в Концепции реализовано в законодательстве, в том числе в положениях УПК РФ 2001 года. Многие, но далеко не все. А порой созданные механизмы довольно сильно отличаются от тех моделей, опорные точки которых содержатся в Концепции. К примеру, в настоящее время лишь незначительное число уголовных дел подсудно суду присяжных и, кроме того, нельзя не отметить существующую тенденцию к их сокращению. Не создан единый следственный аппарат, как то предполагалось Концепцией судебной реформы, поскольку разные структурные формы организации следствия не обеспечивают единства ни в организации следственной деятельности, ни в руководстве ею, ни в ее ресурсном обеспечении. Существенно по сравнению с положениями Концепции скорректированы полномочия прокурора и руководителя следственного органа и т.д.

¹ Реформа на века : замыслы и свершения (к 150-летию судебной реформы 1864 года в России) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3.

² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 31 окт.

В третьем выпуске журнала за 2014 год параллельно с рассуждениями о Судебной реформе 1864 года были поставлены вопросы относительно нынешней реформы. Не затянулась ли она? Когда она завершится? Не стала ли она своего рода постоянной составляющей развития судебного права и судебного законодательства? Публикации в рубрике «Концепция судебной реформы РСФСР 1991 года: 25 лет спустя» посвящены анализу реализации положений Концепции. В них имеет место и критика современного состояния уголовной юстиции, и указание на перспективы ее совершенствования в свете положений данного принципиально важного акта.

Традиционно на страницах издания имеет место полемика по актуальным в теории и практике проблемам уголовного судопроизводства, как то: реализация процессуальных принципов, дифференциация процессуальной формы, острые вопросы уголовно-процессуального доказывания в свете развития науки и техники. Затрагиваются отдельные аспекты организации судебной власти и правоохранительной деятельности, статуса судей и т.д. Весьма любопытна рубрика исторического характера, в рамках которой авторы представляют ретроспективный анализ становления и развития судебной власти. Традиционно завершает очередной выпуск журнала раздел «Искусство и правосудие».

Выражаем уверенность, что формирующиеся публикационные традиции журнала «Судебная власть и уголовный процесс» будут сохранять высокое качество его содержания и способствовать повышению востребованности издания.

КОНЦЕПЦИЯ 1991

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одна из главных задач реформы –
утверждение судебной власти
в государственном механизме
как самостоятельной влиятельной
силы, независимой в своей
деятельности от властей
законодательной и исполнительной

Издание Народного Совета
Российской Федерации

Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года «О Концепции судебной реформы в РСФСР»

Обсудив представленную Президентом РСФСР Концепцию судебной реформы в РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Считать проведение судебной реформы необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности.

2. Признать главными задачами судебной реформы в Российской Федерации:

обеспечение суверенного права РСФСР осуществлять правосудие и уголовное преследование на своей территории в соответствии с собственным материальным и процессуальным правом;

утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной;

защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве;

закрепление в нормах уголовного и гражданского процесса, в соответствующих законодатель-

ных актах демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов, положений, отвечающих рекомендациям юридической науки;

достижение уровня материально-технического обеспечения судов, органов юстиции, прокуратуры, внутренних дел, следственных подразделений, а также материального, бытового и социального обеспечения работников правоохранительных органов, соответствующего возлагаемой на эти органы и их работников ответственности;

обеспечение достоверности и повышение доступности информации о деятельности правоохранительных органов, судебной-правовой статистики.

3. Рассматривать в качестве важнейших направлений судебной реформы:

создание федеральной судебной системы;

признание права каждого лица на разбираемость его дела судом присяжных в случаях, установленных законом;

расширение возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения;

организацию судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого; дифференциацию форм судопроизводства; совершенствование системы гарантий независимости судей и подчинения их только закону, закрепление принципа их несменяемости.

4. Одобрить представленную Президентом РСФСР Концепцию судебной реформы в РСФСР.

5. Комитету Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью совместно с комитетами Верховного Совета РСФСР по законодательству и по правам человека, Прокуратурой РСФСР и Министерством юстиции РСФСР учесть соответствующие положения Концепции судебной реформы в РСФСР при доработке проекта Закона РСФСР «О прокуратуре РСФСР».

6. Поручить Комитету Верховного Совета РСФСР по законодательству во взаимодействии с комитетами Верховного Совета РСФСР по правам человека и по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью взять под контроль подготовку пакета законодательных актов о судебной реформе в РСФСР и осуществление других практических мер по ее реализации.

Первый заместитель Председателя
Верховного Совета РСФСР

Р. И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов РСФСР
24 октября 1991 г.

Как всё начиналось...

«В июле 1990 года, в просторном кабинете на 6-м этаже здания Правительства и Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной, встретились шестеро выдающихся юристов, известных своими демократическими взглядами. Им предстояло стать авторами концепции судебной реформы, вернувшей России на короткое время надежду на независимый и справедливый суд...»

Б. А. З о л о т у х и н,
руководитель группы экспертов
по разработке Концепции судебной реформы

Из Преамбулы Концепции судебной реформы

Возвращение Отечества в лоно мировой цивилизации требует, чтобы наряду с политическими и экономическими преобразованиями шел процесс правовой реформы. Государство, переставая быть инструментом насилия в руках тоталитарного режима, демократизируется, чтобы в конце концов совершить мужественный акт самоотрицания, превратившись из политического в правовое.

В правовом государстве обеспечивается верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека, охрана законных интересов личности, взаимная ответственность государства и граждан, защита общества от произвола власти. Функционирует полноценная система сдержек и противовесов, где почетную роль играет правосудие, способное сглаживать конфликты и примирять законность с целесообразностью в каждом данном случае. Достигается реальное разделение властей, децентрализация властных функций создает подлинный плюрализм, затрудняющий узурпацию суверенных прав народа. Правовое государство раскрепощает человека, освобождает его от роли винтика в чужой ему машине, превращает функционера в сознательного деятеля, в личность.

На арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстных интересов и политических симпатий суд, выступающий гарантом законности и справедливости, играющий для государства ту же роль, какая в человеке принадлежит совести. Поэтому ядром всякой судебной реформы выступают преобразования суда и процесса, под знаком и во имя которых изменяется предназначение и деятельность других органов и институтов.

Судебная реформа – это коренное преобразование, касающееся не только судов, но практически и всех правоохранительных органов, действующих до суда, для суда и после суда, во исполнение судебных решений и приговоров. При этом основное внимание должно уделяться уголовному правосудию как безальтернативному механизму защиты коренных прав и интересов гражданина в экстремальной ситуации преступного правонарушения.

Грядущей судебной реформе должна быть присуща комплексность и чужда хаотическая поспешность законотворчества, вдохновляемого заинтересованными ведомствами. Ей должна сопутствовать политическая воля и искреннее желание стоящих у кормила Государства Российского деятелей довести начатые изменения до конца во всей их полноте и нелицеприятности. **Но главное** – это тщательное обдумывание каждого шага, грамотное теоретическое обоснование и последовательность принимаемых решений.

Концепция судебной реформы разработана под руководством народного депутата РСФСР Б. А. Золотухина группой экспертов в составе: С. Е. Вицин, доктор юридических наук; А. М. Ларин, доктор юридических наук; И. Б. Михайловская, доктор юридических наук; Т. Г. Морщакова, доктор юридических наук; Р. В. Назаров, член Московского областного суда; С. А. Пашин, кандидат юридических наук; И. Л. Петрухин, доктор юридических наук; Ю. И. Стецовский, доктор юридических наук.

ЗОЛОТУХИН

Борис Андреевич

Родился 13 июня 1930 г. в г. Москве.

После окончания Московского юридического института работал следователем, прокурором, адвокатом, юрисконсультом.

С 1959 по 1968 г. – адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Был уволен за речь в защиту А. Гинзбурга на процессе А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского и В. Лашковой, обвинявшихся в антисоветской пропаганде. В дальнейшем принимал участие в правозащитном движении, оказывал юридическую помощь его участникам; входил в Московскую Хельсинкскую группу.

С 1990 по 1993 г. – народный депутат, член Верховного Совета РФ, являлся заместителем председателя Комитета Верховного Совета по законодательству, членом Комиссии Президиума Верховного Совета по вопросам русского зарубежья, членом Конституционной комиссии.

С 1993 по 1995 г. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва, был заместителем председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе.

Б. А. Золотухин – активный сторонник введения в России суда присяжных и либерализации законодательства.

ВИЦИН

Сергей Ефимович

Родился 26 октября 1926 г. в г. Воткинске Удмурдской АССР.

В 1953 г. окончил юридический факультет Казанского государственного университета.

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принудительные меры медицинского характера (понятие, основания и порядок применения)», а в 1979 г. – докторскую диссертацию на тему: «Проблемы системного подхода к организации борьбы с преступностью».

С 1967 г. С. Е. Вицин работал в центральном аппарате МВД СССР.

В 1979–1984 гг. был первым заместителем начальника Академии МВД СССР.

С 1984 г. руководил кафедрой криминологии и профилактики преступлений Московского юридического института МВД Российской Федерации, в на-

Концепция 1991

стоящее время – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

В 1991–2001 гг. был членом Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, членом Комиссии Совета по кадровой политике при Президенте РФ по предварительному рассмотрению кандидатов на должности судей, федеральных судей федеральных судов и экспертов по правовым вопросам в Совете Европы и ОБСЕ, на протяжении ряда лет возглавлял Совет по судебной реформе при Президенте РФ.

Автор более 100 публикаций по вопросам уголовного процесса, теории управления, судебной реформы и криминологии. В работах С. Е. Вицина осуществлена разработка проблем применения современных научных методов (системного подхода, моделирования, прогнозирования и др.) совершенствования борьбы с преступностью.

ЛАРИН

Александр Михайлович

Родился 13 сентября 1924 г. в г. Харькове (ум. 25 декабря 1998 г.).

Участник Великой Отечественной войны, командир стрелкового взвода, во время Курской битвы в 1943 г. после тяжелого ранения у него была ампутирована рука.

В 1948 г. окончил юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе»,

стал первым следователем – кандидатом наук. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы расследования в советском уголовном процессе».

С 1948 по 1951 г. занимал должности следователя и старшего следователя в прокуратурах Тульской и Калининской областей.

В 1971–1975 гг. – старший научный сотрудник ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

С 1975 г. – старший, ведущий, главный научный сотрудник сектора проблем правосудия Института государства и права АН СССР.

А. М. Ларин работал в Комитете конституционного надзора СССР. Участвовал в разработке проекта Основ уголовного судопроизводства СССР, проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Занимался изучением общих вопросов уголовно-процессуального законодательства, теории доказательств, криминологии, проблем обеспечения прав личности в уголовном процессе, истории уголовного процесса в дореволюционной России. Один из авторов концепции судебной реформы, убежденный сторонник введения в современной России суда присяжных. Выступал за соблюдение прав человека в уголовном процессе, реальную состязательность, обеспечение независимости судей, процессуальную самостоятельность следователей, презумпцию невиновности обвиняемых.

Автор более 300 научных публикаций.

Заслуженный юрист РСФСР.

МИХАЙЛОВСКАЯ

Инга Борисовна

Родилась 3 марта 1931 г. в г. Ростове-на-Дону (ум. 23 октября 2014 г.).

В 1953 г. окончила юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В том же году поступила в аспирантуру Всесоюзного института юридических наук, после окончания которой была зачислена на должность младшего научного сотрудника сектора уголовного процесса и судостроительства.

Кандидатскую диссертацию на тему «Предмет доказывания в советском уголовном процессе» защитила в 1955 г. Докторскую диссертацию на тему «Уголовный процесс США» защитила в 1972 г.

С 1957 по 1963 г. работала во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР.

С 1975 по 1999 г. занимала должности старшего научного сотрудника, начальника отдела, профессора – в Академии МВД СССР, в НИИ адвокатуры Международного Союза (Содружества адвокатов).

С 1999 по 2014 г. работала главным научным сотрудником, заведующим сектора проблем правосудия Института государства и права РАН.

Сферу научных интересов И. Б. Михайловской составляли проблемы уголовного судопроизводства, социологии права, конституционного права. И. Б. Михайловская участвовала в разработке Концепции судебной реформы, проводила ряд социологических исследований, посвященных правам человека и социально-политическим процессам в посткоммунистической России (1995–1997 гг.). Результаты этих исследований отражены в серии публикаций Проектной группы по правам человека. И. Б. Михайловская – автор более 200 научных работ, в которых обосновала необходимость перехода от розыскного советского уголовного процесса к состязательному, а также раскрыла существенные признаки судебной системы как самостоятельной ветви власти.

Заслуженный юрист РФ.

МОРЩАКОВА

Тамара Георгиевна

Родилась 28 марта 1936 г. в г. Москве.

В 1958 г. окончила Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, а в 1966 г. – аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР.

В 1958–1971 гг. работала младшим научным сотрудником Института государства и права АН СССР.

В 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Уголовное судопроизводство Германской Демократической Республики».

Концепция 1991

С 1971 по 1991 г. работала старшим, ведущим, главным научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института советского государственного строительства и законодательства. С 1985 г. – член научно-консультативного совета Верховного Суда РФ.

В 1988 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам: процессуальные, статистические и социологические аспекты».

В 1991 г. избрана судьей Конституционного Суда.

В июне 1993 г. указом Президента РФ включена в состав рабочей группы Конституционного совещания. Принимала активное участие в разработке Конституции Российской Федерации, Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также проектов федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», федеральных законов «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», «О статусе судей в Российской Федерации».

В 1995 г. была избрана и в 1998 г. переизбрана заместителем председателя Конституционного Суда. С 2002 г. – судья в отставке, советник Конституционного Суда РФ.

Т. Г. Морщакова инициировала вопрос о расширении компетенции суда с участием присяжных заседателей в современном российском уголовном процессе, о введении института следственных судей.

В течение многих лет преподавала в Российской правовой академии Министерства юстиции РФ и в Московской государственной юридической академии (МГЮА). В настоящее время – заведующая кафедрой судебной власти Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

Автор более 100 научных трудов, в том числе монографий, посвященных судебным ошибкам и их причинам (в составе авторского коллектива), вопросам организации судебной деятельности, оценки ее качества и социологическим методам изучения эффективности правосудия.

Заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ПАШИН

Сергей Анатольевич

Родился 18 декабря 1962 г. в г. Москве.

В 1958 г. окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу».

С 1990 г. – главный специалист юридического отдела Аппарата Президиума Верховного Совета РСФСР.

В 1995 г. возглавил отдел судебной реформы Государственно-правового управления Президента РФ.

С 1996 по 2001 г. – судья Московского городского суда. С 2001 г. – судья в отставке.

Принимал активное участие в разработке Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также законопроектов «О Конституционном Суде РСФСР», «О действии уголовного закона во времени», «О судебном контроле за правомерностью арестов», «О статусе судей», «О судебной системе Российской Федерации», «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания». Являлся председателем рабочей группы по разработке Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ. Внес значительный вклад в формирование законодательства о суде присяжных.

В настоящее время – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики.

Автор более 100 научных работ.

Заслуженный юрист РФ.

ПЕТРУХИН

Игорь Леонидович

Родился 7 июня 1926 г. в г. Ессентуки Ставропольского края (ум. 12 июля 2009 г.).

Участник Великой Отечественной войны.

В 1952 г. окончил Военно-юридическую академию.

В 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сущность и предмет экспертизы в советском уголовном процессе», а в 1977 г. – докторскую диссертацию на тему «Проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам)».

С 1952 по 1957 г. И. Л. Петрухин работал военным следователем Военной прокуратуры дивизии, затем армии.

С 1961 по 1963 г. был старшим научным сотрудником ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, а с 1961 по 1965 г. – старшим научным сотрудником ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

С декабря 1965 по 2009 г. работал старшим, ведущим, главным научным сотрудником, заведующим сектором проблем правосудия Института государства и права АН СССР (РАН).

Принимал активное участие в разработке Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также выступал автором и экспертом ряда важнейших законопроектов о судебной власти и правосудии.

В сфере научных интересов И. Л. Петрухина были проблемы уголовного процесса, соотношения свободы и принуждения, прав человека, судебной власти и адвокатуры.

Автор более 300 научных работ.

Заслуженный юрист РФ.

СТЕЦОВСКИЙ Юрий Исаакович

Родился 10 января 1927 г. в г. Днепропетровске (ум. 11 августа 2009 г.).

После окончания юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 1956 г. поступает в Московскую городскую коллегия адвокатов, в которой служил до 2001 г.

В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Функции и процессуальное положение адвоката-защитника и адвоката – представителя потерпевшего в советском уголовном процессе», а в 1980 г. – докторскую диссертацию на тему «Конституционный принцип обеспечения права обвиняемого на защиту в СССР (основные проблемы теории и практики)».

Принимал активное участие в разработке Концепции судебной реформы в Российской Федерации, проекта главы «Судебная власть» Конституции РФ, проекта Общей части УПК РФ.

Участник Конституционного совещания 1993 г. по разработке Конституции РФ.

С 1993 г. – руководитель рабочей группы Государственно-правового управления Администрации Президента РФ, подготовившей законопроект «Об адвокатуре в Российской Федерации».

С ноября 1994 г. – член Совета по судебной реформе при Президенте РФ.

С 1995 г. – главный научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Российской академии адвокатуры и нотариата.

Автор многочисленных работ по истории адвокатуры, проблемам реализации права человека на защиту от уголовного преследования.

Заслуженный юрист РСФСР.

Составители:

Д. В. Зотов, Г. В. Стародубова

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РСФСР 1991 ГОДА: 25 ЛЕТ СПУСТЯ

УДК 343; 347.97/99

Т. Г. Даурова

ПЕЧАЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Анализируется содержание Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также показано, как далека судебная система современной России от положений этого основополагающего документа. Примеры из сегодняшней судебной практики доказывают порочность пути, который уводит Россию от провозглашенного в Конституции РФ статуса правового государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепция судебной реформы в РФ, суд присяжных, состязательный процесс, предметная дифференциация судов.

SAD ARGUMENTS IN CONNECTION WITH THE ANNIVERSARY OF THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Analyzes the content of the concept of judicial reform in the Russian Federation, and also shows how far the judicial system in modern Russia from the provisions of this fundamental document. Examples from the current judicial practice proves the perversity of the path which leads from Russia enshrined in the Constitution of the Russian Federation on the state of law.

К e y w o r d s: the concept of judicial reform in Russia, jury trials, adversarial process, substantive differentiation of vessels.

Поступила в редакцию 30 августа 2016 г.

Среди многочисленных официальных документов, принятых в постсоветской России (программы, концепции, национальные планы, а в последнее время еще и разнообразные «дорожные карты»), есть один, разительно отличающийся от всех остальных «лица не общим выраженьем». Это – Концепция судебной реформы в Российской Федерации, подготовленная по поручению Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, одобренная 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР¹ и... забы-

* Часть этой статьи, написанная почти два года назад, была опубликована в ежегоднике «Юридическая техника» (Н. Новгород, 2015. № 9). С горечью приходится констатировать, что за прошедшее время разрыв между одним из лучших документов постсоветской России – Концепцией судебной реформы в Российской Федерации – и сегодняшней реальностью лишь увеличился. Процесс деградации законотворчества и правоприменения продолжается, удручающие примеры неправосудных решений множатся, и, тем самым, удлиняется путь, который предстоит пройти нашей многострадальной стране для того, чтобы стать правовым государством.

В юбилейный для Концепции судебной реформы в Российской Федерации год хочется верить в возвращение демократических идеалов 1990-х гг., в торжество законности, в то, что у России все-таки есть будущее.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

© Даурова Т. Г., 2016

тая (очень жаль, если навсегда) как теми, кто должен был претворять ее в жизнь, так и самим судебским сообществом.

Его содержание, аргументированность, язык, так не похожий на суконный язык давно ставших привычными документов, – все это, безусловно, свидетельствует о высоком профессионализме авторов, о несомненном понимании ими колоссального значения, которое имеет судебная система для преобразования тоталитарного государства в демократическое (постановление Верховного Совета начинается словами «Считать проведение судебной реформы необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности»), а еще о том, что им «за державу обидно», и они знают, что и как надо делать для возрождения отечества².

К чести авторов Концепции они изначально отказались от традиционного для России подхода к проведению реформ по формуле «до основанья – а затем», предложив наполнить новым содержанием сложившиеся к тому времени организационные структуры или, как сказано в документе, попробовать влить новое вино в старые мехи. Это тем более важно, что документ, названный Концепцией судебной реформы, предполагал реформирование не только суда, но и неразрывно с ним связанных иных правоохранительных органов (прокуратуры, адвокатуры, следственных органов), от деятельности которых во многом зависило, будут ли принимаемые судами решения справедливыми и подлинно правосудными. Поэтому «разрушительный» вариант реформ мог оказаться и непозволительно затратным, и достаточно бесчеловечным, и чреватым необратимыми последствиями. Для того, чтобы избежать непоправимых ошибок, вызванных вполне возможными погрешностями проектирования, чтобы иметь в перспективе определенную свободу маневра, решено было проводить реформу в три этапа. После завершения каждого из них и исправления допущенных ошибок, выявляемых с помощью механизмов обратной связи, позволяющих оперативно и, главное, объективно оценивать промежуточные результаты проведенной работы, предполагалось внесение необходимых корректив в дальнейшую деятельность по реформированию судебной системы.

Начало казалось весьма многообещающим: в полном соответствии с задачами первого этапа реформы в России были приняты поражающие своей новизной законы, призванные вначале стать необходимым юридическим фундаментом для самого реформирования, а затем – правовой основой пореформенной деятельности как суда, так и иных правоохранительных органов.

В качестве примера можно назвать Уголовный кодекс РФ, который в момент его принятия в 1996 г. был достаточно совершенным законодательным актом, отражающим в целом политические, экономические и социальные реалии своего времени и по-новому решившим многие концептуальные вопросы. В частности, в нем произошла смена приоритетов в определении объектов уголовно-правовой защиты, что нашло отражение при формулировании задач уголовного пра-

² В связи с тем, что документ этот оказался незаслуженно забытым, представляется уместным напомнить, что разработан он был под руководством народного депутата РСФСР Б. А. Золотухина группой экспертов в следующем составе: С. Е. Вицин, д-р юрид. наук; А. М. Ларин, д-р юрид. наук; И. Б. Михайловская, д-р юрид. наук; Т. Г. Морщакова, д-р юрид. наук; Р. В. Назаров, член Московского областного суда; С. А. Пашин, канд. юрид. наук; И. Л. Петрухин, д-р юрид. наук; Ю. И. Стецовский, д-р юрид. наук.

ва (ст. 2) и при построении системы Особенной части УК РФ, изменение системы наказаний, существенное ограничение возможности применения смертной казни (ст. 59), а также было закреплено положение, согласно которому «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания» (ст. 60).

Не менее показателен и Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г., ст. 6 которого после долгих десятилетий официального признания основной целью уголовной юстиции борьбы с преступностью провозглашала в качестве таковой как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Более того, в полном соответствии с требованиями Концепции, направленными на преодоление традиционного для Советской России искажения природы и целей юстиции, в этой статье закреплено также революционное положение, согласно которому «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Тогда же были приняты предусмотренные Концепцией Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (1992 г.), Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (1992 г.), Гражданский кодекс Российской Федерации» (1994 г.), Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (1995 г.), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (2002 г.), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (2002 г.) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (2002 г.).

Однако позже Россия вместе с проводимой в стране судебной реформой остановилась, а некоторое время спустя вначале робко, а затем все более уверенно направилась вспять. Как ни горько об этом говорить, но к сегодняшнему нашему состоянию неприменима даже известная ленинская формула «Шаг вперед, два шага назад», в соответствии с которой Россия каким-то непостижимым образом просуществовала весь двадцатый век. Теперь, не отвлекаясь даже на единичные шажки вперед, мы просто идем, а точнее катимся назад, в наше сравнительно недавнее несвободное и безальтернативное, бесславное, застойное и, главное, что доказано собственным многолетним горьким опытом, абсолютно бесперспективное прошлое. Добровольные народные дружины и комплекс ГТО, Первомайские демонстрации и военные парады, обязательные политические информации в школах и вузах, единственная, а точнее единая руководящая и направляющая партия, единые учебники истории и литературы, зомбирующие население лживые средства массовой информации, старательно возводимый «железный занавес» и неустанный поиск внутренних врагов, преследование инакомыслия и любых проявлений гражданской активности – все это мы уже проходили. Однако цинично помноженное на лозунг «Обогащайся», позаимствованный у якобы чуждого нам капиталистического окружения вчерашними комсомольцами и представителями силовых ведомств, пришедшими во власть и околотовластные структуры и не жела-

ющими с нею расстаться, оно может воспрепятствовать превращению вчерашней трагедии в фарс³.

Но вернемся к нашей реформе. За два года до принятия Концепции судебной реформы, в апреле 1989 г. первым и единственным Президентом СССР М. С. Горбачевым было впервые произнесено слово «перестройка», ознаменовавшее тогда начало долгожданных и абсолютно необходимых перемен, или, что то же самое, реформ в стране. Слово это давно принадлежит истории, а вот реформы, далеко не всегда нужные, еще реже – научно обоснованные, иногда меняющие название (например, на оптимизацию) стали обязательной составляющей современной России, ее и нашим крестом. Вот уже четверть века мы реформируем (перестраиваем) одновременно всё и вся, причем часто без сколько-нибудь аргументированных программ, без пауз и, главное, без подведения итогов, что не только оказывает деморализующее воздействие на добросовестных исполнителей (каково трудиться не щадя живота своего во благо Отечества, но так никогда и не увидеть результатов своих трудов?), но и является благодатнейшей почвой для коррупционеров, которые в поте лица «пилят» российский бюджет, никогда не скупящийся на финансирование нескончаемых реформ. Реформы образования и здравоохранения, ЖКХ и МВД, пенсионная и военная, административная и судебная – вот далеко не полный перечень сфер, перманентно находящихся в состоянии реформирования.

Результаты, что называется, налицо. Это административная реформа, в результате которой из структуры Правительства РФ исчез орган, оказывающий государственную поддержку малому бизнесу – основе среднего класса и, соответственно, такой обязательной составляющей правового государства, как гражданское общество. В экономически развитых странах доля производимой малым бизнесом продукции в ВВП, равно как и доля занятого в нем трудоспособного населения, традиционно больше 50–60 %, в нашей стране даже самые оптимистические данные, представленные в докладах Президенту РФ, не превышают 10–15 %⁴.

Это так называемая модернизация образования, столь странно понимаемая чиновниками от просвещения, что у нее так и не появилось сторонников в профессиональном сообществе педагогов и вузовских ученых. Более того, вызвавшая такое ожесточенное неприятие, что в этой традиционно консервативной среде дело дошло даже до митингов протеста. Чего стоят принятый в 2012 г. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», введение и непрерывное трансформирование системы ЕГЭ и так называемый переход на Болонскую систему, из

³ «Саратовская область станет пилотным регионом по продовольственным карточкам для малоимущих. На льготное продовольствие смогут претендовать студенты, школьники и дошкольники, неработающие пенсионеры, инвалиды и ветераны, дети из многодетных семей, сироты, граждане, проходящие лечение в стационаре, несовершеннолетние, беременные, одинокие матери, неполные семьи, новорожденные, лица без определенного места жительства, беженцы. В перечень продуктов региональной «льготной корзины» вошли: картофель, капуста, морковь, лук, свекла, фрукты, мясо и мясная продукцию, молоко, хлеб и выпечка, мука, крупа, соки и консервы». Это не агитка эпохи военного коммунизма или первых послевоенных лет и не сообщение предперестроечного времени, когда тотальный дефицит привел к возвращению карточной системы. Приведенная цитата взята из статьи «Возвращение продуктовых карточек», опубликованной в общественно-политическом еженедельнике «Новая газета» (г. Энгельс Саратовской области) № 43 (1003) 29 октября 2014 г.

⁴ URL: <http://www.svob-gazeta.ru/novosti/arhiv-gazety/arhiv-gazety-2011-goda/-16-92-ot-12-08-2011-g/vstrecha-prezidenta-opory-rosi-s-vladimirom-putinym.html>

которой российскими «реформаторами» позаимствована лишь терминология, суть же оказалась либо не замеченной, либо извращенной до неузнаваемости.

Это, наконец, оптимизация здравоохранения, в результате которой число поликлиник и больниц в больших городах неуклонно и весьма существенно уменьшается, а в сельской местности очень скоро вообще не останется лечебных учреждений и, соответственно, медицинских работников. Теперь уже они объявляют голодовки и выходят на митинги протеста. Есть основания полагать, что не за горами и вызванный такой «оптимизацией» социальный взрыв, ибо неуклонно ухудшающееся положение дел в российском здравоохранении даже для нашего многотерпеливого населения – вопрос далеко не безразличный.

Это реформа Вооруженных сил (любимое детище и основное достижение предыдущего министра обороны – «эффективного менеджера», к которому не было и нет претензий у Президента России), вступивших в очередное перереформирование немедленно после назначения действующего министра.

Это уже третья или даже четвертая (по числу министров, курирующих соответствующее направление в Правительстве РФ за последние 10–12 лет) пенсионная реформа. Ее результаты определяют качество жизни миллионов российских пенсионеров уже с 1 января 2015 г., однако о ее содержании, об отличии от предыдущих реформ, ожидаемых результатах и, соответственно, смысле проведения, не могут внятно рассказать ни вице-премьер по социальной политике, ни глава одноименного комитета Государственной Думы РФ.

Казалось бы, судебная реформа, имеющая столь солидную и достаточно совершенную нормативную базу, могла бы стать счастливым исключением в бесконечной череде российских реформ, а ее завершение – убедительным примером того, как можно и должно реформировать то, что без реформирования является неэффективным. Однако то, что именуется реформированием судебной системы (и в этом, помимо прочего, трагизм сегодняшнего российского положения, ибо, остановившись на первом, чрезвычайно важном, но совершенно недостаточном этапе реформы, государство так и не перешло к дальнейшей реализации «необходимого условия для построения правового демократического государства», бездарно растратив многие годы), осуществляется вне всякой связи с Концепцией, а нередко и вопреки ей.

Полагаем необходимым сразу отвергнуть возможные возражения по этому поводу, связанные с тем, что Концепция была принята высшим органом законодательной власти Российской Советской Социалистической Республики – государства, переставшего существовать после распада СССР. Во-первых, Россия является правопреемницей не только РСФСР, но и Советского Союза в целом. Во-вторых, в современной России продолжают применяться официально неотмененные нормативные акты, изданные не только в 1990-х, но и в 1950–1970-х гг. И, наконец, в-третьих, не существует не только нормативного акта, отменяющего действие Концепции, но и документа, который содержательно мог бы ее заменить. Нельзя же воспринимать в этом качестве Федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденную постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406⁵, равно как и предшествующие ей одноименные программы на 2002–2006 и 2007–2012 гг. Этому препятствует и слово «развитие» в названии документов (вряд ли нуждается в доказательствах

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1. Ст. 13 ; № 26. Ст. 3352 ; № 48. Ст. 6258 ; 2014. № 8. Ст. 803.

тезис о том, что заниматься развитием сферы, подлежащей реформированию, до проведения реформы нецелесообразно), и основной разработчик Программ, в качестве которого выступает Министерство экономического развития Российской Федерации, и, главное, их содержание⁶. Не говоря уже о том, что отдачи от многочисленных программ, принятых и как будто бы действующих в настоящее время в нашей стране, на реализацию которых ежегодно выделяются десятки миллиардов бюджетных средств, не видит не только скептически настроенный обыватель, но и не последний в стране экономист – глава Сбербанка России Герман Греф, поведавший об этом 2 октября 2014 г. на инвестиционном форуме «Россия зовет»⁷.

Из всех новаций, предусмотренных Концепцией, кроме, разумеется, переселения судов из «хижин во дворцы», облачения судей в мантии и существенного увеличения размеров их материального обеспечения (что, несомненно, важно для повышения самооценки судей и демонстрации государством особого места, которое должен занимать суд в системе правоохранительных органов, но все-таки относится к форме, а не к содержанию планируемых реформ) воплощены только две: в России появились мировые судьи и суд присяжных.

Но даже это сделано не совсем так, как предусматривалось в Концепции. Во-первых, мировые судьи должны были избираться населением, а не назначаться, как сейчас, властью. В связи с этим любопытным представляется недавнее (лето 2013 г.) и достаточно смелое по нынешним временам предложение одного из представителей оппозиции ввести выборность мировых судей, которое не стало даже предметом обсуждения. Во-вторых, процесс создания суда присяжных, который начался с организации в 1992 г. таких судов в девяти субъектах Федерации и скорее всего так никогда бы и не завершился, если бы не неискоренимая приверженность как рядовых россиян, так и большинства представителей власти наказанию в виде смертной казни. Во всяком случае работа по созданию судов с участием присяжных заседателей возобновилась после многолетнего перерыва только после решения Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г.⁸ о недопустимости назначения наказания в виде смертной казни до появления таких судов во всех субъектах Российской Федерации. Причем в течение 20 лет своего существования суды присяжных, которые время от времени выносят оправдательные приговоры, нанося тем самым серьезный ущерб показателям работы следственных органов, являются постоянным объектом критики. Значительно сужена сфера их деятельности, что ограничивает конституционное право обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных. Не так уж редки предложения вообще отказаться от этого, наиболее демократичного института российской судебной системы. Фактически «идет процесс уничтожения суда с участием присяжных»⁹.

Что же касается положения Концепции о предметной дифференциации судов и, прежде всего, о создании административных судов, необходимых для рассмотрения дел о неправомερных действиях и актах органов государственной власти и местного самоуправления, то к этому в нашей стране даже не приступали. Здесь уместно сослаться на интервью, данное «Российской газете» еще в январе 2008 г.

⁶ Подробно об этом см.: *Даурова Т. Г.* Судебная реформа в Российской Федерации : «концепция» и реальность // Юрид. техника. Н. Новгород, 2015.

⁷ URL: <http://www.vedomosti.ru/volga>

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. № 6. Ст. 867.

⁹ *Морщакова Т., Барцевский М.* Сверим правописание // Рос. газета. 2013. 24 сент.

экс-главой Конституционного Суда России, а в то время председателем Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия В. А. Тумановым. С недоумением и горечью он говорил о том, что хотя Верховный Суд РФ неоднократно вносил в Государственную Думу проекты федеральных конституционных законов, посвященных этому вопросу, «такого важного для правосудия направления, как создание системы административных судов, вообще не оказалось в федеральной программе развития судебной системы до 2011 г. Таким образом, еще на четыре года заморожен судебный контроль за законностью управленческих актов, а ведь это одно из важнейших направлений судебной защиты прав и свобод граждан, осуществление которого в рамках гражданского процесса малоэффективно». В. А. Туманов обоснованно сетовал на то, что «определять пути развития судебной системы страны было поручено минэкономразвития», что «столь важный документ не стал предметом широкого предварительного обсуждения» и что даже ему «удалось высказать свое отношение к этому лишь задним числом, когда программа была уже утверждена»¹⁰.

Как известно, в последующие годы абсолютно ничего не изменилось: пути развития судебной системы по-прежнему определяет минэкономразвития, как и раньше, эти вопросы предварительно и широко не обсуждаются, а введение судебного контроля за законностью действий и актов властных структур «заморожено», используя терминологию В. А. Туманова, теперь уже до 2020 г., что делает весьма эфемерной надежду на его «оттаивание» даже в самом отдаленном будущем.

Надо ли говорить, что в современных условиях засилья бюрократии и угрожающей коррумпированности чиновников данный вопрос приобретает все большую актуальность? Однако жизнь показывает, что названные в интервью В. А. Туманова «закулисные механизмы в интересах того самого бюрократического аппарата, который непрерывно растет и вовсе не заинтересован в эффективном судебном контроле за собственной деятельностью»¹¹, срабатывают безотказно, наглядно демонстрируя тем самым, кто в нашем общем доме подлинный хозяин.

Между тем создание системы административных судов предусмотрено не только Концепцией судебной реформы в Российской Федерации. Согласно ст. 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. А вот и мнение по этому вопросу Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева, высказанное в интервью газете «Коммерсант» в апреле 2011 г.: «На сегодняшний день такого полноценного самостоятельного вида судопроизводства в России не создано. Между тем его необходимость, в особенности в условиях борьбы с коррупцией и чиновничьим произволом, очевидна. Ведь в рамках этой процедуры гражданин спорит с государством, заведомо находясь в неравных условиях с его административным ресурсом. Именно в силу этих причин необходимы специальные процедуры и особенное судопроизводство. В отличие от искового производства не гражданин, а государство должно доказывать в суде правоту своих действий, и рассмотрение таких дел должно быть оторвано от территориального принципа подсудности административного спора.

В таких делах рассуждения о себестоимости административного судопроизводства недопустимы, поскольку негативные последствия его отсутствия имеют

¹⁰ Ямшанов Б. Засудить бюрократа. Новой Думе предстоит создать административные суды — для судебной защиты граждан от чиновников // Рос. газета. 2008. 10 янв.

¹¹ Там же.

серьезные отложенные риски, в том числе в виде несовершенства работы государственного аппарата»¹².

Замечательные слова, с которыми нельзя не согласиться. Правда, несколько настораживает время их произнесения. Однако более поздних высказываний в защиту административных судов от людей такого высокого ранга слышать не доходило. Иными словами, когда и что разрешают, тогда именно то и говорят¹³.

Да и не до создания административных судов сейчас, когда все (и те, кто за, и те, кто против) поглощены идеей объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, что признано Президентом России первоочередной задачей в деле реформирования судебной системы. И сразу несколько вопросов. Мы ее развиваем (в смысле оснащения аудио- и видеотехникой и обеспечения жильем) или все-таки реформируем? А если реформируем, то почему происходящее сегодня с российскими судами идет вразрез с единственным официальным документом, предусматривающим проведение в России судебной реформы? В Концепции, как известно, убедительно доказывается «объективная обусловленность параллельного функционирования с общей судебной системой арбитражных судов», в которые были преобразованы государственные арбитражи – административные органы, рассматривавшие ранее, как говорится в Концепции, споры «между батраками одного хозяина – социалистического государства». Этого требовало появление в России различных равноправных форм собственности и основанных на них разнообразных по своим организационно-правовым формам предприятий. Разве в этом вопросе что-то принципиально изменилось? Да, государственное присутствие в бизнесе уже сейчас является чрезмерным, нанося тем самым колоссальный вред отечественной экономике и фактически перечеркивая результаты, проведенной в начале 1990-х гг. приватизации. Государство вновь стало основным собственником в стране (уже к 2008 г. стоимость государственного портфеля составила 469 млрд долларов и этот процесс продолжается) и главным работодателем (у нас 33 млн бюджетников и чиновников, в то время как в США – 17 млн)¹⁴. Настораживают и прозвучавшие на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2013 г. данные о неуклонном возрастании в ВВП России доли продукции, производимой на государственных предприятиях. Если в 2006 г. эта доля составляла 38 %, в 2008 г. – 42 %, то в 2012 г. – уже 53 %¹⁵. Но до полного отказа от частной собственности, как это было в годы советской власти, хочется

¹² Какие дела поступили, такие суды и рассмотрели. Председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев о независимости судебных органов и контроле над правосудием. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1626277>

¹³ Следует отметить, что именно в этот период вступил в силу Федеральный закон «О противодействии коррупции», принять который не удавалось более 15 лет; подверглись сомнению целесообразность создания и эффективность государственных корпораций (как известно, любимого детища его предшественника); были предприняты попытки смягчить отношение власти к некоммерческим организациям и тем самым не только облегчить их участь, но и создать необходимые предпосылки для упрочения институтов гражданского общества в стране. Так что возвращение к вопросу о необходимости сущностного реформирования судебной системы после долгих лет забвения и непосредственно перед новым периодом умолчания было тогда отнюдь не случайным.

¹⁴ URL: <http://www.liberal.ru/articles/1464>. См. также: Шохин А. «Бархатная» удавка для большого бизнеса // Аргументы и факты. 2008. № 6. С. 16.

¹⁵ Большая информационная программа радиостанции «Эхо Москвы» со ссылкой на издание «Блумберг». 2013. 25 янв.

верить, дело все-таки не дойдет. Так чем же можно объяснить такой неожиданный поворот событий?

К каким собственно результатам стремятся авторы столь радикальных перемен? Скорее всего (ведь этот наиважнейший вопрос тоже не стал предметом широкого *предварительного* обсуждения) цель традиционна: совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Но только где, кем и когда доказано, что такое серьезное изменение, если не сказать – коренная ломка структуры судебной власти, даст положительные результаты? При чем доказано настолько убедительно, что авторов идеи не останавливает даже то, что она противоречит действующей Конституции РФ.

Разве не очевидно, что после нарушения в 2008 г. негласного табу, когда в Конституцию были внесены самые необязательные и наименее обоснованные из всех возможных изменений, направленные не на приближение нашей страны к идеалу, закрепленному в ст. 1 и 7 Основного закона, не на упрочение прав и свобод россиян и усиление их гарантий и тем самым на улучшение качества жизни населения, а служащие, как ни горько это осознавать, только исключительно дальнейшему благоустройству самой власти, это вряд ли кого-то может остановить?

Принцип состязательности, ставший одним из важнейших достижений российской Судебной реформы 1864 г., господствующий в судах современных цивилизованных стран и закрепленный в ст. 123 Конституции РФ, неуклонно попирается. Разумеется, при рассмотрении уголовных дел присутствуют как прокуроры, так и адвокаты. Однако приговор суда менее всего зависит от весомости предоставленных ими доказательств и аргументированности их выступлений, так как основой этого приговора традиционно становится текст обвинительного заключения. Если свидетель обвинения в зале суда не узнает обвиняемого или не может вспомнить, что же тот все-таки натворил, судья зачитывает протокол его допроса следователем, который подшит к делу, и именно его берет за основу обвинительного приговора. То есть материалы следствия не только не опровергаются судом, но даже не подвергаются им сомнению, являясь для него истиной в последней инстанции. Как показал опрос почти 2000 судей, проведенный совсем недавно Институтом проблем правоприменения, 52 % судей, рассматривающих уголовные дела, больше доверяют досудебным показаниям потерпевшего, чем сказанному им же в ходе судебного разбирательства; 56,4 % предпочитают данные во время следствия показания свидетеля тем, которые он озвучил в зале суда. Когда дело касается подозреваемого, ему в ходе судебного заседания почему-то вообще не верят: 70,6 % судей предпочитают опираться на то, что подсудимый сказал следователю, а не в суде¹⁶.

Наиболее ярким примером является так называемое «Болотное дело», когда спровоцированные на сопротивление полиции участники санкционированной властью мирной демонстрации были необоснованно обвинены в совершении массовых беспорядков¹⁷, больше года содержались под арестом, после чего приговорены к различным срокам лишения свободы. Очевидно, что в действиях ни одного из обвиняемых не содержится признаков данного преступления, о чем постоянно говорили не только их адвокаты и юридическая общественность, но и

¹⁶ См.: *Ходжаева Е., Тутаев К.* «Бумажные дела» // Ведомости. 2014. 13 нояб.

¹⁷ Статья 212 УК РФ «Массовые беспорядки» гласит: «Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, – наказывается...».

бывший Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин. И только суд, который согласно Концепции должен «несмотря ни на что утверждать право и закон», а также «воплощать потребности гражданского общества», их упорно не слышал.

Повсеместно наблюдается понижение степени доказанности обвинения не только следственными органами, где признание, а подчас и вынужденный самооговор обвиняемого вновь становятся «царицей доказательств», но и судами, фактически самоустранившимися от поиска истины и всецело полагающимися на материалы следствия. И опять мы попадаем в замкнутый круг: некритичное отношение судей к результатам работы следственных органов, объективно снижает ее качество. Непрофессионализм и недобросовестность как тех, так и других калечит судьбы людей, попавших под молот такого правосудия, противоречит конституционному статусу России как правового государства, подрывает авторитет России в глазах мирового сообщества. Более того, это напрямую препятствует созданию в стране полноценной политической системы, которой нет и не может быть без полноценной судебной системы¹⁸.

Менее 1 % оправдательных приговоров в России – это страшная цифра¹⁹. И она свидетельствует о том, что *такие* суды без всякого вреда, более того, с колоссальной экономией бюджетных средств, могут быть упразднены. А судебным приговором будет считаться обвинительное заключение следователя. Эта крамольная идея впервые была высказана выдающимся ученым-правоведом И. С. Ноем на рубеже 1970-х гг. Речь тогда, естественно, шла о советском суде. Невозможно было даже предположить, что спустя полвека в новой России, позиционирующей себя как правовое государство, она вновь окажется актуальной.

Судами удовлетворяется подавляющее большинство ходатайств следственных органов об избрании подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления самой строгой меры пресечения – заключения под стражу (90,2 % в 2009 г.; 90 % в 2010 г.), практика же продления срока содержания под стражей приблизилась к 100-процентному удовлетворению ходатайств (98,1 % в 2009 г.; 97,9 % в 2010 г.)²⁰.

Применение к подозреваемым и обвиняемым таких менее строгих мер пресечения, как весьма распространенная прежде подписка о невыезде и относительно новый залог, в последнее время фактически стало экзотикой. Достаточно вспомнить стрелочников, заключенных под стражу после недавней аварии в московском метро или разделивших их участь водителя снегоуборочной машины и двух диспетчеров в аэропорту Внуково, подозреваемых в причастности к трагедии, жертвами которой стали крупный французский бизнесмен и члены экипажа принадлежавшего ему самолета. Между тем согласно ч. 1 ст. 108 действующего УПК РФ «заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется... при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения». В соответствии с ч. 3 этой же статьи «в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого под стражу и *невозможно* избрание иной меры пресечения». Однако убедительных доказательств такой невозможности нельзя отыскать ни в ходатайствах следователей, ни в решениях судей.

¹⁸ См.: Митрофанов С. Реформа справедливости. Еще раз. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Reforma-spravedlivosti.-Esche-raz>

¹⁹ См.: Ежегодный доклад ФПА РФ о состоянии системы отечественного уголовного судопроизводства за 2011 г. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20110428/252361655.html

²⁰ См.: Там же.

Несмотря на то что Европейский суд по правам человека именно по этому вопросу неоднократно признавал Россию нарушителем Конвенции о защите прав человека и основных свобод, неизменно указывая в своих решениях, что условием законности как заключения под стражу, так и продления срока содержания является наличие разумных подозрений в том, что именно задержанное лицо совершило преступление, а традиционные ссылки российских судей на тяжесть обвинения и риск побега подозреваемого недостаточны для удержания его под стражей, судьи даже не обсуждают вопрос о степени вероятности того, что данный человек участвовал в совершении инкриминируемого ему преступления.

Опасность сложившейся практики усугубляется еще и тем, что суды почти никогда не назначают лицам, находившимся под стражей до вынесения приговора, наказаний, не связанных с лишением свободы. Необоснованное и, следовательно, противоречащее уголовно-процессуальному законодательству избрание меры пресечения в виде заключения под стражу фактически предрешает судьбы многих людей на долгие годы вперед.

Поражает жесткость, чтобы не сказать жестокость многих судебных приговоров. Перестали быть редкостью ситуации, когда суд назначает наказание строже того, что просит в своей обвинительной речи прокурор. А знаменитое дело художника и сельского учителя Ильи Фарбера именно из-за ничем не оправданной жестокости суда стало уже притчей во языцех. Суд первой инстанции приговаривает его к восьми годам лишения свободы, вышестоящий суд отменяет приговор по ряду причин, в том числе и в связи с чрезмерной строгостью наказания. При повторном рассмотрении дела наказание уменьшается до семи лет и одного месяца. И тогда прокуратура, сжалившись над осужденным, опротестовывает решение суда и добивается условного наказания.

Находящемуся под стражей подозреваемому по уже упоминавшемуся «Болотному делу» суд не позволил присутствовать на похоронах матери, сославшись на то, что это не предусмотрено законом. Поэтому два сенатора, озаботившись судьбой этого и будущих подсудимых, незамедлительно подготовили соответствующий законопроект, для ликвидации якобы существующего в законодательстве пробела.

Но здесь нет пробела. Очевидно, что подозреваемый в совершении преступления человек не может находиться в худшем положении, чем тот, чья вина уже доказана судом. Лицо же, отбывающее наказание за совершенное преступление, при наличии уважительной причины, как известно, имеет согласно действующему российскому законодательству право на кратковременное оставление колонии. Кроме того, одним из общепризнанных принципов правового государства является «разрешено все, что не запрещено», а в соответствии с Концепцией «суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призван выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека».

Шокирует то, что получило название избирательности российского правосудия: условия домашнего ареста основной фигурантки дела оборонсервиса и длительное удержание под стражей неуклонно терявшего зрение одного из фигурантов «Болотного дела». При этом согласно Концепции «на арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстной заинтересованности, политических симпатий и идеологических предубеждений суд».

Вопреки положению Концепции «Судебная практика не должна оставлять у следователей и прокуроров сомнений в том, что всякая небрежность, натяжка, фальсификация, отступление от закона обесмысливает их действия. В частности, не

имеют доказательственной силы материалы, добытые незаконным путем, в том числе до возбуждения уголовного дела» суды нередко используют при вынесении приговора доказательства, собранные незаконным путем. Достаточно вспомнить запись старинных телефонных разговоров фигурантов так называемого дела о Кировлесе.

И еще один пример, а точнее, одно имя: Сергей Магницкий. Узнав о фактах коррупции в налоговых органах, он пытался привлечь к ним внимание правоохранителей, за что был арестован, затем убит в тюрьме, а после этого еще и осужден(!?). Сделано это было вопреки протестам его близких, общественности как в нашей стране, так и за рубежом, а также вопреки ст. 24 действующего Уголовно-процессуального кодекса России, где наряду с отсутствием события или состава преступления в качестве основания для прекращения уголовного дела, как известно, названа смерть подозреваемого или обвиняемого.

Каким диссонансом звучит все сказанное удивительным словам из Концепции судебной реформы в Российской Федерации: «...суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призван выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека».

Надо ли говорить, что имя и судьба Сергея Магницкого навсегда останутся позором России, допустившей возвращение в XXI в. средневековых методов расправы.

Так, вновь стали актуальными слова из Концепции, посвященные нашему советскому прошлому, как казалось тогда, ушедшему безвозвратно: «С определенностью можно сказать, что суд не пользовался властью, а власть бесконтрольно пользовалась судом... Суды, как и вся система юстиции, составляли важный элемент командно-административной системы руководства страной (**вертикали власти?!**), были проводниками ее воли. Они выступали преимущественно как репрессивный орган, освещая ритуалом судебного разбирательства предпринятую расправу».

В смятение приводит то, что сделал и продолжает делать законодатель с действующим Уголовным кодексом России²¹.

Одной из прогрессивных новаций УК РФ стал принципиальный отказ от широко используемой предшествующим законодательством так называемой административной преюдиции, когда повторное, после наложения административного взыскания, того же самого административного правонарушения (например, мелкого хулиганства или мелкого хищения), признавалось преступлением и влекло за собой уголовную ответственность. Очевидно, что отличие преступления от административного деликта состоит в неодинаковом характере и степени их общественной опасности, а отнюдь не в количестве телодвижений, совершенных правонарушителем. Здесь именно тот, достаточно несчастный случай, когда количество не переходит в качество. Поэтому решение законодателя, которое учитывало мнение, высказываемое по этому поводу в теории, несомненно, заслуживало одобрения.

И что же мы видим сейчас? В июле 2011 г. УК РФ был дополнен ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», где говорится о

²¹ За последние 10 лет было принято более 140 (!) федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ. Причем в это время, как известно, не совершались революции, не менялись экономическая и политическая системы. В стране царил стабильность (как уверяет власть) или застой (как полагают граждане). И только законодателя лихорадило: уподобясь взбесившемуся принтеру, он без устали «перепыхивал» Уголовный кодекс, наиболее репрессивный из существующих законов и уже в силу этого требующий вдумчивого и бережного отношения.

неоднократном совершении этого деяния. В примечании сказано, что для констатации признака неоднократности необходимо, чтобы это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение 180 дней²². В редакции ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» от 7 декабря 2011 г. неожиданно появилось упоминание неоднократного злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на рынке. Примечание 4 к этой статье гласит: «Неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности»²³. Это стало началом немотивированного и необоснованного возвращения в уголовный закон административной преюдиции.

Кроме того, содержание этих статей, равно как и ст. 154 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное усыновление (удочерение), а также содержащей признак неоднократности, противоречит законодательному решению от 8 декабря 2003 г., когда из УК РФ была исключена ст. 16 «Неоднократность преступлений»²⁴, об ограничении видов множественности преступлений только совокупностью и рецидивом. Нельзя сказать, что специалисты с энтузиазмом восприняли тогда эту новацию²⁵, но если это произошло, то последующее использование признака неоднократности в нормах Особенной части является абсолютно неприемлемым.

Отсутствие в первой редакции УК РФ 1996 г. статьи, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве (в последнем УК РСФСР это была ст. 174.1), означало не декриминализацию данного деяния, а обоснованный отказ от избыточной правовой нормы, не несущей смысловой нагрузки, ибо соучастие в совершении преступления (и это – аксиома) является преступлением. Именно поэтому в уголовном законодательстве никогда не было, нет и, хочется верить, не будет отдельных статей, предусматривающих ответственность за подстрекательство к убийству, пособничество в грабеже, посредничество в незаконном усыновлении и т.д. Каков же тогда смысл введения в УК РФ в мае 2011 г. ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве»²⁶?

Не может не настораживать и непрерывный процесс криминализации все новых деяний, фактически означающий возврат к порочной советской «практике искусственного создания поправками к УК новых категорий преступлений и преступников»²⁷, а также (и это абсолютно новое явление) дополнение Уголовного ко-

²² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4601.

²³ Там же. № 50. Ст. 7343.

²⁴ Весьма нелестно характеризует законодателя то обстоятельство, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, исключившим неоднократность из видов множественности преступлений, были внесены изменения и в ст. 154 УК РФ, однако признака неоднократности они почему-то не затронули.

²⁵ См., например: *Бойко А.* Верните неоднократность // *Законность*. 2006. № 1. С. 12; *Побегайло Э. Ф.* Нерадостный юбилей // *Рос. юстиция*. 2006. № 6. С. 3; *Уголовное право: история и современность (вопросы Общей части)* / Т. Г. Даурова [и др.]. Саратов, 2009. С. 58.

²⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. Ст. 2714.

²⁷ Концепции судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 106. По справедливому мнению ее авторов, «важным шагом по пути от политического государства к правовому будет выработка четких критериев криминализации... В противном случае наказание учреждается без преступления, творится государственный произвол, бессмысленно ужесточается репрессия».

декса, если можно так выразиться, статьями-дублерами, написанными на злобу дня, где под другими названиями и несколько иными словами говорится о давно известных и изначально присутствующих в действующем УК РФ преступлениях. Так, в ходе очередной кампании по борьбе с незаконной миграцией УК РФ был дополнен в апреле 2008 г. ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации»²⁸, в которой устанавливается ответственность за совершение трех традиционных преступлений против интересов государственной службы, одним из которых является злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), вторым – служебный подлог (ст. 292), третьим – халатность (ст. 293), что свидетельствует о ее избыточности, приводящей к ничем неоправданному засорению Уголовного кодекса. Не больше смысла и в дополнении УК РФ в июле 2010 г. ст. 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений»²⁹.

Нельзя признать целесообразным и расширение традиционного перечня квалифицирующих обстоятельств за счет введения в нормы Особенной части все новых признаков. Есть основания утверждать, что даже при очевидном несовершенстве действующего уголовного законодательства, квалифицирующие обстоятельства – самое уязвимое в нем место. Их перечни в статьях Особенной части Уголовного кодекса неоправданно длинны и нередко ничем не аргументированы. Они характеризуют в разных сочетаниях все элементы состава преступления, а также личность виновного, потерпевшего и характер взаимосвязей между ними. При определении совпадающих по содержанию признаков наблюдается терминологический разнобой, а в одноименные квалифицирующие обстоятельства законодателем подчас вкладывается разный смысл. Они часто и весьма бессистемно подвергаются изменениям, а точнее, дополнениям, что далеко не всегда имеет смысл и приносит пользу, так как делается без опоры на научные исследования и материалы практики. Подтверждение сказанному можно найти, едва ли не в каждой главе УК РФ³⁰. Между тем законодатель, как известно, «...не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует. Он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»³¹.

Очевидно, что качество законов является объективным показателем качества законодателя, под которым понимается не только уровень образования и интеллектуальный уровень депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, не только мера их юридической грамотности, но и их добросовестность в самом широком смысле этого слова, а также нравственные принципы, которыми они руководствуются. Не менее важным является осознание каждым из них основополагающего постулата Конституции России о том, что *человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а обязанность государства – признавать, соблюдать и защищать их*, и неуклонное следование ему при осуществлении законодательной деятельности.

Перечитав Концепцию судебной реформы в Российской Федерации, в очередной раз убеждаешься, насколько правильнее, справедливее, комфортнее, да про-

²⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 15. Ст. 1444.

²⁹ Там же. 2010. № 27. Ст. 3431.

³⁰ Подробно об этом см.: *Даурова Т. Г.* Некоторые теоретические вопросы дифференциации уголовной ответственности // Рос. криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 285–290.

³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 162.

сто счастливее стала бы жизнь каждого из нас, будь она реализована на практике. Однако этому, как сказано в Концепции «должна была сопутствовать последовательная политическая воля и искреннее желание стоящих у кормила государства Российского деятелей провести начатые преобразования во всей их полноте и нелицеприятности».

*Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Саратов)*

Даурова Т. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории
права, заслуженный работник высшей школы РФ

*Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypina –
Branch RANHiGS at the President of the Russian Federation (Saratov)*

Daurova T. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory
Law Department, Honoured Worker of Higher School of Russian Federation
E-mail: daurovsk@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

*Статья посвящена анализу положений Концепции судебной реформы 1991 г. о независимости судебной власти. Рассматриваются различные подходы к определению понятия судебной власти. Изучается соотношение понятий «самостоятельность» и «независимость» судебной власти, дается определение суверенности судебной власти.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Концепция судебной реформы 1991 г., независимость и самостоятельность судебной власти, суверенность судебной власти.*

CONCEPT OF INDEPENDENCE

*Article is devoted to the analysis of provisions of the Concept of judicial reform of 1991 about independence of judicial authority. Various approaches to definition of a concept of judicial authority are considered. The ratio of concepts of «independence» and «independence» of judicial authority is studied, definition of a sovereignty of judicial authority is given.
K e y w o r d s: Concept of judicial reform of 1991, independence and independence of judicial authority, sovereignty of judicial authority.*

Поступила в редакцию 6 сентября 2016 г.

Концепции судебной реформы в РСФСР исполняется 25 лет. Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. было принято соответствующее постановление № 1801-1, предопределившее развитие судебной системы России на длительное время. Заложенный в Концепции судебной реформы потенциал так и не был полностью реализован. Спустя четверть века можно оценить, насколько идеи, изложенные в этом знаковом документе, были воплощены в жизнь и что еще предстоит сделать. Интересно также проанализировать, соответствует ли положение дел на современном этапе реформы судебной системы парадигме Концепции.

Одной из главных задач судебной реформы в Российской Федерации Концепция называет утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной, т.е. устройство органов государственной власти на основе теории разделения властей¹.

Теория разделения властей в ее современном понимании нацелена на то, чтобы предотвратить абсолютизацию одной из властей, авторитарное правление в обществе. Каждая ветвь власти самостоятельна, но не автономна, их деятельность в тесном сотрудничестве должна быть направлена на решение задач государства в целом. «Обеспечение интересов государства достигается не обособленностью ветвей власти, не их противостоянием и тем более не их открытой конфронтацией, а тесным взаимным сотрудничеством, точным исполнением каждой из ветвей власти своих функций. Объективная действительность такова, что все ветви власти нуждаются друг в друге, что они образуют законченное единство, именуемое государственной властью, лишь в своей совокупности, выступая как элементы единой системы»². Неправильно пони-

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

² Фетищев Д. В. Судебная власть в механизме государства : вопросы теории и практики. М., 2007. С. 81.

мать идею разделения властей дословно, не углубляясь в это понятие, так как в принципе государственная власть едина. Нельзя рассматривать все три ветви власти как абсолютно независимые друг от друга. Разделение властей – это их обособление и взаимодействие. Для становления судебной власти крайне важно обеспечить как в научном, так и в практическом плане ее обособленность, самостоятельность и независимость.

В правовой литературе не раз отмечалось, что проблема независимости ветвей власти связана не столько с их абсолютной обособленностью, сколько с взаимным уравниванием и взаимодействием, которые обеспечивает система «сдержек и противовесов»³.

Чтобы судебная власть действительно была независима от других ветвей власти, она должна быть наделена реальными полномочиями по контролю деятельности органов законодательной и исполнительной власти, за соответствием принимаемых ими решений Конституции РФ и действующим законам. Концепция судебной реформы 1991 г. прямо называет функцию судебного контроля, осуществляемого судами общей юрисдикции, неотъемлемой чертой правосудия⁴.

Важность принципа разделения властей состоит также в том, чтобы взаимный контроль и сбалансированность полномочий не привели к присвоению полномочий судебной власти какой-либо другой властью. Со своей стороны, судебная власть не должна вмешиваться в прерогативы деятельности законодательной и исполнительной властей.

Вместе с тем следует сказать, что судебная практика влияет на направление законодательной деятельности, а также исправляет многие ошибки органов исполнительной власти. Более того, как верно замечено, своим толкованием права в процессе его применения суды выявляют подлинное содержание правовых норм, часто отличное от первоначальных целей⁵. Констатируя недопустимость соединения судебной власти с исполнительной, можно сослаться на тезис, что любые формы такого соединения «извращают назначение судебной процедуры, фактически подменяют разрешение спора формально равных сторон властно-приказным регулированием интересов»⁶.

Любая власть обладает стремлением абсолютизировать свои властные полномочия. Это положение можно отнести и к судебной власти. В юридической литературе отмечается, что сущность любой власти можно определить и измерить двумя показателями: объемом компетенции и уровнем авторитарности, т.е. степенью обязательности принимаемых решений⁷.

Проецируя эти положения на судебную власть, можно констатировать, что в настоящее время показатели властности судебной деятельности неуклонно расширяются. Поэтому перед юридической наукой стоит задача ограничения проявления абсолютизации судебной власти. Концепцией судебной реформы в Российской Федерации в отношении судебной власти предусматривается установление

³ См., например: *Чиркин В. Е.* Конституционное право : Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 255.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁵ См.: *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 617.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ См., например: *Савич В. И.* Власть и демократия на предприятии // Актуальные вопросы государства и права в современный период. Томск, 1994. С. 125–126.

двух жестких ограничителей – связанность правосудия волей законодателя и недопустимость отступления от процессуальных норм. Таким образом, верховенство закона и его господство в правоприменительной деятельности органов судебной власти – важнейший способ ограничения судебной власти. Другим важным способом ограничения судебной власти являются права и свободы человека и гражданина, так как «...правового регулирования в строгом смысле слова просто нет там, где отсутствуют права человека»⁸.

Кроме того, по мнению Т. А. Савельевой, «к таким способам следует также отнести принципы правосудия и судопроизводства: право граждан на судебную защиту, равенство граждан перед судом и законом, гласность, состязательность процесса; санкции за ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей судом в виде отмены или изменения вышестоящим судом неправосудного решения»⁹.

Органы судебной власти занимают особое место не только в механизме государственной власти, но и в общественном сознании, поскольку воспринимаются в общественном сознании как важнейший инструмент социальной защиты. Отсюда – признание его важнейшим общественным институтом. Суд укрепляет экономическую и политическую стабильность в обществе, решая споры, поддерживая социальные нормы в обществе, играет значительную воспитательную роль, приобщая граждан к принятым в обществе стандартам поведения, к соблюдению общечеловеческих ценностей. Судебная власть – «это тот новый политический и правовой феномен, который адекватно отражает стремление построить на российской почве правовое «государство, основанное на доктрине разделения властей»¹⁰.

В контексте вопроса о правовой природе судебной власти необходимо сказать о соотношении категорий «самостоятельность» и «независимость» судебной власти. Следует ли понимать конституционное положение о самостоятельности судебной власти как исключаящее возможность говорить о ее независимости? Анализ высказанных в юридической литературе мнений по данному вопросу в отношении судебной власти показывает, что в его понимании нет единства.

Одни авторы говорят о самостоятельности судебной власти и независимости судей. Так, В. А. Ржевский и Н. М. Чепурнова полагают, что говорить о самостоятельности можно только применительно к судебной власти в ее взаимодействии с иными властями, а о независимости – применительно к осуществлению правосудия независимым должностным лицом – судьей¹¹.

М. В. Баглай, например, отмечает, что «самостоятельность судебной власти проявляется в независимости судей, которые подчиняются только Конституции РФ и закону и в своей деятельности по осуществлению правосудия никому не подотчетны»¹².

По мнению Л. Т. Ульяновой, самостоятельность судебной власти подкрепляется положением о независимости судей, присяжных, народных заседателей и подчинении их при осуществлении правосудия только Конституции РФ и закону (но в

⁸ Право, свобода, демократия // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 6.

⁹ Савельева Т. А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов, 1997. С. 24.

¹⁰ Конституция и закон : стабильность и динамизм. М., 1998. С. 126.

¹¹ См.: Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации : конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 147.

¹² Баглай М. В. Указ. соч. С. 616.

то же время автор обозначает данный принцип как принцип самостоятельности судов, независимости судей, народных и присяжных заседателей)¹³.

П. А. Лупинская подчеркивает, что самостоятельность суда требует реализации судебной власти независимыми судьями и присяжным заседателями¹⁴. В. П. Божьев также говорит о независимости судей как неременном условии отправления правосудия¹⁵.

Другие авторы полагают правомерным говорить о самостоятельности и независимости судебной власти как ее неотъемлемых свойствах. Так, А. В. Цихоцкий, отмечает: «...Главное свойство судебной власти – ее самостоятельность и независимость... когда речь идет о независимости судебной власти, это касается организационных моментов ее функционирования, которые, безусловно, подлежат закреплению законом...»¹⁶.

О самостоятельности и независимости судебной власти говорит и Т. А. Савельева, отмечая, что «принципы независимости и самостоятельности судебной власти... можно рассматривать как принципы демократического правового государства, основу его конституционного строя»¹⁷.

В. В. Ершов, рассматривая правовые гарантии независимости судебной власти, полагает, что суть последней, прежде всего, возможно раскрывать через права суда по отношению к законотворческим и исполнительным органам государственной власти¹⁸.

Интересное мнение высказывает Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, подчеркивая, что «самостоятельность судебной власти – важное условие и предпосылка независимости правосудия и лиц, его осуществляющих»¹⁹.

Ю. И. Стецовский, исследуя конституционные основы судебной власти, говорит также о ее самостоятельности и независимости от других ветвей власти: «Будучи отделенной от законодательной и исполнительной власти, судебная власть обязана действовать независимо от них»²⁰.

Е. В. Кладий рассматривает судебную власть как разновидность государственной власти, которая самостоятельно и независимо от других ветвей государственной власти (законодательной и исполнительной) осуществляет свои властные, публично-правовые полномочия в установленных государством формах и с использованием надлежащих процедур²¹.

О самостоятельности и независимости как разных характеристиках судебной власти говорят и некоторые другие авторы²².

¹³ См.: Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1998. С. 61.

¹⁴ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 1999. С. 132

¹⁵ См.: Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М., 2000. С. 82.

¹⁶ Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 43.

¹⁷ Савельева Т. А. Указ. соч. С. 28.

¹⁸ См.: Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 71–72.

¹⁹ Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 36.

²⁰ Стецовский Ю. И. Судебная власть. М., 1999. С. 54.

²¹ См.: Кладий Е. В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

²² Судебная власть. Правоохранительные органы Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. В. М. Семенова. Екатеринбург, 2002. С. 14 ; Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина.

Думается, что в подтверждении правоты последних можно сослаться на положения Концепции судебной реформы 1991 г., где одной из главных задач реформы провозглашалось утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной²³.

Данное концептуальное положение получило свое дальнейшее развитие в действующем законодательстве. Так, согласно п. 2 ст. 1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации», судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. Аналогичное положение содержится в п. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации». Данные нормы свидетельствуют о том, что законодатель рассматривает «самостоятельность» и «независимость» как неравнозначные категории и применяет их к понятию «судебная власть», а не к какой-либо форме ее реализации.

Рассмотрев самостоятельность и независимость в качестве основных характеризующих признаков судебной власти, мы пришли к выводу что объединить данные категории представляется возможным под единым определением «суверенность судебной власти». Суверенность является неотъемлемым свойством любой власти, и в попытках противопоставить самостоятельность и независимость судебной власти, включить одно свойство судебной власти в другое подчас забывается о том, что это разные стороны одного определяющего качества для любой власти. Естественно, суверенность судебной власти носит несколько иной характер, чем суверенитет государственной власти в целом, и отнюдь не означает полного изъятия судебной власти из общего механизма государства, работающего в рамках «концепции единства государственной власти и разделения ее ветвей»²⁴.

Некоторые авторы рассматривают независимость судебной власти как важнейший принцип, который «является отправным, определяющим положение суда в современном государстве». При этом самостоятельность судебной власти – лишь один из аспектов (институциональный) ее независимости: «...Независимость в институциональном аспекте этого понятия (или самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей по отношению к другим государственным или общественным органам)...». Вторым аспектом независимости судебной власти и ее носителей в содержательном значении этого термина является беспристрастность²⁵.

Анализ международных документов, Концепции судебной реформы 1991 г., норм Конституции РФ и отраслевого законодательства позволяет говорить о самостоятельности и независимости судебной власти от законодательной и исполнительной властей как ее важнейших характеристиках.

Следует заметить, что положения ст. 10 Конституции РФ относятся не только к организации государственной власти на федеральном уровне, но и к системе органов государственной власти субъектов РФ. В подтверждение данного тезиса

М., 2003. С. 81, 210 ; Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 14.

²³ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации.

²⁴ Чиркин В. Е. Законодательная власть. М., 2008. С. 78.

²⁵ См.: Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. С. 211.

са можно сослаться на мнение ряда авторов²⁶, которые, рассматривая судебную власть как часть системы «сдержек и противовесов», средство разрешения споров между органами государственной власти, полагают, что эта задача судов в Российской Федерации должна реализовываться не только на федеральном и региональном уровнях, но и на муниципальном.

²⁶ См.: Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 44–50 ; Кавешникова Е. М. Конституционное право Российской Федерации : курс лекций. М., 1998.

Воронежский государственный университет

Шабанов П. Н., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Shabanov P. N., Candidate of Legal Science, Lecturer of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department

E-mail: pshabanov@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РСФСР И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Рассмотрены проблемные аспекты становления административно-процессуальной формы в Российской Федерации, исследованы основные направления развития судебной системы России, устанавливается необходимость создания административных судов и формирования административно-процессуального права как самостоятельной отрасли права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная система, административное судопроизводство, административный процесс.

THE JUDICIARY REFORM CONCEPT IN RUSSIAN FEDERATION AND MODERN PROBLEMS OF ORGANIZATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article deals with the problematic aspects of the establishment of the administrative procedural form in the Russian Federation, the main directions of the development of the judicial system of Russia, article established the need for the creation of administrative courts and the formation of the administrative procedural law as an independent branch of law.

К e y w o r d s: the judicial system, administrative justice, the administrative process.

Поступила в редакцию 3 августа 2016 г.

Переход Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признание приоритета прав и свобод личности, ратификация международно-правовых документов в этой области обусловили существенное изменение концептуальных подходов к предварительному расследованию уголовных дел. Поэтому на протяжении всего постсоветского периода развития нашего общества и государства на общем фоне непрерывных и нередко достаточно хаотичных изменений уголовно-процессуального законодательства предпринимаются постоянные попытки реформирования системы органов предварительного следствия.

Впервые на принципиальном уровне в условиях новой российской государственности этот вопрос был поставлен в принятой 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в РСФСР¹, где организации следственного аппарата посвящен самостоятельный подраздел № 7, отнесенный к основным идеям и мероприятиям данной программы. Однако, несмотря на то что с момента принятия Концепции прошло уже 25 лет, процесс реформирования органов предварительного следствия так и не завершен; между учеными, практиками, общественными и политическими деятелями вновь ведется полемика, каким же все-таки быть российскому следователю.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Россинский С. Б., 2016

Очередного пика обсуждения по данной проблеме достигли в конце 2014 г. – начале 2015 г., когда Президент РФ предложил Верховному Суду РФ изучить и проработать вопрос о возможности введения в систему уголовной юрисдикции так называемых следственных судей по некоторому образцу и подобию того, как это было в Российской империи и как это существует в ряде западных государств, в частности во Франции (*le juge d'instruction*). Очевидно, что инициаторы данного президентского поручения посчитали предыдущий шаг по реформированию системы предварительного следствия, сделанный в 2007 г. и обусловивший появление Следственного комитета РФ, полумерой либо просто ошибкой.

В связи с этим на страницах юридической печати, в средствах массовой информации, на различных интернет-порталах, в социальных сетях, а также в рамках целого ряда «круглых столов» и тому подобных мероприятий разгорелись жаркие дискуссии о целесообразности таких нововведений. Мнения по данному поводу разделились на диаметрально противоположные. Западно ориентированные юристы высказывают идеи о безусловной необходимости введения института следственных судей по европейскому образцу для организации досудебного депонирования доказательств² или судебного контроля за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование³. Наиболее радикально настроенные ученые даже высказывают суждения о перестроении национальной системы досудебного производства по американскому образцу, предполагающему превращение следователя в так называемого *investigator(a)* – фактически полицейского детектива, лишённого каких-либо юрисдикционных полномочий⁴.

Другие специалисты заняли диаметрально противоположную и, кстати, гораздо более справедливую позицию, предполагающую разумный консерватизм и делающую упор на свой собственный, сугубо национальный путь развития досудебного производства РФ⁵, который (если, конечно, смотреть на него объективно, а не через призму преклонения перед Западом) не так уж и плох.

На сегодняшний день обсуждение указанных проблем постепенно сошло на нет; в средствах массовой информации стали активно муссироваться более «модные» темы, обусловленные последними инициативами Президента РФ, в частности о расширении компетенции суда присяжных и т.д.

Однако вопрос о том, что же все-таки делать с национальной системой предварительного следствия, по-прежнему открыт; замысел этого подраздела Концепции судебной реформы в РСФСР до конца так и не реализован. В частности, не

² См.: *Смирнов А. В.* Российский уголовный процесс : необходима новая модель // Официальный сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html

³ См.: *Морщакова Т. Г.* Главный по арестам // Рос. газета. 2015. 11 марта ; *Ковтун Н. Н.* Каким быть аппарату власти следственной? // Аппарат власти следственной / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 162–164.

⁴ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации / А. С. Александров [и др.] // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). URL: <http://www.iauj.net/node/1766>

⁵ См.: *Головко Л. В.* Институт следственных судей : американизация путем манипуляции // Официальный сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html ; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2016. С. 328–329 ; *Боруленков Ю. П.* Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). URL: <http://www.iauj.net/node/1922> ; *Быков В. М., Манова Н. С.* Каким быть аппарату власти следственной? // Аппарат власти следственной / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 53–58.

был создан единый следственный аппарат, административно отделенный от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Следователь остается государственным чиновником, процессуально подчиненным руководителям следственных органов разного уровня, имеющих возможность контролировать буквально каждый его шаг, каждое принимаемое им юрисдикционное решение, применять к нему меры дисциплинарной ответственности. Следственные подразделения до сих пор построены по военному образцу, предполагающему уставные отношения, жесткую субординацию и т.д.

Более того, анализ всех законодательных и иных изменений, связанных с организацией следственной власти РФ, с процессуальным статусом следователя в уголовном судопроизводстве, с надзорными и контрольными механизмами за его деятельностью, неизбежно наталкивает на мысль, что проводимые в последнее время преобразования не имели ничего общего с Концепцией судебной реформы в РСФСР и в конечном счете привели систему предварительного следствия к еще более плачевному состоянию, чем это было до 1991 г. Кстати, в этом нет ничего удивительного, поскольку каждый новый шаг, сделанный в данном направлении, не носит системного, долгосрочного характера, а скорее направлен на сиюминутное решение очередной проблемы, т.е. на экстренное «затыкание дыр». Видимо, подобный импульсивный подход весьма удобен, поскольку позволяет «малой кровью» (путем внесения законодательных или организационно-штатных изменений) быстро добиться определенного результата. В связи с этим невольно возникает аллегорическое сравнение с кефирной или гречневой диетой, позволяющей за пару недель сбросить несколько лишних килограммов. Однако впоследствии, после завершения режима диетического питания, человек моментально набирает свой прежний вес и даже больше. Думается, что нечто подобное происходит и в реформе системы предварительного следствия, поскольку любые экстренные шаги, любые революционные меры не носят долгосрочного характера и всегда опасны скорым наступлением своеобразной реакции.

Поэтому решение данной проблемы в духе Концепции судебной реформы в РСФСР должно носить не сугубо организационно-правовой, а комплексный характер. Очевидно, что любые организационно-штатные изменения и, тем более, новые шаги законодателя по внесению очередной порции поправок в Уголовно-процессуальный кодекс явно преждевременны и не станут панацеей от тех болезней, которыми в настоящее время страдает система предварительного следствия. Развить бурную деятельность, бездумно перераспределить процессуальные полномочия, еще более усложнить и без того порой слишком заформализованные механизмы досудебного производства – это, конечно, самый легкий и быстрый способ «решения» зреющих годами проблем. К сожалению, ни к чему принципиально новому это не приведет. Достаточно вспомнить реформу следственных аппаратов системы МВД России 1998 г., когда они были несколько обособлены от структуры органов внутренних дел и стали называться «при ОВД». А настоящей проверкой на прочность явились проведенная в 2007 г. реформа прокурорского следствия и кардинальное перераспределение следственно-прокурорских полномочий в досудебном производстве, которые, тем не менее, не позволили достичь ожидаемых результатов. В противном случае не было бы оснований для разговоров о дальнейшей модификации предварительного следствия.

Очевидно, что такую реформу надо начинать не с создания новых органов, не с изменений процессуального законодательства, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с повышения уровня его профессионализма, правосознания и ответственности перед государством, обществом и отдельно взятой личностью за исполнение своих обязанностей. Представляется, что именно такой замысел как раз и был заложен в Концепцию судебной реформы в РСФСР. Кстати, советское процессуальное законодательство являлось гораздо менее демократичным и западно ориентированным, тогда как качество работы органов предварительного следствия было куда более высоким, чем в настоящее время.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что если нынешних следователей называть судебными следователями, следственными судьями или как-то еще и назначить на новые должности (других-то пока взять неоткуда), то по своей сути они останутся теми же следователями; поменяется только надпись в удостоверении. В связи с этим невольно вспоминается кинокомедия «Светлая личность», снятая в 1989 г. по мотивам произведений И. Ильфа и Е. Петрова. Один из главных героев, являясь директором-бюрократам, выбирает «оптимальный» способ появления человека-невидимки – предлагает его назначить и дает отделу кадров соответствующее распоряжение.

Реформу предварительного следствия, в первую очередь, следует начинать с подготовки специалистов, обладающих принципиально иными профессиональными качествами и принципиально иным уровнем правосознания. Решение этой задачи не может быть быстрым; она должна реализовываться постепенно. Самое важное – это уже сейчас заложить концептуально новые подходы к подготовке будущих следственных работников, пересмотреть программы их обучения в вузах. Тогда, возможно, со временем сегодняшние студенты, курсанты и слушатели смогут хотя бы частично побороть те болезни, которыми сегодня страдает наша система предварительного следствия.

Но для этого необходимо на политическом уровне решить, по крайней мере, два стратегических вопроса.

Первый из них заключается в том, каким наше общество и государство хочет видеть нового российского следователя: «сильным» и самостоятельным или «слабым» и зависимым? Ведь доктрина «сильного» следователя предполагает его профессионализм, компетентность, высокий уровень правовой культуры, правосознания, ответственности и богатый жизненный опыт. Такой следователь вполне может быть наделен достаточной степенью самостоятельности и широкими процессуальными полномочиями, риски злоупотребления которыми будут сведены до минимума. Очевидно, что участие в уголовном деле «сильного» следователя не потребует процессуального руководства и ведомственного контроля за его деятельностью со стороны руководителя следственного органа, как это происходит в настоящее время. Если же, наоборот, государственная политика будет сориентирована на «слабого» следователя, т.е. на непрофессионального, несознательного, безответственного, склонного к злоупотреблениям и коррупции субъекта, то реформа должна идти по совершенно иному пути – постановке под жесткий контроль и надзор буквально каждого его шага.

Анализ проводимых на протяжении последних лет реформ следственного аппарата и уголовно-процессуального статуса следователя неизбежно приводит к

убеждению, что концептуального решения по этому вопросу в государстве пока нет. Вместо этого фактически существуют две прямо противоположные тенденции, а законодатель качается между ними подобно маятнику. С одной стороны, органы предварительного следствия были выделены из системы прокуратуры РФ, резко снизилась степень влияния прокурора на предварительное следствие и т.д. Однако, с другой стороны, следователь попал в еще большую зависимость от своих непосредственных начальников – руководителей следственных органов различного уровня. Причем в данном случае мы не заостряем внимания на частных изменениях в УПК РФ, касающихся соотношения полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора, в которых уже просто можно запутаться. И если государство, наконец, не примет концептуального решения, по какому пути вести реформу предварительного следствия, а будет продолжать политику законодательного шатания из стороны в сторону, то любые предпринятые в данном направлении шаги будут неизбежно обречены на провал.

Конечно, свои преимущества и недостатки есть и в концепции «сильного», и в концепции «слабого» следователя⁶. Однако, на наш взгляд, в решении этого вопроса необходимо сделать ставку именно на «сильного» следователя, стремление к появлению которого, несомненно, поспособствует постепенному выходу национальной системы уголовной юрисдикции из глубокого и затянувшегося кризиса. Концепция «сильного» следователя содержит большой потенциал для улучшения качества работы следственного аппарата, тогда как концепция «слабого» следователя, построенная на принудительном улучшении качества работы следственных органов как бы «из-под палки», неизбежно потянет их назад в кризис и в конечном счете приведет к необходимости полного упразднения данного процессуального участника в его современном понимании.

«Сильная» следственная власть – национальная традиция отечественного уголовного процесса, заложенная еще во времена Российской империи, полностью доказавшая свою состоятельность и жизнеспособность. Как известно, сломать устоявшиеся традиции крайне сложно или вообще невозможно. Именно идея «сильного» следователя была заложена в Концепции судебной реформы в РСФСР, предполагающей, в частности, недопустимость процессуального подчинения следователя административным начальникам и наделяющая последних процессуальными полномочиями, правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя. Кстати, подобные тезисы можно встретить и в отдельных работах советских⁷ и современных⁸ ученых-процессуалистов. Однако для справедливости все же необходимо отметить, что большинство авторов, занимающихся данной научной проблематикой, почему-то вообще стараются обойти эти вопросы стороной и не заостряют на них внимания⁹.

⁶ Подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* Уголовно-процессуальный закон и проблемы качества предварительного следствия // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2010. Ч. 1. С. 337–343.

⁷ См.: *Найденов В. В.* Советский следователь. М., 1980. С. 52–57.

⁸ См.: *Шейфер С. А.* Досудебное производство в России : этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 134.

⁹ См., например: *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981 ; *Зеленский В. Д.* Следователь как субъект расследования : учеб. пособие. Краснодар, 1982 ; *Шумилин С. Ф.* Полномочия следователя : система и механизм реализации. Белгород, 2003 ; *Быков В. М.* Следователь в уголовном процессе России. М., 2014 ; и др.

В настоящее время государство проводит совершенно иную, на наш взгляд, неконструктивную политику, направленную на ослабление следственных кадров посредством процессуального руководства их деятельностью и ведомственного контроля за ними со стороны руководителей следственных органов. Процессуальная самостоятельность современного следователя является сугубо номинальной, не более чем красивой декларацией. В реальности следователь как формально, так и фактически лишен возможности автономно принимать какие-либо значимые процессуальные решения, направлять ход предварительного расследования. Некоторые ученые активно отстаивают позицию о существенном процессуальном ограничении самостоятельности следователя, считая этот механизм важнейшей гарантией обеспечения законности в досудебном производстве¹⁰. Б. Я. Гаврилов в своих работах приводит различные статистические данные, свидетельствующие, по его мнению, о высокой результативности введения института руководителя следственного органа¹¹.

Вместе с тем подобные механизмы явно не рассчитаны на долгосрочный эффект. Они направлены лишь на решение сиюминутной задачи – на быстрое повышение качества предварительного расследования. В настоящее время в органах предварительного следствия действительно наблюдается определенный кадровый голод; должности следователей, особенно в низовых подразделениях, занимают преимущественно молодые люди, не имеющие должного уровня профессионализма, необходимого жизненного опыта и иных качеств, необходимых «сильному» следователю. В исключительных случаях на должности следователей подразделений Следственного комитета РФ районного (приравненного) уровня могут назначаться даже студенты старших курсов юридических вузов; на должности следователей системы МВД – лица, не имеющие юридического образования или студенты старших курсов юридических вузов, и др. Поэтому процессуальное руководство и ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа, безусловно, дают некоторые положительные результаты, но при этом возникает вопрос: а что дальше? Если следователь постоянно будет находиться в условиях подобной процессуальной опеки, не принимать самостоятельных решений и не нести за них ответственности, то он никогда так и не вырастет до уровня подлинного профессионала. Здесь весьма уместным является сравнение с ребенком, воспитывавшимся в условиях чересчур сильной родительской заботы и в результате оказавшимся не готовым к взрослой жизни. Кстати, именно поэтому, несмотря на все усилия государства, уровень квалификации следователей остается крайне низким, а их средний возраст едва достигает 30 лет. Профессионально созревшие специалисты либо переходят на руководящие должности, либо меняют работу. Самостоятельные и независимые «сильные» следователи действующей системе предварительного расследования просто не нужны.

Таким образом, процессуальное руководство и ведомственный контроль за предварительным следствием – это то самое экстренное «затыкание дыр», та са-

¹⁰ См.: Гаврилов Б. Я. Каким быть аппарату власти следственной? // Аппарат власти следственной / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 123–124; Чечулин И. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9–10.

¹¹ См.: Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа : объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35–44.

мая «кефирная диета», о которых мы писали выше, которые не носят долгосрочного характера и опасны скорым наступлением своеобразной реакции.

Второй стратегический вопрос, который подлежит разрешению для определения судьбы будущего российского следствия, – это вопрос о том, кем мы хотим видеть будущих следователей: юристами или правоохранителями? Ведь это далеко не одно и то же. Представляется, что следователь все-таки должен оставаться юристом. Его удел – не раскрытие преступлений, не постоянные выезды на места происшествий, не ночные дежурства, не получение объяснений и, тем более, не составление бесконечных планов, отчетов, справок и иных служебных документов. Его удел – это всестороннее, полное и объективное познание обстоятельств уголовного дела, исследование и оценка доказательств, формирование на этой основе правоприменительных решений, с учетом высокого уровня правосознания, правопонимания и профессиональной ответственности. С. А. Шейфер отмечает, что власть современного следователя остается властью следственной (судебно-следственной), какой она была в прошлом, не совпадающей с властью обвинительной¹². Именно такие идеи были заложены в Концепцию судебной реформы в РСФСР, где специально подчеркивалось, что следователь в отличие от лиц, производящих дознание, – не служащий администрации, не чиновник. Кстати, с 2016 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) открыта новая магистерская программа «Следственная деятельность», предполагающая подготовку следователей нового поколения, обладающих вышеназванными профессиональными качествами. Будет ли такая программа востребована, найдет ли она «своего студента», покажет время.

К великому сожалению, современный следователь остается правоохранителем. Причем эта тенденция набирает все большие обороты. Если раньше профессиональная подготовка следователей осуществлялась в рамках общего юридического образования, то в настоящее время существует отдельная специальность: «Правовое обеспечение национальной безопасности». В частности, по этой специальности проводится обучение будущих следователей в Академии Следственного комитета РФ, в Волгоградской академии МВД России (бывшей Высшей следственной школе МВД СССР – флагмане подготовки следователей), в других учебных заведениях системы МВД России и т.д. С 2015 г. по данной специальности начата подготовка следователей и в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА). В образовательном стандарте по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» особое внимание уделяется физкультуре, огневой подготовке и подобным дисциплинам. Должен ли следователь уметь хорошо стрелять? Почему бы и нет? Этот навык, наверное, не помешает, если только он не приобретается в ущерб профессиональным компетенциям в области права, которых так не хватает современным следователям.

В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание, что в свое время авторы Концепции судебной реформы в РСФСР писали о недопустимости военизации Следственного комитета, обмундирования следователей в форму армейского или милицейского образца, введения в служебные отношения уставного духа и жесткой субординации. К сожалению, эти идеи пока остаются нереализованными.

¹² См.: Шейфер С. А. Указ. соч. С. 131.

Итак, истинная реформа органов предварительного следствия в духе Концепции судебной реформы в РСФСР – это длительный и очень сложный процесс, который следует начинать не с организационных или законодательных изменений, а с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих, наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками, высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

***Россинский С. Б.**, доктор юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права*

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

***Rossinskiy S. B.**, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Procedure Department
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com*

СТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И «РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУД НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ» КАК РЕЗУЛЬТАТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Рассмотрены проблемные аспекты становления административно-процессуальной формы в Российской Федерации, исследованы основные направления развития судебной системы России, устанавливается необходимость создания административных судов и формирования административно-процессуального права как самостоятельной отрасли права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная система, административное судопроизводство, административный процесс.

FORMATION OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL FORM AND «EXPANSION OF POSSIBILITIES OF APPEAL TO THE COURT OFFICIALS MISCONDUCT» AS THE DIRECTION OF JUDICIAL REFORM

The article deals with the problematic aspects of the establishment of the administrative procedural form in the Russian Federation, the main directions of the development of the judicial system of Russia, article established the need for the creation of administrative courts and the formation of the administrative procedural law as an independent branch of law.

K e y w o r d s: the judicial system, administrative justice, the administrative process.

Поступила в редакцию 30 августа 2016 г.

Одними из главных задач судебной реформы являются повышение качества правосудия и обеспечение правовой защиты субъективных публичных прав граждан и законных интересов организаций и юридических лиц. Осуществление правосудия относится к числу основных функций судебной власти, обособленной и независимой в своей деятельности от органов законодательной и исполнительной власти. Административно-процессуальная форма является важной формой осуществления судебной власти, специфика которой выражается в осуществлении судебного контроля за административным нормотворчеством и в судебной защите человека и гражданина, юридических лиц, организаций от незаконных действий (бездействия) государственных и муниципальных органов, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Для создания правового государства необходимо формирование системы условий и предпосылок, обеспечивающих защиту прав и свобод человека. Соответствующими гарантиями, обеспечивающими охрану и защиту субъективных публичных прав граждан, выступают механизмы, нашедшие свое отражение в компетенции государственных органов, на которых законодательством возложена обязанность по соблюдению и защите прав человека. Конституция Российской Федерации ставит в центр жизнедеятельности общества проблему реализации прав и свобод человека и гражданина в области судебной защиты его прав и свобод. Именно осуществле-

ние и неотчуждаемость права на обжалование в суд действий и решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и их должностных лиц являются необходимым условием создания и укрепления российского правового и демократического государства.

Законодательная деятельность, направленная на создание новой административно-процессуальной формы осуществления судебной власти в Российской Федерации, началась в начале нового тысячелетия, когда был разработан проект федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации». Одновременно в литературе отражались также предложения о разработке и принятии специализированного процессуального законодательства, устанавливающего административно-процессуальную форму разрешения административных споров.

Современный этап развития административно-процессуальной формы начался с принятия 7 мая 2012 г. Указа Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». 20 сентября 2012 г. была утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹, в которой указывалось на необходимость внесения изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих совершенствование административного судопроизводства и направленных на повышение доступности правосудия для граждан, организаций и объединений граждан при рассмотрении споров с органами государственной власти Российской Федерации, обеспечение права общественных объединений обращаться в суды общей юрисдикции или арбитражные суды в защиту интересов граждан.

15 сентября 2015 г. вступил в силу и стал нормативной правовой основой административного судопроизводства Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Принятие КАС РФ явилось весьма значимым и важным событием в развитии судебной системы страны, в улучшении правовой системы России, расширении границ правовой государственности, приведении структуры правосудия в надлежащий порядок, соответствующий стандартам обеспечения прав, свобод, законных интересов физических лиц и организаций.

Появление Кодекса административного судопроизводства – новый этап в развитии процессуального законодательства, устанавливающего правовые порядки в разрешении административных споров (дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений). Действие КАС РФ должно обеспечить дальнейшее развитие административно-процессуальной формы, основные контуры которой сегодня зафиксированы в данном процессуальном законе².

Сформированная в настоящее время административно-процессуальная форма рассмотрения заявлений на неправомерные действия и решения государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц играет роль объективного государственного контроля, гарантирующего защиту прав и законных интересов гражданина. Таким образом, административно-про-

¹ Об утверждении концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Стариков Ю. Н.* Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации – важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 2 (21). С. 12.

цессуальная форма включает в себя процессуальные механизмы, гарантирующие защиту прав и свобод граждан, что является одним из ключевых направлений судебной реформы, становления и развития Российской Федерации как правового государства.

Административное судопроизводство является определенным препятствием для возможного произвола со стороны государственной власти. Посредством административно-правовой формы ограничивается возможность управляющего воздействия государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц на личность и общество, а также возможность ущемления ими законных прав и интересов граждан.

Необходимо отметить, что одним из факторов ограничения пределов государственной власти является развитие и защита прав и свобод граждан, возрастание их активности и инициативы в правовой сфере³. Известно, что многие граждане юридически не осведомлены о том, как в новых условиях отстаивать свои законные интересы, безболезненно и в приемлемые сроки восстановить свое нарушенное право. В связи с этим остро стоит вопрос о необходимости законодательных мер, направленных против пока еще довольно распространенных произвола, коррупции, неуважения к правам личности и других нарушений закона, о необходимости совершенствования судебной системы.

В разные годы неоднократно акцентировалось внимание на необходимости создания административных судов, отсутствие в правовой системе Российской Федерации закона об административных судах. Однако многолетний процесс обсуждения проблем формирования системы административных судов Российской Федерации, на наш взгляд, не привел к оптимально правильному итоговому решению. Думается, заинтересованность судей во введении в судебную систему административных судов велика. В настоящее время суды переполнены делами, а судьи работают с явным превышением индивидуальной нагрузки. Перегруженность судов является серьезным препятствием для эффективного судебного реагирования на нарушения прав и свобод граждан органами исполнительной власти и должностными лицами, так как в данном случае не обеспечивается оперативное рассмотрение дел.

В настоящее время в Российской Федерации остается открытым вопрос создания административных судов⁴. В Германии, Франции и ряде других стран уже существуют специальные административные суды, которые в соответствии с административно-процессуальными нормами рассматривают дела, связанные с деятельностью публичной власти. Таким образом, учитывая то, что в России уже имеются теоретические разработки, изучен зарубежный опыт административной юстиции, следует признать насущной задачу принятия федерального конституционного закона об административных судах в Российской Федерации. Принятие такого закона и внесение соответствующих изменений в уже действующий Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»⁵

³ См.: *Байтин М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 338.

⁴ См.: *Мамина О. И.* Перспективы развития института административной юстиции в России в свете принятия административного судопроизводства Российской Федерации // *Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем* : материалы XII Междунар. науч. конф. : в 4 ч. М., 2016. С. 174.

⁵ О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014 № 9-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1997. № 1. Ст. 1 ; 2014. № 6. Ст. 551.

способствовало бы созданию судебной власти, реально контролирующей управленческий процесс и участвующих в нем субъектов права.

Действующий в настоящее время Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» стал, по существу, рамочным законом, поскольку большинство его положений раскрываются в других федеральных конституционных и федеральных законах. И хотя судебная система России в указанном законе определена достаточно четко, нельзя сказать, что с его принятием она получила окончательное нормативное закрепление. Многие вопросы, решенные в законе, остаются предметом дискуссий и в настоящее время.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» фактически пошел по пути закрепления сложившейся к моменту его принятия судебной системы, так как существующая в настоящее время система судов общей юрисдикции во многом является результатом эволюции советской судебной системы. В соответствии со ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» наряду с Верховным Судом РФ к судам общей юрисдикции относятся, прежде всего, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды. Кроме того, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи также являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

Таким образом, структура системы судов общей юрисдикции России определяется двумя специфическими особенностями: 1) наличием наряду с федеральными судами общей юрисдикции судов общей юрисдикции субъектов Федерации; 2) выделением в системе судов общей юрисдикции специализированных судов.

Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»⁶ также закреплен порядок формирования, компетенция и состав судов общей юрисдикции. В соответствии с законом суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Так, суды общей юрисдикции рассматривают все уголовные, гражданские и административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов, за исключением дел, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации рассматриваются другими судами.

Кроме того, 5 февраля 2014 г. принят Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации»⁷, который стал одним из ключевых нормативно-правовых актов в сфере реформирования судебной системы Российской Федерации. Так, ч. 4 ст. 2 данного закона закрепляет 13 категорий административных дел, которые Верховный Суд РФ рассматривает в качестве суда первой инстанции. Таким образом, на законодательном уровне предусмотрена возможность создания в рамках судов общей юрисдикции административной юстиции, основная задача которой – утверждение верховенства права при рассмотрении

⁶ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 7 февраля 2011 г. (в ред. от 21.07.2014) // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4204.

⁷ О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 5 февраля 2014 г. (в ред. от 15.02.2016) // Рос. газета. 2014. 7 февр. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7. Ст. 896.

судом дел, возникающих из административных правоотношений, защита прав и законных интересов граждан от неправомерных действий и решений органов исполнительной власти и обеспечение законности в сфере публичного управления⁸.

Таким образом, не стоит ставить точку в таком направлении судебной реформы, как «расширение возможностей обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц»⁹. Важным элементом административно-процессуальной формы является формирование в системе судов общей юрисдикции самостоятельных административных судов.

Административное судопроизводство всегда являлось предметом обсуждения в контексте общей тематики административной юстиции. Было ясно, что административной юстиции необходимо процессуальное право¹⁰. Полагаем, что развитие административно-процессуальной формы осуществления судебной власти и процессуального законодательства об административном судопроизводстве будет способствовать появлению нового взгляда на административный процесс и, следовательно, созданию «новой» отрасли российского процессуального права – административного процесса (административно-процессуального права).

Если говорить о современном российском административном праве и отмечать несомненные достижения в его развитии в течение последних лет, то следует подчеркнуть, вместе с тем, и необходимость в ускорении развития многих административно-правовых институтов, коренной перестройке системы и структуры административного права, приведении его в соответствие с действующим российским административным законодательством. Особенно это касается таких важнейших административно-правовых институтов и сфер административно-правового регулирования, как административный процесс (судопроизводство), административные процедуры и управленческий процесс. Полагаем, что исходя из назначения уголовного, гражданского и арбитражного процессов административный процесс представляет собой нормативно установленную процедуру рассмотрения судами административного дела, возникшего в сфере публичного управления и в результате действий (решений) органов государственной власти и должностных лиц.

Можно утверждать, что административный процесс представляет собой самостоятельную отрасль российского права, так как в теории права выделяются три главных основания для выделения самостоятельной правовой отрасли: предмет правового регулирования (система субъективных публичных прав и свобод и механизм их судебной защиты, являющиеся предметом правового регулирования административно-процессуального права), метод правового регулирования (предписания, запреты, дозволения) и наличие нормативной базы (Кодекс административного судопроизводства РФ). Таким образом, административно-процессуальное право представляет собой систему правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, возникающих в

⁸ См.: Есикова Е. В. Создание системы административных и налоговых судов как одно из перспективных направлений государственно-правового реформирования в Российской Федерации // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 3. С. 212.

⁹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

¹⁰ См.: Стариков Ю. Н. Указ. соч. С. 10.

сфере судебной административно-процессуальной деятельности при разрешении административных дел.

Полагаем, что в настоящее время все предпосылки для формирования административно-процессуального права в качестве самостоятельной отрасли права в Российской Федерации имеются. Поэтому основным направлением современной административной науки является необходимость разработки научной основы формирующейся отрасли права – административно-процессуального права.

Сегодня Россия вступила в новый этап развития судебной власти, в том числе и в направлении усиления гарантий обеспечения доступа граждан к правосудию. Граждане долгие годы на собственном опыте убеждались, что оградить свои права и законные интересы с помощью правоохранительных органов так же трудно, как и защититься от самих этих органов, попав в сферу их деятельности. Судебная реформа, проводимая в стране, была призвана внести такие изменения в судебно-правовую систему страны, которые обеспечили бы свободный доступ к правосудию, предоставили бы субъекту правоотношений реальные возможности отстаивать свои права и законные интересы.

Проводимая судебная реформа в России показала первые положительные результаты. Однако нужно учитывать, что реформирование – не единовременный процесс. В будущем предстоит решить вопрос об учреждении в России административных судов, поскольку их роль в формировании административного судопроизводства в нашей стране очевидна. На воплощение идей, реализацию новой административно-процессуальной формы уйдет еще долгое время. Затем наступит этап необходимости совершенствования действующих норм.

*Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I*

Уткин Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права

*Voronezh State Agrarian University named after
Emperor Peter I*

*Utkin D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Constitutional and Administrative Law Department
E-mail: dit@mail.ru*

З. З. Зинатуллин, Ф. Ф. Зарипов

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ И ГУМАНИЗМ – СТЕРЖНЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Раскрывается гуманистическое и человеколюбивое содержание назначения уголовного процесса как правового инструмента реализации уголовно-процессуальных принципов, а также таких ключевых институтов уголовного процесса, как уголовно-процессуальное преследование и уголовно-процессуальное принуждение, уголовно-процессуальное доказывание и реабилитация, досудебных и судебных стадий производства по уголовным делам. Вносятся предложения по совершенствованию и увеличению гуманистического начала уголовно-процессуального законодательства и его применения; обосновывается необходимость устранения из уголовного процесса упрощенных производств, в которых игнорируются уголовно-процессуальные принципы и основы доказывания по уголовным делам, а также не согласуются с конституционными установками о защите прав и свобод человека и гражданина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гуманизм, человеколюбие, назначение и принципы уголовного процесса, ключевые процессуальные институты и производства, их роль в защите прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам.

HUMANITY AND HUMANISM – ROD DOMINANT CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF MODERN RUSSIA

Formulate the definition of criminal procedure policy, the authors thoroughly reveal the humanistic and humane content purpose of criminal proceedings as a legal instrument for the implementation of such policies, the underlying criminal procedural principles, as well as most key institutions of the criminal proceedings as a procedural criminal prosecution and criminal procedure compulsion, criminal procedure proof and rehabilitation, pre-trial and trial stages of criminal proceedings. This makes suggestions how to improve and increase the humanistic principles of criminal procedure legislation and its implementation, and the necessity to eliminate from the criminal process, simplified production, which ignored the criminal procedural principles and the basis of evidence in criminal cases, as well, that are not consistent constitutional units to protect the rights and freedoms of man and citizen.

Key words: humanism, humanity, purpose and principles of the criminal process, key procedural institutions and production, and their role in protecting the rights and freedoms of man and citizen in proceedings in criminal matters.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

Одним из основных, базовых признаков любого государства всегда выступает проводимая им внутренняя и внешняя политика.

Политика есть «наука государственного управления»¹, наука о том, куда направлять его механизмы и руководить ими.

Уголовный процесс является одним из видов государственной деятельности, правовым инструментом реализации уголовно-процессуальной политики государства.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. Т. 3. С. 215.

© Зинатуллин З. З., Зарипов Ф. Ф., 2016

С учетом доминантных, основополагающих положений Конституции РФ, провозгласивших Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью является человек, его права и свободы (ст. 1 и 2 Конституции РФ), и других сущностно-содержательных характеристик российской уголовно-процессуальной политики², полагаем возможным определить ее дефиницию как пропитанную идеями гуманизма, демократизма, социальной справедливости и законности и основанную на них уголовно-процессуальную деятельность органов следствия, прокуратуры и суда по реализации политики Российского государства в области борьбы с преступностью, охране и защите прав и свобод человека и гражданина посредством применения содержащихся в уголовно-процессуальных нормах предписаний на всех этапах производства по уголовным делам.

Важнейшей чертой современной российской уголовно-процессуальной политики является ее гуманизация, в равной мере распространяющаяся как на действующее уголовно-процессуальное законодательство, так и на практику его применения.

Гуманизм (от лат. *humanis* – человеческий) в русской словесности трактуется еще и как «человеколюбие»³. На наш взгляд, именно в человеколюбии наиболее ярко проявляется основное содержание такой мировоззренческой и одновременно нравственной категории, как гуманизм.

В сфере уголовного процесса человеколюбие проявляется, прежде всего, в защите человека от преступных посягательств на него, реальном обеспечении его прав и свобод, тактичном и внимательном отношении к нему, недопущении необоснованного применения любых мер государственно-правового воздействия на личность, справедливом осуждении лица, виновного в совершении преступления, и недопущении осуждения лица, невиновного в таком деянии, а в случае совершения такового – в его полной реабилитации, восстановлении доброго имени во всех областях социальной жизни.

Человеколюбие в указанном понимании получило реальную основу в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г., в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., в федеральных законах, ратифицировавших «Конвенцию прав и основных свобод и протоколов к ней» (ФЗ от 30 марта 1998 г. № 54) и «Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания и протоколов к ней» (ФЗ от 28 марта 1998 г. № 44), а также в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г., который, несмотря на значительное число внесенных в него изменений и дополнений, действует и сегодня. УПК РФ 2001 г. в отличие от своих предшественников пронизан правовыми нормами, нацеленными именно на защиту прав и свобод человека и гражданина, прежде всего это относится к уголовному процессу и уголовно-процессуальным принципам. Формулируя в ст. 6 УПК РФ назначение российского уголовного процесса, законодатель решил дать ответ, для чего нужен государству такой правовой инструмент, и согласно Конституции РФ указал на то, что он необходим для защиты: во-первых, «прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений»; во-вторых, «личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Причем защита названных ценностей возлагается на государство (ст. 2 Конституции РФ). Приведенная конститу-

² См.: Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 411–456.

³ См.: Даль В. И. Указ. соч. С. 377.

ционная установка становится доминантой российской уголовно-процессуальной политики, кредом всей уголовно-процессуальной деятельности.

Составными в структуре уголовно-процессуальной политики выступают уголовно-процессуальные принципы, между которыми наличествует теснейшая, имманентная взаимосвязь и взаимозависимость. Факт нацеленности государственной политики на защиту прав, свобод и законных интересов своих сограждан вызывает необходимость построения и соответствующей системы уголовно-процессуальных принципов.

При раскрытии гуманного, человеколюбивого характера и содержания уголовно-процессуальных принципов в качестве исходного посыла можно взять трактовку таких принципов, как обусловленных социумом руководящих правовых предписаний, выражающих сущность проводимой государством уголовно-процессуальной политики и призванных обеспечить на всех этапах производства по уголовным делам надлежащую уголовно-процессуальную деятельность по успешному выполнению назначения уголовного судопроизводства.

Система уголовно-процессуальных принципов, главной чертой которых является гуманизация и человеколюбие, закреплена в ст. 6.1–19 УПК РФ. Ограничимся анализом лишь некоторых уголовно-процессуальных принципов. Так, человеколюбивые начала принципа необходимости разрешения уголовного дела в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ) заключаются, во-первых, в реальном обеспечении каждому доступа к судебной защите его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ); во-вторых, чтобы разрешение судьбы привлекаемого к уголовной ответственности лица не затягивалось на неопределенное, тем более длительное время, чтобы такое лицо знало, что процессуальные решения по его делу будут приняты в установленные УПК РФ сроки. Нахождение в неопределенном состоянии оказывает негативное воздействие как на физическое, так и психическое состояние подозреваемого и обвиняемого.

Гуманистическое содержание закрепленных в ст. 8 и 8.1 УПК РФ принципов следует, прежде всего, из того, что правосудие трактуется как разрешение судом (судьей) инкриминированного подсудимому обвинения по существу, представляющее собой установление виновности (невиновности) такого лица в предъявленном ему обвинении и постановлении законного, обоснованного и справедливого приговора. Правосудие как основная форма реализации судебной власти может быть осуществлено только на основе непосредственно исследованных в судебном разбирательстве и беспристрастно оцененных судом доказательств. В силу этого никакого правосудия в досудебном производстве быть не может⁴, как не может быть и правосудия с постановлением обоснованного⁵ приговора без исследования в судебном следствии доказательств, что, к сожалению, допускает законодатель в установленных главами 40 и 40.1 УПК РФ упрощенных видах уголовно-процессуальных производств.

Что касается требования справедливости постановляемого судом приговора, то именно в этой нравственно-правовой категории и заложено в основном то, что мы называем человеколюбием. Справедливость торжествует тогда, когда виновное в совершении преступления лицо осуждается судом с учетом всех его лич-

⁴ Об этом см.: *Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А.* Правосудие по уголовным делам : может ли оно быть досудебным? // Рос. юстиция. 2008. № 12.

⁵ «Обосновать» означает только одно – «подкрепить доказательствами» (см.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 395).

ностных качеств к мере ответственности, соразмерной содеянному злодеянию. Только при таких условиях человеколюбие и гуманизм при отправлении правосудия достигают своего апогея.

Глубоко пропитан человеколюбием впервые закрепленный на законодательном уровне принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). Его закрепление в УПК РФ есть практическая реализация положений ст. 8 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. и ст. 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В силу того что в названном принципе особенно ярко отражаются человеколюбивые черты российского уголовного процесса, позволим воспроизвести содержание ст. 9 УПК РФ полностью. Согласно ч. 1 данной статьи «в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья»; в ч. 2 указывается на то, что «никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Из содержания ст. 9 УПК РФ видно, что в качестве объектов правовой охраны при реализации данного принципа выступают такие принадлежащие человеку естественные блага, как его здоровье, честь и достоинство. На необходимость охраны данных ценностей указывается и в ст. 21 и 23 Конституции России. Необходимо согласиться с авторами, предлагающими дополнить ст. 9 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Каждому, чьи честь и достоинство при производстве по уголовному делу были унижены, гарантируется их восстановление предусмотренными настоящим Кодексом способами и справедливая компенсация причиненного морального вреда»⁶. Надлежит согласиться и с теми, кто считает недопустимыми доказательствами любые сведения об обстоятельствах уголовного дела, полученные в результате унижения чести и достоинства любого участника следственного действия⁷. И это также должно получить свое законодательное закрепление. Наполненный человеколюбием стал также закрепленный в ст. 11 УПК РФ принцип, получивший наименование «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Не анализируя все содержание ст. 11 УПК РФ, отметим, что в ней, по существу, речь идет о нескольких уголовно-процессуальных принципах. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ содержит все необходимые основания для выделения в качестве самостоятельного такого глубоко гуманного принципа, как обеспечение безопасности участников уголовного процесса, а ч. 4 данной статьи – принципа возмещения причиненного преступлением вреда, гуманистическая сущность которого просто очевидна.

Глубоким человеколюбием пропитан и закрепленный в ст. 14 УПК РФ принцип, получивший наименование «презумпция невиновности», в котором развиваются положения ст. 49 Конституции РФ, а также ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Человеколюбие данного принципа выражено в том, что нельзя считать человека виновным в совершении преступления (т.е. назвать его преступником), пока это не будет доказано соответствующей совокупностью до-

⁶ Москалькова Т. Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 8. См. также: Зинатуллин Т. З., Закиров А. Ф. Уважение чести и достоинства личности в российском уголовном процессе. Ижевск, 2005. С. 8–9.

⁷ См.: Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса // Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 124–125.

казательств о наличии в его деянии обвинения в материально-правовом содержании (фактическая фабула преступления, его юридическая формулировка и правовая квалификация состава преступления) и отражено в обвинительном приговоре суда, вступившем в законную силу.

Гуманистическая составляющая принципов неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений, а также принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 10, 12, 13, 16 УПК РФ) в комментариях, на наш взгляд, не нуждается.

Реализуя установку ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, законодатель в ст. 15 УПК РФ закрепил принцип состязательности сторон, распространив его действие «на все судебные стадии процесса»⁸. Гуманистическое и человеколюбивое содержание данного принципа состоит в том, что: а) участники судебного разбирательства наделены равными процессуальными правами по представлению и исследованию доказательств, а также по участию во всех частях судебного разбирательства; б) суд не является органом уголовного преследования; суд обязан разрешать обвинение по существу и принять по уголовному делу законное, обоснованное и справедливое решение и тем самым осуществить правосудие по делу.

Человеколюбивые начала закрепленного в ст. 17 УПК РФ принципа заключены в том, что судьи, а также прокуроры, следователи и дознаватели, во-первых, должны оценивать всю совокупность собранных и исследованных по делу доказательств исключительно по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом только требованиями уголовно-процессуального законодательства и своей совестью; во-вторых, что при таком подходе к оценке доказательств для оценивающего их «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), включая и случаи признания обвиняемым (подсудимым) своей вины в инкриминированном преступлении (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Невозможно понять нашего законодателя, игнорирующего эту доминантную норму в установленных главами 40 и 40.1 УПК РФ особых уголовно-процессуальных производствах.

В многонациональном государстве, каковым и является Россия, каждый участник уголовного процесса вправе давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела, выступать в суде на своем родном языке или на том, которым он владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика, а при необходимости получать следственные и судебные документы в переводе их содержания на родной язык участника уголовного процесса или на язык, которым он владеет (ч. 2 и 3 ст. 18 УПК РФ).

Гуманизм заложен и в содержании ст. 19 УПК РФ, закрепившей в качестве принципа право каждого участника уголовного процесса свободно обжаловать в установленном законом порядке действия (бездействие) и решения суда и осуществляющих производство по уголовному делу должностных лиц государства.

Гуманистическими и человеколюбивыми чертами наделены и многие другие институты и нормы российского уголовного процесса. Обратим внимание лишь на те из них, которые, на наш взгляд, относятся к числу наиболее значимых в деле наиболее успешного выполнения назначения российского уголовного процесса, да к тому же вызывают определенные вопросы в законодательной и правоприменительной деятельности и, конечно, вписываются в наименование данной статьи.

⁸ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2002. С. 95.

С названных позиций интерес представляет, прежде всего, институт уголовного преследования. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. В силу конституционного указания о том, что «защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2), доминирующим является уголовное преследование, осуществляемое в публичном порядке. Что касается уголовных дел, по которым уголовное преследование осуществляется в частном порядке, то их немного. К ним относятся составы преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. В результате их совершения вред причиняется сугубо личным интересам, и связаны они с причинением вреда здоровью личности и умалением его человеческого достоинства. Вопрос об уголовном преследовании причинителя такого вреда отдан на усмотрение потерпевшего, по заявлению которого уголовное дело может быть не только возбуждено, но и прекращено производством. Исключение из этого правила установлено для случаев, когда любое из названных выше преступлений совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам, включая и случаи неизвестности данных о личности совершившего преступление лица.

Человеколюбивое содержание ч. 1 и 4 ст. 20 УК РФ очевидно. Думается, что законодатель был прав, когда к категории уголовных дел частного обвинения относил и состав преступления, предусматривавший ответственность за оскорбление личности (ст. 130 УК РФ). Человек, его права и свободы есть высшая ценность (ст. 2 Конституции РФ). Оскорблять человека, унижать его достоинство нельзя ни при каких обстоятельствах. Известны случаи, когда оскорбление приводило человека к фатальным последствиям. Вместе с тем приходится констатировать, что оскорбление личности в России весьма распространено, в определенной степени стало обыденным явлением, что, конечно, должно быть хотя бы несколько нивелировано.

Гуманистическим и человеколюбивым началом пронизан и установленный ч. 3 ст. 20 УПК РФ порядок производства по уголовным делам так называемого частно-публичного обвинения, возбуждаемого не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и за исключением установленных ст. 25 УПК РФ случаев, не подлежащих прекращению в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим.

Соглашаясь с отнесением к категории дел частно-публичного обвинения составов преступлений, предусмотренных ст. 137, ч. 2; 139, ч. 1; 145, 146, ч. 1; 147 УК РФ, сомнение вызывает отнесение к таковым составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ, как не согласуемых с конституционной нормой о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ). О нарушении не только правовых, но и нравственных норм (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) речь не может идти. Интимная связь между людьми – сфера сугубо личных отношений; половая связь между взрослыми и полностью дееспособными людьми – обычное жизненное явление. Вопрос о том, имеет ли место при этом изнасилование или мужеложство, носит сугубо оценочный характер и разрешается самими партнерами, что и составляет проявление гуманных отношений между людьми.

Поддерживая курс нашего государства на развитие предпринимательской деятельности и проявляемый при этом гуманизм в виде законодательного ограничения возможности осуществления уголовного преследования по предусмотренным

ст. 159–159.6, 160 и 165 УК РФ преступлениям, уголовные дела по которым отнесены к категории дел частного-публичного обвинения, считаем, что такие ограничения должны носить определенные пределы. Мошенник, нанесящий крупный и, тем более, особо крупный материальный ущерб собственнику, не должен оставаться на свободе ввиду законодательного запрета на применение к предпринимателю в качестве меры пресечения заключение под стражу (ч. 11 ст. 108 УПК РФ), либо ввиду прекращения уголовного преследования за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Сказанное в равной степени относится, по нашему мнению, и к лицам, привлекаемым к уголовной ответственности по ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ. Считаем также не согласуемым с конституционным положением о защите *равным образом* всех существующих в Российской Федерации форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) содержащуюся в ч. 3 ст. 20 УПК РФ дифференциацию возможного прекращения производства по делам частного-публичного обвинения, квалифицируемым в том числе и по ст. 159–159.6, 160 и 165 УК РФ, в зависимости от принадлежности собственности индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в связи с осуществляемой ими предпринимательской или иной экономической деятельностью либо государственному или муниципальному предприятию, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Человеколюбие положено и в основу прекращения уголовного дела в отношении лица, обвиняемого в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ), а также прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) и по делам о ряде преступлений в сфере экономической деятельности, при соблюдении указанных в ст. 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ условий.

Черты человеколюбия прослеживаются и в таком носящем сугубо властный характер институте, как уголовно-процессуальное принуждение (раздел IV УПК РФ), в частности в строгой регламентации порядка применения мер принуждения (задержания подозреваемого, избрании мер пресечения и иных мер процессуального принуждения).

С позиции гуманизма и человеколюбия самое позитивное отношение вызывает глава 18 УПК РФ, регламентирующая вопросы реабилитации лиц, указанных в ч. 2, 2.1 и 3 ст. 133 УПК РФ.

Человеколюбием пронизан и весь институт уголовно-процессуального доказывания (раздел III УПК РФ). Наше утверждение относится к положениям этого института, имеющим, в частности, отношение к предмету доказывания (ст. 73 УПК РФ), предъявляемым к доказательствам требованиям, регламентации процесса доказывания и многим иным положениям, развиваемым в так называемой Особенной части российского уголовного процесса, посвященной стадийному производству по уголовным делам, которое, как представляется, построено системно и логично.

Не вдаваясь в существующую дискуссию о структуре российского уголовного процесса⁹, отметим, что досудебное производство по уголовным делам включает

⁹ См.: *Деришев Ю. В.* Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск, 2003 ; *Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса РФ.* Омск, 2006 ; *Зинатуллин Э. З.* Избранные труды : в 2 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 305–475 ; и др.

в себя стадии возбуждения уголовного дела и производства по нему расследования. С позиции человеколюбия их социальная ценность в том, что в этих стадиях, наряду с необходимостью самого производства по уголовным делам, устанавливаются обстоятельства совершенных преступлений и виновность конкретных лиц в их совершении и тем самым создаются условия для принятия по уголовному делу законного и обоснованного процессуального решения, осуществления правосудия, выполнения того, что в ст. 6 УПК РФ обозначено как назначение уголовного судопроизводства.

Человеколюбие заложено в регламентацию условий и порядка проведения следственных действий (необходимость судебного решения на производство следственных действий, в ходе производства которых могут быть ограничены конституционные права и свободы граждан; в недопустимости применения к участникам процесса насилия, угроз или иных незаконных мер, а равно созданные опасности для их жизни и здоровья; запрет на производство процессуальных действий в ночное время и др.).

Гуманистическими началами пропитаны и все судебные стадии уголовного процесса (обеспечение равенства сторон в судебном разбирательстве; четкое определение пределов судебного разбирательства; достаточная регламентация процессуального порядка производства в отдельных частях судебного разбирательства и порядка постановления судами приговоров; четкая регламентация оснований для постановления отдельных разновидностей приговоров и их содержания; предоставление осужденным возможности обжалования постановленных судом решений и приговоров в вышестоящий суд; регламентация порядка пересмотра обжалованных решений и приговоров в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях и т.д.).

Человеколюбивые начала нами видятся и в некоторых видах так называемых особых производств. Речь идет, прежде всего, о производстве по уголовным делам в мировых судах (глава 41 УПК РФ) и о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ).

В то же время не усматривается особого проявления человеколюбия в производствах по уголовным делам, осуществляемым судьей с участием присяжных заседателей. Наличие таких производств не свидетельствует о проявлении человеколюбия и гуманизма уголовно-процессуальной политики, скорее, имеет место несколько усложненное судебное разбирательство уголовного дела, которое к тому же вызывает вопросы, требующие надлежащего обоснования. К их числу относится, в частности, вопрос о правомерности наделения присяжных заседателей процессуальным статусом судей. Считаем, что решать судьбы людей могут только уполномоченные государством представители судебной власти (ст. 10 Конституции РФ) в лице профессиональных судей.

Никаких особенностей проявления гуманизма и человеколюбия нет и в производствах по уголовным делам в отношении перечисленных в ст. 447 УПК РФ лиц (глава 52 УПК РФ). Установленные особенности возбуждения уголовных дел, задержания подозреваемых и применения мер пресечения к таким лицам, с нашей точки зрения, отмечает конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Понимание этого привело законодателя к отмене Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ ст. 452 УПК РФ, допускавшей возможность рассмотрения уголовных дел в отношении членов Со-

вета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей федеральных судов Верховным Судом РФ.

Негативное отношение, в том числе и в силу отсутствия в них проявлений гуманизма, высказано нами выше по поводу уголовно-процессуальных производств, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, а также дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), введенного Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Не комментируя негативные стороны данного дознания, сошлемся на высказывание авторитетных профессоров о том, что содержание главы 32.1 УПК РФ «неопровержимо свидетельствует о ликвидации при осуществлении ею дознания в сокращенной форме практически всех принципов уголовного судопроизводства как такового и доказывания по уголовному делу»¹⁰.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что уголовно-процессуальная политика и действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации глубоко пропитаны гуманизмом и человеколюбием. Данное обстоятельство позволяет нашему государству в полной мере выполнять конституционную обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ).

¹⁰ *Баев М. О., Баев О. Я.* Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. Воронеж, 2013. № 2. С. 42.

Удмуртский государственный университет

Зинатуллин З. З., доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и правоохранительной деятельности

Зарипов Ф. Ф., аспирант кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности, полковник полиции

Udmurt State University

Zinatullin Z. Z., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal
Process and Law Enforcement Activity Department

Zaripov F. F., Post-graduate Student of the Criminal Process
and Law Enforcement Activity Department,

Colonel of Police

Tel.: 8(3412) 91-60-07

УДК 343.13

Д. Ш. Бекматова

ВИДЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Проведен анализ видов уголовного преследования на основе уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан. Выделяются четыре вида уголовного преследования – публичное, частно-публичное, публично-частное и частное преследования. Обосновывается различие в возбуждении, ведении и прекращении уголовных дел по данным категориям уголовных дел.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное преследование, публичное, частно-публичное, публично-частное, частное, обвинения, возбуждения и прекращения уголовного дела, потерпевший.

TYPES OF PROSECUTION: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article analyzes the types of criminal prosecution on the basis of the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan. So author identifies four types of criminal prosecution – public, private-public, public-private and private prosecution. Substantiates the difference in the excitation, conduct and termination of criminal cases according to the categories of criminal cases.

К е у w o r d s: criminal prosecution, public, private-public, public-private, private, charge, excitation and termination of criminal process, defendant.

Поступила в редакцию 5 июня 2016 г.

При характеристике уголовного преследования как одной из важнейших функций уголовного процесса Республики Узбекистан (далее – РУз) следует учитывать, что хотя в процессуальном законодательстве отсутствует указание на разновидности уголовного преследования, в юридический литературе оно подразделяется на четыре вида, т.е. может осуществляться в публичном, частно-публичном, публично-частном и частном порядке. Соответственно все уголовные дела могут быть также разделены на четыре категории в зависимости от содержания преступлений, роли потерпевшего в возбуждении и прекращении уголовного дела, по поводу которых ведется производство.

Необходимо отметить, что самой распространенной категорией дел являются дела, по которым уголовное преследование осуществляется в публичном порядке, т.е. дела *публичного обвинения*. Они составляют большинство уголовных дел. При производстве по этим делам уголовное преследование полностью отдано в ведение государственных органов и должностных лиц, наделяемых полномочиями участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (прокурор, следователь, дознаватель, органы дознания). Закон возлагает на эти органы и должностные лица обязанность в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать все предусмотренные процессуальным законодательством меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, винов-

ных в его совершении. Так, согласно ч. 1 ст. 22 УПК РУз дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны выяснить, имело ли место событие преступления, кто виновен в его совершении, а также другие, связанные с ним, обстоятельства.

К делам *частного обвинения* в УПК РУз могут быть отнесены дела о 13 разновидностях преступлений. В литературе частное обвинение определяется как осуществляемая в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, самостоятельная деятельность лица, которому преступлением причинен вред (моральный, физический или имущественный), направленная на привлечение к уголовной ответственности, осуждение и наказание лица, совершившего преступление (Ф. М. Мухитдинов, О. С. Головачук, Т. Л. Баталова, В. З. Лукашевич, К. Ф. Гуценко и др.)¹.

Основная особенность и специфика производства по этим делам заключаются в том, что они могут быть возбуждены только при наличии жалобы лица, которому соответствующим деянием причинен вред (ст. 325 УПК РУз) и должны быть прекращены в случае его примирения с обвиняемым (ст. 66.1 УК РУз). Дальнейшее производство выполняется по общим правилам, т.е. в порядке, установленном для дел публичного обвинения. К данному производству подлежат такие категории дел, как умышленное средней тяжести телесное повреждение (ч. 1 ст. 105), умышленное легкое телесное повреждение (ст. 109), истязание (ч. 1 ст. 110), причинение по неосторожности средней тяжести или тяжкого телесного повреждения (ст. 111), понуждение женщины к вступлению в половую связь (ч. 1 ст. 121), принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование к вступлению в брак (ст. 136), клевета (ч. 1–2 ст. 139), оскорбление (ч. 1–2 ст. 140), нарушение авторских или изобретательских прав (ст. 149), хищение путем присвоения или растраты (ч. 1 ст. 167), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ч. 1, п. «б» и «в» ч. 2 ст. 170), недобросовестное отношение к охране имущества (ст. 172), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 1 ст. 173).

Процессуалисты (Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, Е. В. Селина, И. Н. Пустовая, В. Ю. Горюнов, Я. А. Шараева и др.) указывают, что уголовные дела частного обвинения содержат ряд признаков, таких как незначительная общественная опасность преступлений, необходимость учета при квалификации этих преступлений мнения потерпевшего и его отношения к преступлению, преступления частного обвинения совершаются в условиях бытовых отношений между гражданами, отсутствие необходимости в производстве предварительного расследования, меньшая общественная опасность по сравнению с другими преступлениями и др.²

¹ См.: Мухитдинов Ф. М. Уголовный процесс : сущность, содержание, форма. Ташкент, 2002. С. 125–126 ; Головачук О. С. Частное обвинение в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001 ; Баталова Т. Л. Институт частного обвинения в уголовном процессе как элемент системы частного права // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9. С. 148–152 ; Гуценко К. Ф. Порядок возбуждения и прекращения производства по делам частного обвинения // Вопросы уголовного права и процесса. М., 1998. С. 44.

² См.: Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 65 ; Пустовая И. Н. Некоторые предложения по совершенствованию прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Правопорядок : история, теория, практика. 2014. № 2(3). С. 140–142 ; Горюнов В. Ю. Новая разновидность частного-публичного уголовного преследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 196–200 ; Шараева Я. А. Обеспечение баланса интересов в институте примирения сторон // Там же. 2015. №1(29). С. 366–369.

К делам *частно-публичного обвинения* могут быть отнесены дела лишь о 5 разновидностях преступлений. Основная специфика производства по этим делам заключается в том, что они могут быть возбуждены только при наличии жалобы лица (частноправовой элемент), которому соответствующим деянием причинен вред (ст. 325 УПК РУз), однако не допускается прекращения дел на основании примирения потерпевшего с обвиняемым (публично-правовой аспект). К подобным преступлениям относится изнасилование (ч. 1 ст. 118), насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме (ч. 1 ст. 119), хищение путем присвоения или растраты (ч. 2–3 ст. 167), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (п. «а» ч. 2 ст. 170), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2–3 ст. 173).

Главная особенность производства по делам *публично-частного обвинения* заключается в том, что они возбуждаются без участия (жалобы) потерпевшего (публично-правовой элемент), однако должны быть прекращены (частноправовой аспект) в случае примирения потерпевшего с обвиняемым (ст. 66.1 УК РФ). В Узбекистане данный вид уголовного преследования получил свое развитие с 2001 г. и в настоящее время насчитывает **31** разновидность преступлений. К подобным категориям дел относятся преступления против здоровья (ст. 106–108); преступления, опасные для жизни или здоровья (ст. 113, 115–117); преступления против семьи, молодежи и нравственности (ст. 122–123, 125); преступления против свободы, чести и достоинства (ст. 138); преступления против конституционных прав и свобод граждан (ст. 143, 148); хищение чужого имущества (ст. 168–169); преступления против основ экономики (ст. 180–181, 185.2); преступления в сфере хозяйственной деятельности (ст. 189, 191–192); преступления против порядка управления (ст. 229); преступления против общественной безопасности (ст. 256–259); преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 260, 266, 268); преступления против общественного порядка (ст. 277); преступления против порядка сохранности или эксплуатации военного имущества (ст. 298).

Ташкентский государственный юридический университет

Бекматова Д. Ш., соискатель
кафедры уголовно-процессуального права

Tashkent State Law University

Bekmatova D. Sh., Competitor of the Criminal Procedure Department
E-mail: dilnavoz.bekmatova@mail.ru

ДИСКУССИОННОЕ И РЕАЛЬНОЕ В ВОПРОСЕ О ФОРМАХ СОВРЕМЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Формулируется дефиниция уголовно-процессуальной формы, раскрывается ее содержание, основные свойства и социально-ценностное значение. Автор обстоятельно анализирует обычную (ординарную) форму уголовно-процессуальных производств; обосновывает недопустимость какого-либо упрощенчества при производстве по уголовным делам; отвергает необходимость рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей; обосновывает необходимость исключения из сферы уголовно-процессуального регулирования производства по применению принудительных мер медицинского характера и исполнению судебных приговоров, определений, постановлений, находящихся вне пределов предмета уголовного судопроизводства. Излагается структура Особенной части будущего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная форма, виды уголовно-процессуальных производств, структура Особенной части будущего УПК РФ.

DEBATABLE AND REAL IN THE QUESTION OF FORMS MODERN CRIMINAL PROCEDURE PRODUCTIONS

Formulated the definition of criminal procedure forms, revealed its contents, basic properties and socially-valuable significance. The author thoroughly analyzes the usual (ordinary) form of criminal procedure; It justifies the inadmissibility of any simplification in Criminal Matters; It denies the need for consideration of criminal cases by jury; It justifies the need to exclude from the scope of criminal procedure regulation of production by the application of compulsory medical measures and enforcement of court judgments, rulings, decisions, which are, according to the author, beyond the subject of criminal proceedings. The article ends with the author's statement of vision regarding the future structure of the Special Part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

К e y w o r d s: criminal procedural form, kinds of criminal procedure, Special structure of the future Code of Criminal Procedure.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

В качестве исходного данной статьи берется дефиниция уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам как внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренный законом процессуальный порядок осуществления и процессуального оформления результатов этой деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных документах¹.

Из приведенного определения видно, что содержание уголовно-процессуальной формы составляют, во-первых, установленный уголовно-процессуальными нормами порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности как в целом, так и отдельных процессуальных, в том числе следственных действий; во-вторых, процедура оформления полученных результатов от произведенных уголовно-процессуальных действий в соответствующих уголовно-процессуальных

¹ См.: Гимазетдинов Д. Р., Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная форма. М., 2014. С. 11, 22.

документах (протокол следственного действия, обвинительное заключение, приговор, определение или постановление судов апелляционной или кассационной инстанции и т.д.).

Наиболее значимыми сущностными свойствами уголовно-процессуальной формы являются ее идеальность, всеобщность и обязательность. В силу обладания, в частности свойством обязательности, пронизанности государственно-властными, официальными (публичными) началами, уголовно-процессуальная форма позволяет предъявить к участникам уголовного процесса жесткие требования по выполнению ими процессуальных прав и обязанностей, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых может повлечь применение к ним мер уголовно-процессуального принуждения.

Уголовно-процессуальная форма определяет те условия, которым должна отвечать деятельность дознавателей, следователей, прокуроров и судей и которые должны соотноситься с выработанными в теории права такими специфическими науками, как криминалистика, юридическая психология, профессиональная этика юриста, а также правилами и приемами в целях наиболее успешного и эффективного осуществления производства по уголовным делам (уголовно-процессуальное производство). Последнее предстает в виде отдельной части уголовно-процессуальной деятельности субъектов (участников) уголовного процесса по достижению (решению) в рамках присущей им функциональной направленности осуществляемой деятельности стоящих перед ними процессуальных задач.

Действующий УПК РФ, ориентируясь, на наш взгляд, именно на такое понимание уголовно-процессуальных производств, выделяет в качестве самостоятельных их разновидностей основные и особые производства (законодатель применительно к последним использует в разделах XI, XII, XVI и XVII УПК РФ терминологию «особенности производства»). При этом в рамках каждой из названных разновидностей уголовно-процессуальных производств имеют место еще и так называемые дополнительные уголовно-процессуальные производства (по реабилитации перечисленных в ч. 2 ст. 133 УПК РФ лиц; по прекращению уголовного дела за примирением сторон либо уголовного преследования по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 27, ст. 28 и 28.1 УПК РФ; производство по взысканию судебных издержек и др.).

Вместе с тем, несмотря на наличие различных видов уголовно-процессуальных производств, законодатель указывает на то, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанном на Конституции Российской Федерации» и что этот порядок «является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства» (ч. 1 и 2 УПК РФ). То есть законодатель ведет речь о необходимости строгого соблюдения установленных законом общего порядка производства по уголовным делам, складывающегося из осуществляемой по конкретному уголовному делу соответствующей уголовно-процессуальной деятельности (система совершаемых процессуальных действий и возникающих уголовно-процессуальных отношений), а также процессуального оформления получаемых при этом результатов. А все это и есть то, что, как указывалось выше, выступает в качестве составных элементов уголовно-процессуальной формы, которая законодателем рассматривается как общая (единая) форма для всех возможных видов уголовно-процессуальных производств, обладающая к тому же, как отмечалось, таким свойством, как ее общеобязательность.

Установленные законодателем некоторые особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ) и перечисленных в ст. 447 УПК РФ категорий лиц (глава 52 УПК РФ), а также по уголовным делам, подсудным мировому судье (глава 41 УПК РФ) либо рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей (глава 42 УПК РФ)² не представляют собой какого-то существенного отступления от установленного законодателем общего (единого) порядка производства по уголовным делам, следовательно, и общей (единой) формы уголовного судопроизводства.

С этих позиций представляется правильной ликвидация Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.³ «множественности» форм уголовного процесса, существовавшей по УПК РСФСР 1923 г. с изменениями и дополнениями, внесенными в него в период сталинских репрессий (начиная с принятого сразу же после убийства члена Политбюро ЦК КПСС С. М. Кирова постановления ЦИК СССР от 4 декабря 1934 г., установившего 10-дневный срок расследования уголовных дел о террористических актах против работников советской власти⁴). УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. в ст. 1 не только закрепил порядок производства по уголовным делам, определенный названными выше Основами, но и в ч. 4 этой статьи прямо указал на то, что «установленный уголовно-процессуальным законом порядок судопроизводства является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания». Установленный законом единый порядок производства по уголовным делам получил поддержку и со стороны ведущих ученых-процессуалистов⁵ и достаточно прочно утвердился на практике. Развернувшаяся в середине 70-х гг. прошлого столетия дискуссия о формах уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации существенно не поколебала законодательную установку о едином порядке уголовного судопроизводства. Обратим внимание на то, что даже самые ярые сторонники такой дифференциации, например профессор М. Л. Якуба, допускали возможность дифференциации производства по уголовным делам лишь «по делам о преступлениях, за которое законом предусмотрено наказание не свыше одного года лишения свободы, не представляющим сложности и не имеющим особого общественно-политического значения»⁶. В то же время он указывал и на то, что «порядок судебного разбирательства должен при этом оставаться еди-

² Мы полностью разделяем суждение Ю. К. Якимовича, выступавшего против урегулирования в уголовно-процессуальном порядке производств, «которые либо вовсе не имеют отношения к уголовному делу (производство по применению принудительных мер медицинского характера; производства по условно-досрочному освобождению и многие другие), либо, хотя и имеют отношение к уголовному делу, однако в них не решаются вопросы виновности и наказания, а направлены они на разрешение совершенно иных задач – например, производства по судебному контролю» (Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 56. См. также: Мотовиловкер Я. О. О предмете и движущей силе уголовного процесса // Правоведение. 1987. № 6. С. 81 ; Зинатуллин З. З. Избранные труды. СПб., 2013. Т. 2. С. 417–418 ; и др.).

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 15.

⁴ Собр. законодательства СССР. 1934. № 64. Ст. 459.

⁵ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. С. 63 ; Каз Ц. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства // Соц. законность. 1975. № 1.

⁶ Якуб М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Соц. законность. 1975. № 1.

ным»⁷. Судебное же разбирательство, как известно, является главной центральной и определяющей все существо уголовного процесса стадией.

«Вести речь о дифференциации, – считает профессор Н. С. Манова, – можно только... тогда, когда имеются существенные отличия в процедуре уголовно-процессуальной деятельности»⁸. Существенными же свойствами уголовного процесса выступают его социально-правовая природа, назначение и решаемые при производстве по уголовным делам задачи, принципы уголовно-процессуальной деятельности и такие доминанты, как уголовно-процессуальное доказывание, как средство познания (установления) истины по конкретному уголовному делу, всех его образующих содержание конкретного состава преступления обстоятельств. Любые отступления от таких доминантных обстоятельств есть не что иное, как нарушение уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам, последствием которого может стать принятие правоохранительными органами незаконных и необоснованных процессуальных решений. Представляется, что именно по этой причине УПК РФ 2001 г. отказался, в частности, от введенной Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. протокольной формы подготовки материалов (глава 34 УПК РСФСР 1960 г.), возрождение которой, хотя и с оговоркой возможности ее распространения только на дела частного обвинения, без каких-либо серьезных обоснований, предлагается некоторыми авторами, делающими в науке уголовного процесса лишь первые шаги⁹.

Именно в связи с практически полным игнорированием уголовно-процессуальных принципов и отсутствием даже отдельных элементов уголовно-процессуального доказывания¹⁰ невозможно рассматривать производство дознания в качестве упрощенной формы, установленной на основе Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ главой 32.1 в сокращенной форме.

Равным образом, ввиду не предусмотренности осуществления в судебном следствии исследования доказательств, нельзя относить к категории так называемых упрощенных производств и установленный главами 40 и 40.1 УПК РФ порядок принятия судебного решения как при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, так и в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. По такого рода делам, на наш взгляд, невозможно даже вести речь о наличии каких-то в них особенностей уголовного производства по ним, ибо законодатель игнорирует такие постулаты российского уголовного процесса, как презумпция невиновности, оценка доказательств по внутреннему убеждению оценивающего, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всей совокупности установленных по делу доказательств, законодательного установления того, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), включая и то, что «признание обвиняемым своей вины

⁷ Цит. по: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 34–35.

⁸ Манова Н. С. Досудебное и судебное производство : сущность и проблемы дифференциации процессуальных норм. Саратов, 2003. С. 50.

⁹ См.: Орлова Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 21.

¹⁰ См. об этом: Баев М. О., Баев О. Я. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ) // Судебная власть и уголовный процесс. Воронеж, 2013. № 2. С. 42 ; Калинин А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 15–16.

в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

Не случайно весьма нигилистическое отношение относительно таких производств было высказано практически сразу же после закрепления в УПК РФ главы 40 такими известнейшими учеными, как академик В. Н. Кудрявцев и профессор И. Л. Петрухин¹¹. В последующем их суждения поддержаны многими юристами; к сожалению, законодатель остается до сих пор нем к таким вполне обоснованным суждениям, отдавая предпочтение так называемой оптимизации уголовного процесса, повышению его экономичности, забывая при этом о необходимости в каждом конкретном случае правильного разрешения судьбы человека, защите прав и свобод человека, провозглашенной в Конституции России (ст. 2) высшей ценностью.

Полагаем, что даже несмотря на сложившиеся в России экономические трудности, в производстве по уголовным делам, связанным с разрешением человеческих судеб, никаких упрощений в установленном законом процессуальном порядке не должно быть.

Надеемся, что в недалеком будущем будем иметь более качественное уголовно-процессуальное законодательство. В связи с этим позволим сформулировать свое видение структуры Особенной части будущего УПК РФ:

Часть I. Обычное (ординарное) производство по уголовным делам.

Раздел 1. Досудебное производство по уголовным делам.

Глава 1. Возбуждение уголовного дела.

Глава 2. Производство предварительного следствия по уголовным делам.

Глава 3. Производство дознания по уголовным делам.

Раздел 2. Судебное производство по уголовным делам.

Глава 1. Производство по уголовным делам в судах первой инстанции.

Глава 2. Производство по уголовным делам в судах второй (апелляционной) инстанции.

Глава 3. Производство по уголовным делам в судах кассационной инстанции.

Глава 4. Производство по уголовным делам в порядке возобновления дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Глава 5. Производство по уголовным делам в мировом суде.

Часть II. Особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних и отдельной категории лиц.

Глава 1. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Глава 2. Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

Часть III. Особые и дополнительные уголовно-процессуальные производства.

Раздел 1. Особые производства по уголовным делам.

Глава 1. Производство по обращению к исполнению судебных приговоров, определений, постановлений.

Глава 2. Производство по реабилитации необоснованно подвергнутых уголовному преследованию лиц.

¹¹ См.: Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 91 ; Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2005. Ч. 2. С. 105.

Раздел 2. Дополнительные производства по уголовным делам.

Глава 1. Производство по рассмотрению ходатайств и жалоб прокурором, начальником органа дознания, руководителем следственного органа и судом.

Глава 2. Производство по выдаче судебного решения для производства уголовно-процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Глава 3. Производство по продлению сроков производства по уголовному делу.

Глава 4. Производство по взысканию процессуальных издержек.

Часть V. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

*Ижевский государственный технический университет
имени М. Т. Калашникова*

Гимазетдинов Д. Р., кандидат юридических наук

Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov

Gimazetdinov D. R., Candidate of Legal Sciences

E-mail: www777@inbox.ru

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

Рассматриваются вопросы сущности презумпции невиновности при применении упрощенных процедур уголовного преследования; анализируются проблемные вопросы механизма уголовного преследования, вносятся некоторые предложения по совершенствованию действующего российского уголовно-процессуального законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, презумпция невиновности, уголовное преследование.

SITUATIONAL APPROACH THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE

The article examines the nature of the presumption of innocence in the application of simplified procedures for the criminal prosecution; analyzes the problem of the mechanism of prosecution questions and made some suggestions for improving the existing Russian legislation on criminal procedure.

К e y w o r d s: criminal trial, the presumption of innocence, the criminal prosecution.

Поступила в редакцию 21 июля 2016 г.

В настоящее время дискуссии о реформировании уголовного процесса отвлекли внимание ученых от классических вопросов применения принципов уголовного судопроизводства в процессе доказывания вопроса о виновности лица. В продолжающемся раунде обсуждения реформы уголовного процесса большинство ученых отстаивают необходимость структурной реформы правоохранительных органов. Конечно, новый УПК позволил бы России сделать огромный шаг вперед в одной из самых сложных сфер госрегулирования. Заметим, что уже никто не оспаривает «лоскутность» действующих уголовно-процессуальных институтов и непонятную законодательную технику введения новых механизмов в УПК.

За последние 15 лет в УПК РФ были внесены многочисленные изменения и дополнения. Примечательно, что законодатель ни разу не тронул ст. 6 УПК – «Назначение уголовного судопроизводства», которая определяет единственной целью защиту прав и интересов личности. Основа для достижения данной цели остается также неизменной – принципы уголовного процесса, среди которых презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ). Данный альянс безукоризненно вписался в классическую структуру процесса доказывания и выполнял бы свою задачу по обеспечению эффективности расследования преступлений, если бы не вариативность конструкции презумпции невиновности. Именно варианты конструкции презумпции невиновности позволяют правоприменителю использовать ситуационный подход в ее реализации. «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Данное определение состоит из двух частей:

1) пока его виновность в совершении преступления «не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке»;

2) пока его виновность в совершении преступления не будет «установлена вступившим в законную силу приговором суда».

И хотя эти части взаимосвязаны друг с другом, процесс доказывания виновности имеет вариативный характер. Именно вариативность позволила законодателю ввести упрощенные процедуры уголовного преследования, в результате которых процесс доказывания виновности приобрел ситуационный подход.

«У государства не одна цель – борьба с преступностью, а иерархия целей»¹. Признавая необходимость такой иерархии, тем не менее, нельзя согласиться с возможностью признания лица виновным без процесса доказывания всех элементов ст. 73 УПК РФ. С этим вопросом тесно связан институт уголовного преследования. Если уголовное преследование не было бы начато (при вынесенном постановлении о возбуждении уголовного дела уголовное преследование выражает государственную обязанность расследовать преступление), то можно было бы определить виновность лица упрощенным механизмом.

Безусловно, понятна разница сущности презумпции невиновности в Международном пакте о гражданских и политических правах² и в Конституции РФ. В первом документе презумпция невиновности – это право, от которого обвиняемый может отказаться, а в Конституции РФ – это императивное предписание, отказ от которого не представляется возможным. Аналогичное по характеру предписание содержится в ст. 14 УПК РФ. Именно это мешает реализации презумпции невиновности в упрощенных производствах тогда, когда обвиняемый желает признать и предъявленное ему обвинение, и свою вину.

Изначально в УПК РФ законодатель выстроил такую конструкцию презумпции невиновности, которая вписалась бы в любой институт упрощенного производства при реализации ее ситуационным подходом. Например, при судебном разбирательстве, проводимом в особом порядке, реализация ситуационного подхода в презумпции невиновности выражается в согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и заявлением им ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. В данном случае происходит трансформация презумпции невиновности в презумпцию виновности. Правосознание субъекта правосудия трансформируется в сторону презюмирования подсудимого виновным до вынесения приговора.

Можно отметить как общую тенденцию стремление многих государств упростить процедуру судопроизводства по уголовным делам, в которых обвиняемый признает свою вину, а преступление не представляет большой общественной опасности. Органы уголовного преследования действуют одновременно по принципу «стимулирования» и «торможения»: стимулируя стороны к примирению, а обвиняемого к деятельному раскаянию, они могут и отказать в прекращении дела. Вместе с тем процессуальная экономия не всегда выступает следствием разрешения спора на основе компромисса. Процедура эффективна, если разумное и рациональное расходование процессуальных средств обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов как обвиняемого, так и других участни-

¹ См., например: Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.

² Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультатПлюс» (дата обращения: 15.03.2016).

ков процесса. Нельзя не отметить, что до сих пор некоторые авторы поверхностно исследуют основополагающий принцип презумпции невиновности и продолжают считать, что «следователи должны быть убеждены в виновности обвиняемого не в силу и не вопреки презумпции невиновности, а в силу публичных начал их процессуальных функций». Но при таком понимании упрощенные процедуры в принципе не могут существовать.

Кроме того, бремя доказывания в уголовном процессе не может исходить из объективных интересов сторон, поскольку доказательственная презумпция невиновности относится к разряду искусственных презумпций. Она или реализуется в уголовном процессе, или нет. Не может быть логических исключений из установленного ей правила доказывания, что обвиняемый считается невиновным, а соответствующие органы и лица обязаны доказать его вину.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что дознаватель, следователь, прокурор осуществляют только функцию уголовного преследования, которая не подразумевает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность (наказание) обстоятельств, как предписывается ст. 73 УПК РФ. В таких условиях в науке уголовного процесса появились концепции противодействия (противостояния) расследованию, которые в той или иной степени касались собирания доказательств участниками со стороны защиты вплоть до «параллельного» расследования обстоятельств преступления.

Полагаем, что восприятие презумпции невиновности правоприменителем не может ограничиться только теоретическими конструкциями законодателя. Презумпция невиновности, являясь следствием социальной идеологии, образует основу правовой идеологии. «Идеология, в точном смысле слова, обладает натуральной убойной силой – на деле она разбивает жизни и судьбы общества и опекаемых им людей»³. В зависимости от того, каких идеологических воззрений придерживается правоприменитель, он будет либо защищать права и интересы личности в уголовном процессе, либо видеть в обвиняемых потенциальных преступников уже на начальных этапах расследования. Вряд ли можно всерьез говорить о таком типе обвинителя, который защищает интересы подозреваемых и обвиняемых, так как задачи, стоящие перед ним, абсолютно противоположны функции защиты обвиняемых лиц. Конечно, нельзя забывать о законодательном требовании всестороннего установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), направленном на всех субъектов доказывания, в том числе и на следователя. Но при наличии множества и теоретических, и практических проблем реализации функции обвинения при состязательном уголовном судопроизводстве задача защиты прав и интересов обвиняемых лиц для стороны обвинения отходит на второй план.

Кроме того, наше отношение не может быть позитивным к институту особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), успешно принятого и применяемого судами. Это ярчайший пример переноса обвинительного уклона на сторону, отправляющую правосудие – на суд. С учетом отсутствия действенной функции защиты на предварительном расследовании данная упрощенная форма судопроизводства не только исключает необходимость достижения процессуальной истинности судом, но и возвращает правоприменителя во времена «царство-

³ Россия : опыт национально-государственной идеологии / под ред. С. В. Смирнова. М., 1994. С. 14.

вания» лучшего доказательства виновности – к признанию обвиняемым своей вины. Отсутствие процесса доказывания в судебном разбирательстве и наличие в суде материалов уголовного дела только с одним итоговым обвинительным решением означает откровенное снижение стандартов процесса доказывания виновности, а следовательно, обоснованности и мотивированности судебного приговора.

В заключение следует сказать, что «в юридической науке у целого ряда специалистов существует резко негативное отношение к презумпции»⁴. Одни авторы называют презумпцию как зло, другие считают ее методом за неимением лучшего варианта, третьи рассматривают ее как знаковую единицу. Подобные взгляды порождают у правоприменителя «забывчивость» к механизмам реализации элементов презумпции невиновности. Законодатель, увлекшись упрощением системы и институтов уголовного процесса, не отвлекается также на взаимосвязь и взаимодействие с деятельностью субъектов когда-то им провозглашенного и принятого за основу великого «бедного» принципа Презумпции Невиновности.

⁴ Калиновский К. Б. Право презумпций – стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Материалы Междунар. науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения профессора И. Я. Фойницкого (Санкт-Петербург, 11–12 октября 2007 г.) / отв. ред. Н. В. Радутная. М., 2008. С. 90–97.

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта
(г. Калининград)*

*Панькина И. Ю., кандидат юридических наук, доцент
E-mail: iupanjkina@yandex.ru*

*Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad)
Pankina I. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: iupanjkina@yandex.ru*

УДК 343

А. Н. Кузнецов

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Рассматриваются особенности доказывания по делам о незаконном обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, обосновывается специфика решения данного вопроса в современном уголовном судопроизводстве России отсутствием однозначного подхода к анализируемым понятиям в теоретической литературе и российском законодательстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказывание, специальные технические средства для негласного получения информации, незаконный оборот, предмет и объект преступления, умысел, уголовная ответственность.

PROVING IN MATTERS ABOUT THE ILLEGAL TURN OF THE SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENTS

The author of the article examines the features of proving in matters about the illegal turn of the special technical equipments intended for the secret receipt of information, and grounds the specific of decision of this question in the modern criminal trial of Russia by absence of the unambiguous going near analyzable concepts in theoretical literature and Russian legislation.

К е у w o r d s: proving, special technical equipments for the secret receipt of information, illegal turn, object and object of crime, intention, criminal responsibility.

Поступила в редакцию 15 июля 2016 г.

В Российской Федерации свободный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее – СТС), запрещен, и, следовательно, их производство, сбыт или приобретение без специального разрешения являются незаконными.

За последние несколько лет судами Российской Федерации вынесено значительное число обвинительных приговоров по ст. 138.1 Уголовного кодекса РФ за незаконный оборот СТС. Состав данной статьи относит это преступление к средней степени тяжести; максимальное наказание – лишение свободы сроком на 4 года; преступление является умышленным; его предмет – специальное техническое оборудование, предназначенное для негласного получения информации.

Итак, свободный оборот указанного оборудования в нашей стране *запрещен*, однако отдельные виды подобного оборудования находятся в свободной продаже на территории России. Вполне логичен вопрос: насколько обосновано привлечение лица к уголовной ответственности за те действия, преступность которых для него не может являться очевидной? Или иначе: почему продавать – можно, а покупать – нельзя?

При доказывании наличия состава указанного преступления подлежит установлению прямой умысел лица на его совершение. Если данный момент не вызывает различных подходов к его пониманию, то вопрос о том, на какой именно *объект* посягает лицо, совершая это преступление, однозначного ответа не содержит.

Л. Г. Мачковский утверждает, что использование СТС способствует достижению преступного результата, придает посягательству повышенную общественную опасность, но их незаконный оборот не может быть отнесен к деяниям, посягающим на конституционные права и свободы человека¹.

В. А. Новиков указывает, что в ст. 138.1 УК РФ основным непосредственным объектом преступления является установленный порядок производства, приобретения и сбыта СТС, а не конституционные права и свободы человека и гражданина².

Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 марта 2011 г. № 3-П также говорит о нескольких объектах:

1) поскольку СТС, в силу присущих им свойств, предоставляют эффективную возможность серьезно вторгаться в уязвимую для внешнего вмешательства сферу частной жизни, в личное пространство и личные интересы индивида без его согласия, неконтролируемое их использование ведет к нарушению прав личности, гарантированных ст. 23, 24 (ч. 1) и 25 Конституции РФ;

2) запрет установлен в целях исключения нелегального оборота СТС и тем самым – нанесения ущерба безопасности государства.

По словам В. А. Новикова, интересы безопасности государства необходимо рассматривать в качестве той главной цели, для достижения которой введена уголовная ответственность за незаконный оборот СТС³.

Уголовная ответственность наступает также за сбыт или приобретение СТС без соответствующей лицензии и не для нужд органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Но вернемся к *умыслу*.

Если, согласно пониманию Конституционного Суда, покупатель запрещенных предметов стремится с их использованием вмешаться в сферу частной жизни, нарушить личное пространство, то, тем более, необходимо доказывать определенную цель приобретения таких устройств с обязательным пониманием их как узкопрофильных. А значит, органы предварительного следствия обязаны не только установить сам факт совершения указанных действий, но и доказать их противозаконность и наличие умысла на их совершение. Иными словами, доказать, что виновное лицо собиралось использовать эти устройства для преступных целей.

Однако в судебных решениях нередко остается не опровергнутым тот факт, что лицо стремилось приобрести указанные устройства исключительно для личных целей (или для бытовых), а не для того, чтобы нарушить частную жизнь третьих лиц. Данные факты не принимаются судами как исключающие наличие состава преступления. Думается, в этих случаях имеет место как минимум малозначительность деяния.

Вместе с тем использование указанных устройств в личных целях или в качестве предметов бытового назначения продолжает оставаться преступным, а суд подчинен выводам эксперта. Но эксперт дает *не юридическую, а техническую* оценку.

¹ См.: Мачковский Л. Г. Уголовная ответственность за нарушение равноправия, личных, политических и социально-экономических прав. М., 2005. С. 183.

² См.: Новиков В. А. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации : объект преступления и место в системе Особенной части УК РФ // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. М., 2015. № 2 (8). С. 56–58.

³ См.: Там же.

Говоря о технической стороне, следует сказать, что *предмет* данного преступления – это различные электронные устройства. В СМИ, сетевых информационных ресурсах они часто именуются как «шпионское оборудование», например: видеокамера, встроенная в корпус или шариковой ручки, или брелока от автомобильной сигнализации, или датчика охранного извещателя; предметы (например, калькулятор) со встроенным радиомодулем (сим-картой), позволяющим получать акустическую информацию вокруг и передавать ее по каналам связи GSM (часто в таких предметах расположен и модуль GPS, позволяющий получать геоданные, а также передавать их по техническим каналам связи).

СМИ размещают сведения о привлечении к уголовной ответственности лиц, которые приобрели такие предметы для личного пользования. Приведем некоторые факты.

Согласно статистике ИЦ ГУВД ВО в 2014 г. по данной статье в суд было направлено 1 уголовное дело, в 2015 г. – уже 7.

В марте 2014 г. прокуратура г. Сургута утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 21-летнего местного жителя (изобличенного в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 138.1 УК РФ). В свою очередь телевизионщики уточнили в сюжете, что фигуранту дела грозит штраф в размере 200 тыс. руб. или 4 года колонии. Конкретнее – молодой человек был привлечен к ответственности за приобретение смарт-часов фирмы «Самсунг» (SamsungGear).

В марте 2013 г. житель Новочеркасска осужден на 1 год условно после приобретения им восьмидолларовой ручки со встроенной видеокамерой.

21 ноября 2014 г. карельский предприниматель за приобретение такой же авторучки осужден на 1 год ограничения свободы.

30 марта 2015 г. Новоусманский районный суд Воронежской области за приобретение подобной авторучки вынес обвинительный приговор с назначением подсудимой наказания в виде штрафа 10 тыс. руб.

27 июля 2015 г. в Ростовской области покупатель наручных часов, которые были ему нужны для съемки под водой, осужден к 1 году лишения свободы условно.

Перечисленные судебные акты были вынесены по факту приобретения анализируемых устройств дистанционным способом, т.е. через Интернет, а именно многим известные интернет-площадки «Aliexpress», «Ebay» и др.

Ведомственное регулирование оборота СТС, предназначенных для негласного получения информации, представлено несколькими основными источниками, которые используются при обосновании обвинения:

1) постановление Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 – содержит перечень видов СТС для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД;

2) постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287 – утверждает Положение о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи СТС;

3) постановление Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214 – утверждает Положение о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации СТС, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию;

4) Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно ст. 6 которого запрещаются проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, не уполномоченными на то законом физическими и юридическими лицами;

5) иные ведомственные источники.

Основным (но не единственным) направлением доказывания является определение предмета преступления как СТС, предназначенного для негласного получения визуальной и акустической информации. Поскольку в этих случаях нельзя обойтись без специальных познаний, назначение экспертизы является обязательным.

При проведении исследования даются ответы на типовые вопросы:

1. Имеются ли у представленного на исследование предмета признаки СТС, предназначенного для негласного получения информации? Если да, то какие?
2. Работоспособен ли представленный на исследование предмет?
3. Кто является производителем представленного на исследование предмета?
4. Каков принцип работы представленного на исследование предмета?
5. Может ли представленный на исследование предмет применяться для негласного получения информации?

При ответах на данные вопросы используется список СТС, утвержденный постановлением Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214, в котором среди прочих указаны, например, следующие устройства:

- 1) СТС (радиоаппаратура) для негласного получения и регистрации акустической информации;
- 2) СТС для негласного визуального наблюдения и документирования – фотокамеры и видеокамеры, обладающие, по крайней мере, одним из следующих признаков:
 - закамуфлированные под бытовые предметы;
 - имеющие вынесенный зрачок входа (Pin-hole);
 - работающие при низкой освещенности объекта;
- 3) СТС для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов.

Приведем пример.

По уголовному делу, рассмотренному Советским районным судом г. Воронежа, перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Имеют ли представленные на исследование устройства признаки специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, а именно: закамуфлированные под бытовой предмет, имеющие вынесенный зрачок входа (Pin-hole) и др.? Возможно ли использовать это устройство негласно?
2. Каковы функциональное назначение устройства и его технические характеристики?

Эксперт указал, что «вынесенный зрачок входа» и «Pin-hole» не являются синонимами и служат для определения разных типов объективов. Кроме того, данные термины не имеют нормативно принятых определений, но в постановлении Правительства РФ № 214 используются вместе. В то же время эксперт, основываясь на общепринятой терминологии и определениях, положительно высказался об отнесении видеокамеры к типу Pin-hole (от англ. pinhole – «булавочное отверстие»), что, в свою очередь, свидетельствует о наличии признака СТС.

Эксперт сделал следующее заключение: «Ввиду отсутствия нормативно принятого определения «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации», установить принадлежность устройства к «специальным техническим средствам» не представляется возможным».

В то же время в постановлении Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 314 «Об утверждении положения о лицензировании деятельности по выявлению электронных устройств, предназначенных для негласного получения информации» есть п. 2, который содержит понятие данных устройств. Согласно п. 2 электронное устройство, предназначенное для негласного получения информации, –

это специально изготовленное изделие, содержащее электронные компоненты, *скрытно внедряемое* (закладываемое или вносимое) в места возможного съема *защищаемой* акустической речевой, визуальной или обрабатываемой информации (в том числе в ограждения помещений, их конструкции, оборудование, предметы интерьера, а также в салоны транспортных средств, технические средства и системы обработки информации).

С одной стороны, данный документ касается только лицензирования деятельности по выявлению рассматриваемых устройств, а с другой – понимание СТС всё же имеется, но оно несопоставимо узко по сравнению со списком СТС, изложенным в постановлении Правительства РФ № 214, поэтому и не пригодно для уголовного преследования.

Однако это понимание согласуется с постановлением КС РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 138 УК РФ (это старая редакция закона, но поскольку деяние не декриминализовано и в настоящее время состав преступления содержится в ст. 138.1 УК РФ, то данное постановление подлежит исполнению), согласно которому к техническим средствам для негласного получения информации относятся только специальные технические средства, предназначенные (разработанные, приспособленные, запрограммированные) *именно для целей* негласного (тайного, неочевидного, скрытного) получения информации, тайна и неприкосновенность которой гарантированы Конституцией РФ и законодательством.

В частности, это могут быть технические средства, которые: *закамуфлированы* под предметы (приборы) другого функционального назначения, в том числе *бытовые; обнаружение которых* в силу малогабаритности, *закамуфлированности* или технических параметров *возможно только при помощи специальных устройств*; обладают техническими характеристиками, параметрами или свойствами, прямо обозначенными в соответствующих нормативных правовых актах; функционально предназначены для использования специальными субъектами.

Что касается технических средств (предметов, устройств), которые по своим техническим характеристикам, параметрам, свойствам или прямому функциональному назначению рассчитаны лишь на *бытовое использование массовым потребителем*, то они *не могут быть отнесены к специальным техническим средствам* для негласного получения информации, если только им намеренно не приданы нужные качества и свойства, в том числе путем специальной технической доработки, программирования *именно для неочевидного, скрытного их применения*.

Таким образом, электронные устройства, рассчитанные на *бытовое использование*, не образуют предмета преступления, а причислять устройства к СТС только по признаку *закамуфлированности* нельзя. Хотя на практике это происходит.

Полагаем, что одно лишь приобретение таких устройств без их незаконного использования не причиняет вреда конституционным правам. Однако применение такого устройства в противоправных целях является преступным.

Только *специальные* технические особенности, делающие возможным получить информацию *максимально скрытно*, определяют предмет как специальное техническое средство.

Но возникает новый вопрос: *какие предметы* относятся к предметам бытового использования? Например, можно ли назвать использованием в быту мониторинг за малолетним ребенком с помощью электронных устройств (видеоняня)? И можно ли это устройство отнести к СТС при наличии соответствующих признаков:

чувствительная камера, передача акустической информации, камуфлированность под ночной светильник или мягкую игрушку?

Известен случай, когда сотрудники уголовного розыска (р.п. Загорянский Щелковского района Подмосковья) задержали двоих ранее судимых граждан при попытке кражи из магазина. Владелица этого магазина установила в помещении вместо сигнализации радионяню. Ночью женщина услышала звон разбитого стекла и вызвала полицию. Это – бытовое использование?

Кстати, в большинстве сотовых телефонов стоят видеокамеры с объективами Pin-hole. Однако эксперты упорно их не замечают, как и объективы Pin-hole в панелях видеодомофонов. Оно и понятно: одно дело – провести исследование и возбудить уголовное дело в отношении пенсионера или домохозяйки, и совсем другое – «наехать», так сказать, на мирового производителя электроники.

Или еще пример.

Новочебоксарский городской суд (Чувашская Республика) 20 мая 2013 г. вынес обвинительный приговор 66-летнему пенсионеру Николаю Смирнову, который заказал очки с видеокамерой. На допросе в Следственном комитете он заявил, что очки ему нужны для того, чтобы снимать внуков, а то они при виде обычной камеры начинают паясничать: языки показывать, рожи корчить.

Открытым остается и вопрос законности использования видеоглазка, закамуфлированного под обычный дверной глазок. Хотя подобные видеокамеры не имеют пин-хольного объектива и использование этого устройства является бытовым и преследует вполне определенные цели – охрану, контроль безопасности. Тем не менее его камуфлированность как признак отнесения к СТС может расцениваться как элемент скрытого видеонаблюдения. При этом отметим, что такие устройства видеонаблюдения неоднократно помогали правоохранительным органам в поиске преступников, а их владельцам – в выявлении различных злоумышленников⁴.

Очевидно, что такое использование электронных устройств не наносит вреда охраняемым правам и интересам.

На уровне закона понятия «специальное техническое средство» не существует, поэтому на практике является достаточным доказывание лишь одного признака – признака закамуфлированности.

Так, по уголовному делу в отношении жителя г. Сургута в специальном исследовании указано, что в результате анализа внешнего вида и конструктивных особенностей было установлено, что предоставленное на исследование устройство является техническим устройством и представляет собой цифровой видеорегистратор, встроенный в корпус наручных электронно-механических часов. Конструктивные особенности предоставленного устройства позволяют использовать его для негласного получения информации. Под конструктивными особенностями для негласного получения информации следует понимать наличие камуфляжа под предмет другого функционального назначения. Устройство по внешнему виду соответствует наручным электронно-механическим часам, что скрывает прямое назначение видеорегистратора. Таким образом, предоставленный на исследование видеорегистратор относится к категории СТС, предназначенных для негласного получения акустической и визуальной информации. При этом в исследовании не приводятся технические характеристики встроенной видеокамеры.

Итак, по признакам закамуфлированности под предмет иного бытового назначения и (или) наличия встроенной видеокамеры по типу Pin-hole предметы относятся к СТС.

⁴ URL: <http://kb-sb.ru/pub/11/104/>

Предметы, приобретение которых влечет уголовную ответственность по ст. 138.1 УК РФ

За последние несколько лет на рынке появились различные электронные устройства с весьма богатой технической «начинкой». Они реально облегчают и упрощают повседневную жизнь многих людей, например: смарт-часы, или «умные часы»; устройство TranscomT-15, которое по техническим каналам связи GSM передает сведения о месте нахождения автомобиля; устройство LF-06 – позволяет не пропустить важный звонок или напоминание, функционально предназначено для бытового использования.

Являются ли данные предметы СТС предназначенными для негласного получения информации? На этот вопрос можно ответить по-разному.

Каждый из нас уже не мыслит свою жизнь без смартфона, игнорировать достижения научно-технического прогресса просто невозможно. Может быть, в обозримом будущем это коснется и таких устройств, как смарт-часы, которые приобретают такую же значимость. Некоторые модели часов имеют встроенную видеокамеру. Именно по этой причине покупатели таких устройств подвергаются уголовному преследованию. Судимость по данной статье, пусть даже условная, может повлечь достаточно серьезные проблемы. В связи с этим интересен следующий комментарий:

«Старшего сына пригласили на работу в крупнейший ядерный центр – он как раз закончил вуз с дипломом астрофизика. В итоге ему пришлось отказаться: все равно после «пробивки» всплыло бы уголовное прошлое отца»⁵.

На данную проблему обращают внимание и депутаты Государственной Думы. Например, Дмитрий Гудков указывает: «Пользующиеся правовой неопределенностью правоохранительные органы «шьют дела и ломают судьбы» людей ради отчетностей. При этом мы все понимаем, что такой «техникой» является сейчас в том числе и смартфон, а писать видео и аудио умеет уже любой утюг». Согласно предлагаемому им законопроекту, наказываться должны только те граждане, которые своими «шпионскими штучками» реально вторглись в чью-то частную жизнь. То есть в деле должен быть потерпевший. «Сама по себе покупка ручек и тому подобных изделий никак не может считаться преступлением. Эту статью необходимо изменить: совершенно очевидно, что никакого состава преступления в игрушках нет»⁶.

Ранее обращалось внимание на способ приобретения таких устройств – заказ и оплата на сайте с получением товара на почте. Известно, что аналогичные или точно такие же по техническим характеристикам товары можно приобрести в торговых центрах и магазинах.

Например, в г. Воронеже такие часы находятся в продаже в салонах магазина «Медиа Маркт» (торговый центр «Арена») и («Сити-парк “Град”»), а также выставлены на продажу на сайте бесплатных объявлений «Авито».

Житель г. Сургута, о котором мы говорили ранее, приобрел на сайте «Aliexpress» часы SamsungGear и был задержан при их получении в почтовом отделении связи.

Первая модель умных часов от Samsung поступила в продажу в октябре 2013 г. и стала весьма популярной. В застежке ремешка этой модели располагаются ми-

⁵ URL: <http://www.mk.ru/social/article/2014/02/27/991427-shpionskie-skandalji-v-rossii-starikov-sudyat-za-ruchki-podarennije-vnukam.html>

⁶ Обзор публикаций российских СМИ о судебной системе Российской Федерации 15 марта 2016 года / сайт Центрального районного суда г. Тулы. URL: http://centralny.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=6&did=10

крофон и динамик, а на ремешке – видеочамера, признак скрытности которой, на наш взгляд, находится под большим вопросом. А ведь именно **скрытность исполнения** позволяет относить эти устройства к специальным техническим средствам.

Следующее поколение умных часов от Samsung было представлено моделью Gear 2. Это компактное устройство содержит в себе ИК-порт, с помощью которого можно управлять бытовой техникой (например, переключать каналы на телевизоре), а также имеет датчик сердечных сокращений (для измерения пульса), G-датчик для оценки качества сна и, разумеется, встроенную видеочамеру. Полагаем что всё это – для удобства бытового использования.

На рынке представлены аналогичные технические решения и других производителей, например IconBit Callisto 300, они тоже продаются свободно.

В то же время при установлении оснований уголовной ответственности по ст. 138.1 УК РФ подлежит доказыванию незаконность действий по приобретению таких часов. Но чем именно обусловлена эта незаконность, если такие устройства находятся в свободной продаже?

Анализ судебных актов по указанной проблеме показал, что приобретение подобных устройств в магазинах или торговых центрах не оценивалось как незаконное.

Иными словами, если «умные часы» приобретены в магазине, уголовная ответственность не наступает. Во всяком случае об этом свидетельствует отсутствие опубликованной практики на этот счет, а приобретение того же товара дистанционным способом через Интернет с его получением в отделении почтовой связи уголовную ответственность почему-то влечет.

Если кратко подвести **итоги**, то можно отметить следующее:

1) приобретение указанных электронных устройств может повлечь уголовную ответственность только при доказанности умысла лица на их использование в противоправных целях. Не предмет образует состав преступления, а его использование. Необходима редакция ст. 138.1 УК РФ с указанием в качестве обязательного элемента субъективной стороны – цели использования. В иных случаях следует усматривать малозначительность деяния (ст. 14 УК РФ) и прекращать возбужденные уголовные дела, а по материалам доследственной проверки принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с этим особое значение имеет доказывание данных о личности обвиняемого;

2) многие устройства, которые отнесены к специальным техническим средствам, в современный период являются не специальными, а бытовыми, что должно исключать уголовную ответственность;

3) если товар сертифицирован и продается свободно, то купивший его не должен привлекаться к уголовной ответственности;

4) если у продавца есть лицензия на импорт, лицензия на продажу, то закон нарушает не покупатель, а продавец. У физического лица, если он не является индивидуальным предпринимателем, такой лицензии быть не может.

В связи с этим интересен апелляционный оправдательный приговор. Он вынесен 4 апреля 2013 г. в г. Салехарде за покупку авторучки с видеочамерой.

Метельский Ю. Ю. осужден по ч. 3 ст. 30 и ст. 138.1 УК РФ к штрафу в размере 120 тыс. руб. (максимальный штраф – 200 тыс. руб.). Находясь в своей квартире, он осуществил на сайте в сети Интернет заказ ручки с видеочамерой. Техническое изделие – ручка с видеочамерой – было изъято из почтового отправления сотрудниками таможенного поста Самарского Прижелезнодорожного почтамта Самарской таможни.

В апелляционном представлении прокурор просит снизить размер назначенного штрафа, считая его чрезмерно суровым. Защитник в жалобе выражает несогласие с приговором ввиду неправильного применения уголовного закона и по иным основаниям, в связи с чем просит приговор отменить и вынести оправдательный приговор. Судебной коллегией было указано, что суд первой инстанции неправильно применил уголовный закон и необоснованно расценил действия подсудимого как подпадающие под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ст. 138.1 УК РФ. В качестве ошибки суда первой инстанции отмечен тот факт, что в основу обвинения положено заключение эксперта, согласно которому представленный на экспертизу комплект технического изделия – видеорегистратор в корпусе «шариковая ручка» – является специальным техническим средством для негласного получения и регистрации акустической информации, а также негласного визуального наблюдения и документирования. Обращается внимание, что суд первой инстанции не учел правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в постановлении от 31 марта 2011 г. № 3-П.

Суд апелляционной инстанции указывает: предмет преступления по данному делу – авторучка с видеорегистратором. Фактически речь идет о многофункциональном приборе, специально предназначенном не для негласного получения информации, а для фиксации информации разными способами. Так, изъятый комплект технического изделия помещен в корпус действующей авторучки. Таким образом, в данном случае речь идет о бытовом приборе, который может быть использован для письменной, акустической и визуальной регистрации информации. То есть это – не закамуфлированное устройство, а устройство целевого назначения. Суд первой инстанции не дал должной оценки тому обстоятельству, что обнаружение приборов, относящихся к специальным техническим средствам, подпадающим под действие ст. 138.1 УК РФ, в силу малогабаритности, закамуфлированности или технических параметров возможно только при помощи специальных устройств. Однако из содержания акта таможенного досмотра следует, что объектив камеры был обнаружен при простом визуальном осмотре, без использования специальных устройств, а согласно описательной части заключения эксперта, на корпусе ручки имеется отверстие для светодиодного индикатора режима работы, что также указывает на возможность обнаружения функций аудио- и видеозаписи у данного объекта без помощи специальных устройств. На основании указанных обстоятельств суд апелляционной инстанции пришел к необходимости оправдания подсудимого в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Обвинительные заключения гласят: «...имея преступный умысел». Вот его-то как раз и нет у большинства покупателей. А еще – «заботливые», так сказать, китайские продавцы присылают эти ручки в подарок к другому заказу. В этом случае, думается, умысел исключается?..

Воронежский государственный университет
Кузнецов А. Н., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh State University
Kuznetsov A. N., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Procedure Department
E-mail: kuznetsov@law.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-02

О РОЛИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПРОКУРОРОВ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Проанализировано значение роли уполномоченного прокурора в доказывании по уголовным делам на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Обоснована необходимость усиления места и роли уполномоченных прокуроров в доказывании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказывание, соби́рание доказательств, уполномоченный прокурор, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, дела оперативного учета.

ON THE ROLE OF THE AUTHORIZED PROSECUTORS IN PROVING ON CRIMINAL CASES

The article analyzes the role of the authorized prosecutor in proving on criminal cases the pre-trial stage of criminal proceedings. The necessity of strengthening the place and role of authorized prosecutors in proving.

К е у w o r d s: Evidence gathering evidence, the authorized prosecutor, operatively-search activity, operational-search measures, taking into account the operational business.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

В соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса и представляется особой процессуальной формой познания подлежащих доказыванию по уголовному делу фактических обстоятельств, включающей в себя последовательные, внутренне взаимосвязанные виды процессуальной деятельности – обнаружение и соби́рание доказательств, их проверку, исследование и оценку.

Следует признать, что доказывание как процессуальная деятельность возлагает соответствующую обязанность по ее осуществлению на конкретных участников уголовного судопроизводства. Однако, как верно отмечено Л. А. Воскобитовой, «полномочия дознавателя, следователя, прокурора, суда по доказыванию обстоятельств дела существенно различаются. В досудебном производстве соби́рание, проверку и оценку доказательств осуществляют в пределах своих полномочий в основном следователь и дознаватель. Прокурор участвует в доказывании в основном в судебном разбирательстве, поддерживая государственное обвинение, представляя суду доказательства обвинения, участвуя в исследовании доказательств и их оценке»¹.

Вместе с тем, по нашему мнению, в неразрывной связи с рассмотрением актуальных проблем, связанных с процессом соби́рания доказательств и способами их получения, находится вопрос о том, какую роль при этом способен и может выполнять уполномоченный прокурор².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Конин В. В., Попова Л. В. Реализация функции государственного обвинения прокуратурой Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. науч. работ. Орел, 2009. С. 42–48.

Не претендуя на оригинальность, полагаем, что положения ч. 1 ст. 86 УПК РФ в совокупности с ч. 4 ст. 21 УПК РФ презюмируют возможность опосредованного участия уполномоченных прокуроров³ в процессе познания фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку отсылочная норма ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет установление полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие именно уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Процессу собирания доказательств в уголовном судопроизводстве посвящены многочисленные научные труды и исследования, поскольку он является необходимым элементом всего процесса доказывания. Однако прежде чем использовать доказательства как средства доказывания, их необходимо собрать, т.е. в установленном законом порядке обнаружить и получить в распоряжение следователя, дознавателя, государственного обвинителя или суда. В науке процесс собирания доказательств определяется по-разному.

Так, Б. Т. Безлепкин под собиранием доказательств понимает «получение (извлечение) сведений, содержащихся в предусмотренных законом источниках»⁴. На наш взгляд, справедливо утверждение И. Ф. Пантелеева о том, что «фактические данные о преступлении приобретают значение доказательств лишь при условии, если они получены из предусмотренных законом процессуальных источников (ч. 2 ст. 69 УПК РФ). Закономерности возникновения доказательств нельзя отрывать от их правовой формы»⁵.

В своих трудах А. И. Винберг определял содержание рассматриваемого понятия как «совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств»⁶. В свою очередь, С. П. Митричев применительно к процессу собирания доказательств в одном ряду рассматривал обнаружение, собирание, закрепление и исследование доказательств⁷.

Выдающийся советский и российский криминалист Р. С. Белкин утверждал, что собирание доказательств – понятие комплексное, включающее в себя действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств⁸.

Начальной стадией собирания доказательств является их обнаружение, т.е. отыскание фактических данных, имеющих доказательственное значение. Как правильно подчеркнул И. Ф. Крылов – «обнаружение доказательств требует знания закономерностей их возникновения... Отыскивая их... нужно знать, когда и где, в силу каких объективных закономерностей они могут возникнуть»⁹. При этом следует учитывать, что конкретные фактические данные должны стать известны лицу, осуществляющему предварительное расследование, государственному обвинителю или суду.

³ На основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» уполномоченными прокурорами назначаются работники органов прокуратуры, имеющие оформленный в установленном порядке допуск к совершенно секретным сведениям или сведениям особой важности.

⁴ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. М., 2009. С. 87.

⁵ Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1993. С. 11.

⁶ Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика : учеб. для средних юрид. школ. М., 1959. С. 6.

⁷ См.: Митричев С. П. Предмет советской криминалистики и ее место в системе криминалистических наук. Социалистическая законность. 1952. № 3. С. 25–26.

⁸ См.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 29.

⁹ Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 7.

Процесс обнаружения доказательств включает в себя предварительную оценку выявленных (обнаруженных) фактических данных (к каковым можно отнести и оперативно значимую информацию, результаты оперативно-розыскных мероприятий), которая после исследования окончательно позволит сделать вывод об их доказательственном значении.

Таким образом, уполномоченные прокуроры, имея право доступа к сведениям, составляющим государственную тайну и являющимся результатами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), обладая исключительной возможностью в полном объеме такие сведения истребовать, получать, изучать, проверять и анализировать на предмет их соответствия положениям Конституции РФ, федеральному законодательству и ведомственным нормативным правовым актам, способны и, как было сказано выше, на основании ч. 1 ст. 86 УПК РФ наделены правом оценивать доказательственную значимость фактических данных, содержащихся в результатах конкретных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), материалах дел оперативного учета (далее – ДОУ) и иных оперативно-служебных материалах (далее – иные ОСМ), подключаясь, таким образом, к процессуальной деятельности, связанной с обнаружением и собиранием доказательств. Уполномоченному прокурору следует уяснить необходимость использования соответствующих фактических данных для установления существенных, исследуемых обстоятельств по делу и определить относимость собранных сведений к расследуемому событию преступления. В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ, в пределах своих полномочий, уполномоченный прокурор вправе требовать от руководителей органов, осуществляющих ОРД, представить указанные результаты ОРД следователю, дознавателю и в суд. Такое требование уполномоченного прокурора обязательно для исполнения всеми учреждениями и должностными лицами.

Возникает совершенно обоснованный вопрос: по какой причине оперативными работниками, руководителями органов, осуществляющими ОРД, не представляются результаты ОРД, имеющие доказательственное значение по конкретному уголовному делу?

Опираясь на многолетнюю практику прокурорского надзора за исполнением законов в сфере ОРД, среди основных причин непредставления результатов ОРД можно назвать коррупционную составляющую (эта причина в последние годы, к сожалению, становится наиболее распространенной), а также низкий уровень профессионализма оперативных работников; отсутствие общих знаний основ теории оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса, теории доказывания, криминалистики; незнание ведомственных нормативных правовых актов, порядка представления результатов ОРД; отсутствие анализа получаемых результатов ОРД в силу загруженности (к примеру, непроведение или несвоевременное проведение анализа поступающих сводок телефонных переговоров); преследование служебных интересов, связанных с количественными показателями работы¹⁰; длительная разработка организованных групп и иных форм соучастия и др.

Более 100 лет тому назад известный русский ученый-процессуалист И. Я. Фойницкий, рассматривая вопросы доказывания в уголовном процессе, подчеркивал, что «от утверждающего что-либо мы вправе потребовать подтверждения его утверждений...»¹¹.

¹⁰ В частности, имеют место случаи, когда в отношении одного и того же лица (группы лиц) имеется оперативно значимая информация, которая указывает на совершение им конкретного преступления (преступлений). Однако оперативными работниками она «придерживается» для целей возбуждения уголовных дел в следующем месяце, квартале, году, для того чтобы показатели оперативной работы в сравнении с аналогичным периодом не снижались.

¹¹ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 210.

Применительно к действиям уполномоченного прокурора, обнаружившего в проверенных им ДООУ и иных ОСМ фактические данные, имеющие доказательственное значение для уголовного дела, приведенное утверждение будет верным после вынесения им соответствующего акта прокурорского реагирования, т.е. направления в адрес руководителя органа, осуществляющего ОРД, конкретного требования о рассекречивании (если ОРМ проводились негласно) и представлении соответствующих результатов ОРД следователю, дознавателю или в суд.

Следует также признать, что исключение в 2013 г. прокурора из перечня лиц, которым представляются результаты ОРД¹², является необоснованным, значительно умаляет роль прокурора при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в сфере ОРД и лишает его, особенно на стадии судебного разбирательства, во исполнение требований ч. 1 ст. 86 УПК РФ активно участвовать в собирании доказательств обвинения, в том числе посредством их получения с опосредованной помощью уполномоченных прокуроров.

В правоприменительной деятельности следователями (дознавателями), их руководителями и судом роль уполномоченных прокуроров в доказывании по уголовным делам недооценивается, поскольку перечисленными участниками уголовного судопроизводства для расширения доказательственной базы крайне редко применяются возможности уполномоченных прокуроров в части получения результатов ОРД, содержащих информацию, сведения, имеющие доказательственное значение, в целях их использования в доказывании.

На практике единичны случаи обращения указанных выше участников уголовного судопроизводства к уполномоченным прокурорам для изучения конкретных ДООУ и иных ОСМ на предмет установления наличия результатов проведенных ОРМ, содержащих сведения и фактические данные, имеющие доказательственное значение, но не рассекреченные и не представленные оперативными работниками следователю (дознавателю) либо суду.

Необходимо признать, что уже давно назрела необходимость законодательного закрепления обязанности дознавателей и следователей и их руководителей «использовать возможности уполномоченных прокуроров» и рассматривать их как ценный и значимый источник получения фактических данных, которые при соблюдении требований законодательства об ОРД, уголовно-процессуального законодательства, при условии наличия в них доказательственной значимости, могут стать доказательствами, расширить и усилить доказательственную базу стороны обвинения.

Полагаем, что от уполномоченных прокуроров необходимо требовать в каждом случае обнаружения в проверенных материалах ДООУ или иных ОСМ фактических данных, содержащих доказательственную ценность, подтверждающих исследуемые фактические обстоятельства, опровергающих доказательства стороны защиты и другое, вносить соответствующие требования, в которых ставить вопрос о незамедлительном представлении таких результатов ОРД следователю, дознавателю или в суд.

По причине лишения уполномоченных прокуроров законного права давать органу, осуществляющему ОРД, обязательные для исполнения письменные указания, в настоящее время «завуалированные», их «приходится» излагать в конкретных актах прокурорского реагирования, которые не всегда исполняются, нередко игнорируют-

¹² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Рос. газета. 2013. 13 дек.

ся; а их неисполнение мотивируется руководителями органа, осуществляющего ОРД, запретом на вмешательство уполномоченного прокурора в тактику и методику осуществления ОРД. Как нам представляется, если бы законодатель вновь вернул уполномоченным прокурорам возможность давать оперативным работникам конкретные и обязательные для исполнения письменные указания, то никаких манипуляций придумывать не приходилось бы, и «коэффициент полезного действия» от таких указаний был бы значительно выше, чем от вносимых в настоящее время требований.

Вопросам места и роли уполномоченных прокуроров в процессе доказывания по уголовным делам в последние годы уделяется необоснованно мало внимания. Однако не стоит их недооценивать, поскольку благодаря своим исключительным и в некотором смысле «эксклюзивным» полномочиям по осуществлению прокурорского надзора за органами, осуществляющими ОРД, они способны «помочь» (способствовать) органам предварительного расследования пополнить и расширить доказательственную базу по конкретным уголовным делам, а в некоторых случаях и разрешить вопросы, связанные с возбуждением уголовных дел и привлечением виновных лиц к уголовной ответственности (в том числе по дополнительным эпизодам преступной деятельности).

Полагаем целесообразным внести в ч. 2 ст. 86 УПК РФ изменения, дополнив перечень субъектов представления доказательств обвинения оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, поскольку их деятельность непосредственно направлена на получение фактических данных, имеющих доказательственное значение и необходимых для раскрытия преступлений, т.е. доказательств обвинения (после их приобщения к уголовному делу в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что роль уполномоченных прокуроров в доказывании должна повышаться и обеспечиваться двусторонними усилиями и безусловной активностью, с одной стороны, самих уполномоченных прокуроров, а с другой – следователями, дознавателями и их руководителями, государственными обвинителями и судом.

Правительство Калининградской области

***Попова Л. В.**, кандидат юридических наук, ведущий консультант Отдела по профилактике коррупционных и иных правонарушений*

Адвокатская палата Ленинградской области

***Зобов Е. А.**, адвокат*

Kaliningrad Region Government

***Popova L. V.**, Candidate of Legal Sciences,
Senior Consultant for the Prevention of Corruption and Other Offenses
E-mail: larisa_popova39@mail.ru*

Advocatory Chamber of the Leningrad Region

***Zobov E. A.**, Lawyer
E-mail: transport77@mail.ru*

УДК 343

В. В. Зозуля, У. Н. Ахмедов

ВИДЕОЗАПИСЬ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Анализируются теоретические и практические вопросы применения видеозаписи при производстве следственных действий. Автор обосновывает предложения по дальнейшей детальной регламентации соответствующей процедуры в УПК РФ, направленные на повышение эффективности использования видеозаписи при производстве следственных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: видеозапись, следственные действия, протокол, предварительное расследование, несовершеннолетний.

VIDEO RECORDING OF INVESTIGATION ACTIONS INVOLVING MINORS: PROCEDURAL AND LEGAL ASPECTS OF THE APPLICATION

Article deals with analysis of theoretical and practical issues of application on the preliminary investigation of video. Authors justify the proposals of further regulation of the procedure detailed in the Code of Criminal Procedure, aimed at increasing the efficiency of use of the video in the production of investigative actions.

K e y w o r d s: video, investigative actions, the protocol, the preliminary investigation, a minor.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

Вопросы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, не теряют своей актуальности. Профессиональный, нравственно-правовой и криминальный багаж каждого поколения подростков предопределяет криминологическую обстановку на ближайшие 15–30 лет¹.

Обеспечение качественного расследования преступлений напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки сотрудников органов предварительного расследования, приобретенного ими опыта и навыков выполнения следственных и иных процессуальных действий по сбору и оценке доказательств.

Законодательные изменения, направленные на расширение практики применения технических средств фиксации, включая видеозапись, способны повысить эффективность предварительного расследования, поскольку позволяют компенсировать недостатки человеческого восприятия, запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей в ходе производства следственных действий информации, а также гарантировать соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

¹ См.: Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. М., 2011. Т. 2. Особенная часть. С. 736.

© Зозуля В. В., Ахмедов У. Н., 2016

тельные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»² ст. 191 УПК РФ изложена в новой редакции, согласно которой применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий, прямо указанных в законе, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

По мнению А. А. Топоркова, видеозапись имеет ряд преимуществ по сравнению с протоколом, так как дает «возможность не только запечатлеть все сказанное допрошенным, но и зафиксировать эмоционально-волевою сторону речи, что позволяет суду правильно оценить поступающие иногда от допрошенных заявления о якобы примененном к ним насилии»³.

По мнению С. Б. Россинского, видеозапись относится к числу технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств⁴. В то же время видеозапись является надежным средством фиксации хода и результатов следственных действий. Применение видеозаписи обеспечивает повышенные гарантии при участии в следственных действиях несовершеннолетних. Это обусловлено тем, что «фиксация производства следственных действий с применением технических средств позволяет минимизировать в дальнейшем участие несовершеннолетнего в судебных стадиях и наиболее объективно оценить полученные доказательства»⁵. Таким образом, видеозапись в ходе производства предварительного расследования как минимум имеет два назначения: формирование доказательственной базы и защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий (например, допроса, очной ставки, проверки показания на месте и др.).

Любой следователь (дознатель), поставив перед собой задачу по наиболее полному и надежному закреплению доказательств в процессе расследования, рано или поздно придет к выводу о том, что в настоящее время наиболее оптимальным средством для этого является видеозапись. Указанное мнение А. В. Белоусова⁶ согласуется с законодательными изменениями уголовно-процессуального законодательства.

Правовая природа технических средств фиксации определяется положениями закона об обязательном приложении полученных в результате их применения материалов к протоколу следственного действия и их хранении при уголовном деле (ч. 2 и ч. 8 ст. 166, ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Закон не относит прилагаемые материалы к самостоятельной разновидности доказательств. Указанные материалы нельзя относить и к иным документам в смысле, придаваемом ст. 84 УПК РФ, поскольку ее положения касаются процесса собирания доказательств, а не производства следственных действий. Таким образом, протокол по-прежнему остается основной обязательной формой фиксации хода и результатов проведения следственных действий и сохраняет свое существование и без дополняющих его приложений.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6997.

³ Топорков А. А. Криминалистика : учебник. М., 2012. С. 208.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный науч.-практ. комментарий / Е. К. Антонович [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. Вып. 3/4. С. 383.

⁵ Там же. С. 418.

⁶ См.: Белоусов А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001. С. 151.

Материалы, полученные при применении технических средств, носят вспомогательный, дополняющий характер, хотя их значение в силу обязательности получения в случаях, установленных в законе, безусловно, возрастает.

Следовательно, действующая редакция УПК РФ не признает за прилагаемыми к протоколам следственных действий электронными носителями информации (в том числе с видеозаписью) самостоятельного доказательственного значения. Однако в случае принятия иной позиции об универсальном характере источников доказательств и придании видеоматериалам, изготовленным при проведении следственных действий, значения отдельных доказательств⁷, пусть и в сочетании с протоколом соответствующего действия, появится возможность использования зафиксированной видеозаписью информации как доказательства по уголовному делу. При этом права и законные интересы участников уголовного процесса нарушаться не будут.

В случае осуществления видеозаписи протокол следственного действия фактически содержит дублирующую информацию. Однако полный отказ от письменного производства с переходом на электронные носители информации с видеозаписью является явно преждевременным. Для этого потребуется не только соответствующая законодательная база, но и надлежащий уровень технической оснащенности органов предварительного расследования. В настоящее время следует закрепить надлежащее сочетание протоколирования и видеозаписи, в частности с фиксацией в протоколе лишь краткого изложения сведений, полученных при производстве следственного действия, имеющих существенное значение для расследования уголовного дела.

Действующий УПК РФ устанавливает особый порядок проведения допроса в отношении несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ст. 191 УПК РФ) и подозреваемого, обвиняемого (ст. 425 УПК РФ). В случае допроса свидетеля или потерпевшего вопрос о применении технических средств фиксации решается самим несовершеннолетним и его законным представителем (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). При допросе подозреваемого, обвиняемого технические средства фиксации применяются по усмотрению следователя (ч. 6 ст. 164 УПК РФ).

При планировании времени допроса следует учитывать необходимость подтверждения участниками следственного действия правильности видеозаписи, что означает (хотя и не указывается в законе) полное воспроизведение материалов видеозаписи. Иными словами, в отведенное законодателем время допроса несовершеннолетнего входит процесс просматривания видеозаписи в полном объеме, что вдвое влечет сокращение законодательно установленного времени для допроса несовершеннолетнего. В результате в случае необходимости просто не хватит времени, чтобы подтвердить тезис о том, что «хорошо солгать» значительно труднее, чем сказать правду. Единственным законным способом проведения допроса в условиях нехватки времени является его планирование и проведение с разбивкой на несколько дней.

Полагаем, что правило о полном воспроизведении видеозаписи следственного действия влечет необоснованное увеличение времени его проведения. Следует согласиться с мнением о закреплении правила о полном или частичном воспроизведении видеозаписи допроса по ходатайству его участников⁸.

⁷ См.: Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986. С. 164.

⁸ См.: Семенцов В. А. Технические средства фиксации содержания и результатов следственных действий // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 162.

Порой следователи записывают лишь часть следственного действия. Мы согласны с С. Ю. Скобелиным и С. Е. Кузнецовым в том, что «ценность видеозаписи допроса как дополнительного доказательства сохраняется именно тогда, когда записан весь ход следственного действия»⁹. Безусловно, что допросу в целом, а тем более допросу «под видео» предшествует предварительное приготовление, включающее беседу и инструктаж участников, рабочую съемку для проверки качества записи и другое как для целей психологического раскрепощения допрашиваемого несовершеннолетнего, так и формирования допустимых доказательств.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации оставляет нерегламентированным вопрос, связанный с субъектом, уполномоченным производить видеозапись следственных действий. По этой причине нельзя исключить производство видеозаписи процессуальных и следственных действий следователем самостоятельно. По мнению некоторых исследователей, более предпочтительным вариантом представляется привлечение для выполнения функций оператора следователя-криминалиста¹⁰, ссылаясь на то, что при производстве видеозаписи необходимо манипулировать камерой (наводить, приближать камеру на участников допроса и иных лиц, присутствующих на допросе); правильно рассадить участников с целью верного определения тактики видеосъемки, исключения посторонних шумов и помех; по возможности записать все обстоятельства, которые могут потом пригодиться при назначении и производстве судебных экспертиз; акцентируя внимание на главном факторе – производство допроса двумя следователями: 1) следователем, в чьем производстве находится уголовное дело; 2) следователем-криминалистом для производства подробного и детального допроса. С учетом приведенных аргументов можно сделать вывод, что более эффективное производство видеозаписи возможно при участии специалиста, а следователь-криминалист в зависимости от обстоятельств дела может участвовать при производстве процессуальных действий и организационных мероприятий.

Полагаем возможным не совсем согласиться с М. Р. Глушковым, который придает главное значение разъяснению прав участникам следственных действий и видит основную цель применения видеозаписи с подтверждением факта разъяснения названных прав участников следственных действий. По его мнению, «ключевым моментом в ходе видеозаписи допроса является видеозапись разъяснения (именно разъяснения, а не дословного зачитывания) прав каждому участнику следственного действия. Разъяснять права необходимо, придерживаясь формулировок закона, но положения, не относящиеся к конкретному лицу, следует опускать»¹¹. В качестве контраргумента можно привести аналогичные положения УПК РФ относительно цели и назначения участия понятых в производстве следственных действий. По смыслу УПК РФ видеозапись заменяет понятых в следственных действиях¹² и производится в целях как удостоверения факта производства следственного действия, так и его хода и результатов.

⁹ Скобелин С. Ю., Кузнецов С. Е. Видеозапись допроса : проблемы и пути их решения // Рос. следователь. 2015. № 20. С. 27–30.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Глушков М. Р. Практика применения видеозаписи при производстве следственных действий (на примере проверки показаний на месте) : метод. рекомендации. СПб., 2014. С. 14.

¹² Данный вывод обусловлен положением ч. 2 ст. 170 УПК РФ.

В целом опыт законодательного и практического осуществления видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних позволяет сделать положительный прогноз относительно дальнейшей детальной регламентации соответствующей процедуры в УПК РФ и роста эффективности использования видеозаписи при производстве следственных действий.

Воронежский институт МВД России

Зозуля В. В., кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Ахмедов У. Н. оглы, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Zozulya V. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior
Teacher of the Criminal Process Department

E-mail: vasily11@mail.ru

Tel.: 8-920-407-27-67

Akhmedov U. N. ogli, Candidate of Legal Sciences,
Senior Teacher of the Criminal Process Department

E-mail: Ulvi27@mail.ru

Tel.: 8-920-212-55-55

**ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРОКУРОРУ, В ТОМ ЧИСЛЕ
И ДЛЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ
В СОВЕРШЕНИИ БОЛЕЕ ТЯЖКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования вызывал интерес советских и российских ученых еще в период действия УПК РСФСР разных лет. Изменившаяся правовая позиция Конституционного Суда РФ подтолкнула законодателя возродить этот институт и развить его в более широком объеме, чем он был ранее в рамках УПК РСФСР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальный кодекс, суд, прокурор, Конституционный Суд РФ, возвращение уголовного дела прокурору, состязательность.

**THE LEGAL POSITION OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR IN THE REVIVAL
AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF RETURNING CRIMINAL
CASES TO THE PROSECUTOR, INCLUDING FOR CHARGES OF
COMMITTING MORE SERIOUS CRIMES**

Institute of returning criminal cases for further investigation aroused the interest of the Soviet and Russian scientists in the period of the CPC of the RSFSR of different years. The changed legal position of the constitutional Court of the Russian Federation has pushed lawmakers to revive this Institute and develop it on a larger scale than it was previously under the criminal procedure code of the RSFSR.

K e y w o r d s: criminal procedure code, the court, the Prosecutor, the constitutional Court of the Russian Federation, the return of the criminal case to the Prosecutor, adversarial.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

Институт дополнительного расследования всегда представлял интерес ввиду своей неоднозначности. Ситуация не изменилась и после принятия УПК РФ 2001 г., в котором текст ст. 237 УПК РФ в первоначальной редакции фактически исключил возвращение дела прокурору для дополнительного расследования, что вызвало новую дискуссию. Действительно, эта статья предусматривала возможность судьи по ходатайству стороны или по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору для устранения отдельных препятствий для его рассмотрения судом. По возвращенному делу не разрешалось производство следственных действий, был установлен максимальный срок для устранения допущенных нарушений – 5 суток; указывалось, что доказательства, полученные по истечении установленных процессуальных сроков либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных этой статьей, признаются недопустимыми.

Несмотря на поддержку законодателя в этом вопросе со стороны Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) и авторитетных российских ученых-процессуалистов¹ эта норма не раз подвергалась справедливой критике как со стороны ученых-процессуалистов, так и практиков.

Постепенно позиция КС РФ стала меняться. Так, в постановлении КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П указывалось, что исправление допущенных на досудебных стадиях процесса нарушений после направления дела прокурору не должно быть связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, т.е. сводиться к установлению органами предварительного расследования новых фактических обстоятельств дела; к доказыванию виновности обвиняемых; дополнению ранее предъявленного обвинения; переквалификации деяний².

Несколько позже КС РФ пришел к выводу о необходимости существования института возвращения судом уголовного дела для устранения недостатков, препятствующих постановлению судом итогового решения по делу³.

На наш взгляд, заключительным актом по данному вопросу стало принятие постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П, которое продолжило развитие правовых позиций КС РФ в этом направлении, но вместе с тем вызвало в очередной раз дискуссию среди ученых-процессуалистов и практиков.

Позиция КС РФ, вокруг которой разгорелся спор, была изложена в п. 4.2 указанного постановления и выражается в следующем: «Предусматривая процедуры исправления как процессуальных нарушений, допущенных судом, так и нарушений, касающихся неправильного применения им уголовного закона, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит, однако, положений, позволяющих разрешить вопрос о таких нарушениях, допущенных органами предварительного расследования, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления... Более того, положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 252, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, не позволяют устранить нарушения закона, допущенные органами уголовного преследования, если из содержания обвини-

¹ См.: *Гаврилов Б. Я.* Научная позиция П. А. Лупинской об институте судебного доследования // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. П. А. Лупинской : сб. науч. трудов. М., 2011. С. 12.

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение КС РФ от 22 марта 2012 г. № 590-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления с очевидностью следуют неправильность квалификации описанного в них деяния и необходимость предъявления более тяжкого обвинения, что не может быть осуществлено в судебном разбирательстве. Тем самым – в нарушение вытекающих из Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), гарантий охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина – создаются препятствия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения»⁴. Таким образом, КС РФ разрешил возвращать уголовные дела прокурору и для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Вместе с тем указанное постановление КС РФ привлекло к себе внимание ученых и вызвало дискуссию еще и потому, что КС РФ был преодолен существовавший длительное время запрет на ухудшение положения подсудимого, установленный ранее действовавшим УПК РСФСР 1960 г., который, несмотря на то что он не нашел себе места в УПК РФ 2001 г., тем не менее продолжал существовать на практике.

Анализируя указанное постановление, некоторые ученые начали упрекать КС РФ в словесной эквилибристике, беспринципной, лукавой и однозначно антидемократической позиции, утверждая, что этим решением фактически ликвидировалась состязательность в уголовном процессе России⁵.

В то же время другие ученые констатируют, что «можно только удивляться, что такие «простые» истины были вне поля зрения Конституционного Суда ранее, хотя он неоднократно обращался к анализу правовых норм, регулирующих институт возвращения уголовного дела прокурору»⁶.

Представляется, что занимаемая в настоящее время правовая позиция КС РФ по вопросу возвращения уголовного дела прокурору, в том числе и для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления, на наш взгляд, является более взвешенной, чем те правовые позиции, которых придерживался КС РФ ранее в вопросах возвращения уголовного дела прокурору, за что был подвергнут справедливой и обоснованной критике юридического сообщества⁷.

Возникают вопросы: действительно ли незыблемыми должны быть правовые позиции КС РФ, высказанные ранее, или они должны развиваться в гармонии с существующей системой отечественного права и потребностями общества на современном этапе; что более важно: не дать возможности суду указать на наличие достоверных обстоятельств, свидетельствующих о более тяжком обвинении при необходимости защиты и обеспечения законных интересов потерпевшего, или,

⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: *Александров А. С., Лапатников М. В.* Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

⁶ *Рябина Т. К.* Возвращение уголовного дела прокурору : старые проблемы в новом свете // Рос. следователь. 2013. № 24. С. 6–10.

⁷ См.: *Божьев В. П.* «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. юстиция. 2000. № 10. С. 9 ; *Его же.* Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–6 ; *Давлетов А. А.* Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 16–18 ; *Ищенко Е. П., Орлов Ю. К.* О недостатках действующего УПК РФ // Вестник криминалистики. Вып. 3 (15). С. 7.

придерживаясь догматических установок о запрете ухудшения положения обвиняемого (подсудимого), не разрешать суду принимать решение вопреки выявленным фактическим обстоятельствам.

В целях приведения положений ст. 237 УПК РФ в соответствие с правовой позицией КС РФ, повышения гарантий постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора и обеспечения судебной защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевших, повышения уровня независимости и беспристрастности суда законодатель Федеральным законом от 21 июля 2013 г. № 269-ФЗ дополнил ст. 237 УПК РФ новым пунктом 6, позволяющим суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления.

В соответствии с правовой позицией КС РФ, выраженной в определении от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О, не препятствует вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора судом первой инстанции его решение о направлении дела прокурору либо о выделении уголовного дела и направлении его прокурору, в том числе по ходатайству стороны защиты, а постановление об этом лишь указывает на необходимость устранения препятствий для рассмотрения уголовного дела судом, поэтому не может свидетельствовать о прямой или косвенной заинтересованности судьи в разрешении дела и расцениваться как безусловное препятствие для участия судьи в рассмотрении данного дела⁸.

Представляется, ключевой мыслью здесь выступает указание на невозможность расценивания таких решений именно как безусловных препятствий для последующего участия этого же судьи в рассмотрении дела.

Согласно правовой позиции КС РФ, выраженной в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, независимость судей, призванная обеспечивать в правосудии права и свободы личности, приоритет которых закреплен Конституцией РФ, не затрагивается пересмотром принятых до вынесения приговора промежуточных судебных решений, которые не находятся в прямой связи с его содержанием, включающим выводы о фактических обстоятельствах дела, оценке доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и т.д.⁹

Вместе с тем законодательством не предусмотрен запрет участия в рассмотрении уголовного дела судьей, ранее направившим данное уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, однако, по нашему мнению, представляется необходимым и оправданным по указанным выше обстоятельствам рассмотрение уголовного дела после повторного направления в суд другим судьей, поскольку уже сформированное первым судьей мнение может повредить объективному и

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеевича Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение КС РФ от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление КС РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

непредвзятому восприятию исследуемых доказательств и негативно отразиться на любом итоговом решении. Другому судье необходимо оценить ранее очерченную судом позицию, сформулированную при возвращении дела прокурору, а также полученные доказательства в контексте пределов более тяжкого обвинения, поскольку промежуточное решение преюдициальной силы для суда не имеет.

Таким образом, в развернувшейся дискуссии о возрождении и развитии института дополнительного расследования С. А. Шейфер считает, что возвратить дело на дополнительное расследование – значит действовать в поддержку обвинительной власти¹⁰. По мнению В. В. Конины, «...возрождение института возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования может достаточно негативно повлиять на повышение качества предварительного расследования, поскольку предоставляет стороне обвинения еще одну попытку улучшить свою позицию, дополнить количество собранных по делу обвинительных доказательств, опровергающих доказательства стороны обвинения, и тем самым ставит сторону защиты изначально в проигрышное положение, вопреки установленному принципу равноправия сторон в уголовном судопроизводстве»¹¹.

Полагаем, что в полной мере согласиться с мнением данных ученых нельзя. С нашей точки зрения, исключая институт дополнительного расследования из уголовного судопроизводства, законодатель обоснованно исходил из необходимости реализации принципа состязательности сторон как на досудебной стадии, так и на стадии судебного разбирательства. Однако действительность не оправдала идеалистических замыслов законодателя. Кадровый аппарат органов, осуществляющих предварительное расследование, оказался не готов к тем требованиям, которые были заявлены законодателем при разработке и принятии УПК РФ. Поэтому представляется необходимым, добиваться проведения качественного предварительного расследования, в том числе и путем совершенствования в этом контексте норм УПК РФ, а также развивая институт дополнительного расследования.

Сбудутся ли опасения критиков постановления КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П, повлекут ли рассмотренные изменения ст. 237 УПК РФ принятие судебных решений в обвинительном ключе, восстановится ли обвинительная связь между судами и органами предварительного следствия и дознания, покажет время. Анализ современной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что указанные опасения все же преувеличены.

¹⁰ См.: Шейфер С. А. Уголовный процесс как наука. Роль науки в развитии уголовно-процессуального права // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учеб. для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2012. С. 35.

¹¹ Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования : прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. № 9. С. 23.

*Калининградский областной суд
Долгих Т. Н., кандидат юридических наук, судья*

*Kaliningrad Regional Court
Dolgich T. N., Candidate of Legal Sciences, Judge
E-mail: boldinavn@mail.ru*

О ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ИНТЕРЕСЕ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Стадия исполнения приговора является одной из наименее исследованных стадий уголовного судопроизводства. Сделана попытка определить некоторые проблемные вопросы указанной стадии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стадии уголовного процесса, стадия исполнения приговора, предмет исследования, частный и публичный интерес.

TO THE QUESTION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS AT THE STAGE OF EXECUTION OF THE SENTENCE

Stage of enforcement is one of the least studied stages of criminal proceedings. In this article, the author briefly, in the form of abstracts will attempt to identify some of the problematic issues of this stage.

К e y w o r d s: stage of the criminal process, the stage of execution of the sentence, the subject of research, private and public interest.

Поступила в редакцию 20 июля 2016 г.

Уголовное судопроизводство является такой сферой государственной деятельности, где права человека и гражданина затрагиваются наиболее болезненным для личности образом. Именно в этом виде судопроизводства права и свободы человека, принадлежащие ему от рождения, могут быть ограничены существенным образом¹. Не является исключением и стадия исполнения приговора, которая является завершающей в российском уголовном судопроизводстве, которое, как было справедливо замечено А. А. Козявиным, имеет строгую поэтапную структуру².

Стадия исполнения приговора предшествует стадии судебного разбирательства, которая завершается вынесением приговора и вступлением его в законную силу.

Таким образом, приговор как правоприменительный акт в уголовно-процессуальном аспекте начинает исполняться с момента его обращения к исполнению и считается исполненным после того, как назначенное судом лицу наказание полностью отбыто.

Вместе с тем представляется достаточно интересным проанализировать, как вступал в законную силу приговор, вынесенный судом, и как начиналось его исполнение по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.³

Исполнению приговора был посвящен раздел 6 Устава, который назывался «Об исполнении уголовных приговоров». Глава 1 этого раздела была посвяще-

¹ См.: Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. 2013. № 5. С. 23–26.

² См.: Козявин А. А. Взгляд на категориальный аппарат науки уголовного судопроизводства через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ // Рос. следователь. 2013. № 19.

³ Устав Уголовного судопроизводства. Изд. шестое, испр. и доп. СПб., 1913.

© Конин В. В., 2016

на вступлению приговоров в законную силу. Статья 941, с которой начиналась глава, устанавливала, что «судебный приговор входит в законную силу: 1) когда по делу, решенному неокончательно, не предъявлено в установленный срок ни протеста со стороны Прокурора, ни отзывает со стороны участвующих в деле лиц, в порядке апелляции, ни отзыва подсудимого о новом рассмотрении дела, разрешенного заочно (ст. 834.5); 2) когда по делу, решенному окончательно, не предъявлено в установленный срок, в порядке кассационном, ни протеста со стороны Прокурора, ни жалоб со стороны участвующих в деле лиц; 3) когда протест или жалоба, поданные в кассационном порядке, оставлены без последствий».

Исполнение приговора осуществлялось несколькими субъектами и происходило следующим образом: суд исполнял приговор только в том объеме, который не выходил за пределы судебных действий, а именно: объявление подсудимого оправданным или освобожденным от наказания, а также объявление подсудимому внушения, замечания или выговора.

Все распоряжения по исполнению приговора, выходящие из круга непосредственных судебных действий, относились к обязанностям прокурора.

В то же время прокурор не являлся субъектом исполнения приговора. Статья 949 Устава устанавливала, что «об исполнении приговора Прокурор предлагает подлежащим властям, наблюдая потом за точностью и безотлагательностью исполнения».

Следующим субъектом исполнения приговора являлась полиция, поскольку действия по отправке осужденных в места заключения, а также взятие осужденных под надзор возлагались на полицию.

Еще одним субъектом исполнения приговора выступало Губернское правление. Согласно ст. 951 Устава «распоряжение о ссылке осужденных в каторжные работы, на поселение или на житье в Сибирские или другие отдаленные губернии, об отдаче их в арестантские отделения и о взятии имущества их в казну, или в опеку, принадлежит Губернскому Правлению».

Исполнение приговоров о денежных взысканиях, как наложенных в виде наказания, так и присужденных подсудимому в возмещение гражданского иска, поручалось судебным приставам.

Статья 955 Устава закрепляла, что «исполнители обязаны следовать в точности судебному приговору и исполнять согласные с оным требования Прокурора, через которого восходят на разрешение суда и все затруднения или сомнения, возникшие при исполнении приговора».

При этом все просьбы осужденных о замене одного наказания другим или о замене отдачи под надзор полиции отдачей под надзор общества, жалобы на неправильное исчисление сроков разрешались по предложению прокуратуры судом, вынесшим приговор.

Об исполнении приговора прокурор доводил до сведения суда.

Анализируя вышеперечисленное, можно сделать вывод, что Устав уголовного судопроизводства предусматривал деятельность четырех субъектов по исполнению вынесенного судом приговора – непосредственно суд, вынесший приговор; полиция, Губернское правление и судебные приставы. Прокурор являлся лицом, который организовывал исполнение приговора и контролировал правильность его исполнения, а также по своему усмотрению обращался в суд для замены на-

значенного судом наказания на более мягкое. В настоящее время исполнение приговора производится судом – при вынесении оправдательного приговора и в части вопросов реабилитации оправданного, и органом исполнительной власти – федеральной службой исполнения наказания.

Возвращаясь к уголовному судопроизводству в том виде, в котором он существует в настоящее время, и рассматривая его сквозь призму ранее действовавших Устава уголовного судопроизводства, УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., считаем необходимым отметить следующее: каждая стадия уголовного судопроизводства имеет свой предмет исследования, который является исключительным и присущ только этой стадии. Так, предмет исследования стадии предварительного расследования на современном этапе необходимо рассматривать как предмет доказывания, установленный ст. 73 УПК РФ; ранее предмет исследования регулировался аналогичными статьями действовавших в свое время Устава уголовного судопроизводства и УПК РСФСР различных годов. Отметим, что предмет исследования и предмет доказывания не являются синонимами, поскольку предмет исследования является более широким понятием и включает в себя в том числе и предмет доказывания.

Свой предмет исследования имеет и стадия исполнения приговора.

Одним из первых в советской уголовно-процессуальной науке предмет исследования в стадии исполнения приговора начал рассматривать И. Д. Перлов, указав следующее: «Стадия исполнения приговора существенно отличается от других стадий уголовного процесса по предмету исследования, проводимому судом. В стадии исполнения приговора нет единого предмета исследования. Он определяется в зависимости от характера вопроса, разрешаемого в данной стадии»⁴.

Продолжая развивать учение о стадии исполнения наказания, М. К. Свиридов, рассуждая о предмете исследования стадии исполнения приговора, отметил следующее: «Все иные стадии уголовного процесса представляют собой последовательное разрешение основного вопроса – о наличии преступления, виновности в его совершении, наказании. Однако этот основной вопрос не входит в предмет уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в стадии исполнения приговора. В этом отношении последняя, как отмечалось ранее, занимает особое место, она имеет дело с иным – с тем, что возникло после и на базе разрешения другими судебными стадиями основного вопроса процесса. Ее предмет имеет особенность – исполнительную направленность»⁵.

При этом, по мнению М. К. Свиридова, предмет исследования в стадии исполнения приговора состоит из нескольких частей: «Так, значительную часть предмета составляют вопросы, разрешаемые в связи с реализацией наказания. Наличие вопроса требует деятельности исследовательского характера – ее содержанием должно быть установление и исследование фактических обстоятельств, то есть установление истины; обязательным признаком такой деятельности является принятие судебного решения, в котором дается ответ на разрешаемый вопрос. Другая часть предмета анализируемой стадии – организация исполнения приговора. Сюда относится самостоятельное исполнение

⁴ Перлов И. Д. Исполнение приговора. М., 1963. С. 16.

⁵ Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 109.

некоторых приговоров судами, а также обращение остальных приговоров к исполнению. Никакие вопросы здесь не разрешаются, фактические обстоятельства не устанавливаются, доказательства не исследуются. Поэтому основное, что характеризует названную часть, – ее организационный характер, в связи с чем уголовно-процессуальная деятельность этой части стадии исполнения приговора является организационной и лишена исследовательского содержания. Наконец, в предмет включается и судебный контроль за исполнением приговора. Как будет показано в дальнейшем, эта часть предмета стадии исполнения приговора также своеобразна. Таким образом, предмет стадии исполнения приговора является сложным»⁶.

Полагаем, что следует в полной мере согласиться с М. К. Свиридовым с тем, что предмет исследования в стадии исполнения приговора является достаточно сложным. В то же время считаем, что перечень, приведенный М. К. Свиридовым, является неполным и нуждается в дополнении.

Вопрос о предмете исследования в стадии исполнения приговора, на наш взгляд, предполагает свое разрешение сквозь призму проблемы о том, что же именно подлежит защите в уголовном судопроизводстве, в том числе и на стадии исполнения приговора. Следует согласиться с авторами, которые считают, что перечень основных объектов, подлежащих защите и восстановлению в уголовном судопроизводстве, в общем виде сформулирован в ст. 6 УПК РФ⁷. Полагаем, что общие формулировки всегда оставляют пробелы, которые необходимо устранять, поскольку неясности, как правило, влекут за собой расширительное толкование, что не всегда является положительным. В связи с этим представляется очень справедливым высказывание Е. В. Смахтина, что «...уточнение предметной сферы уголовно-правовых наук при изучении одних и тех же объектов познания позволит повысить качество проводимых научных исследований и эффективность правоприменительной деятельности»⁸.

На наш взгляд, одной из составных предмета исследования на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и стадии исполнения приговора, будут публичные (общественные) и частные интересы, подлежащие установлению и защите в каждом конкретном судебном разбирательстве.

При этом публичный (общественный) интерес является постоянной доминантой и присутствует во всех стадиях судебного разбирательства, в то время как частный интерес может быть факультативным. Так, помимо публичного интереса, частный интерес для участников со стороны обвинения будет присутствовать в том случае, если речь идет о восстановлении нарушенных прав потерпевшего при разрешении уголовного дела по существу, и будет отсутствовать, если потерпевшим будет признаваться Российская Федерация в лице какого-либо органа федеральной либо местной власти, которому совершенным

⁶ Там же. С. 110.

⁷ См.: *Марковичева Е. В.* Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе // Рос. юстиция. 2011. № 7. С. 26 ; *Козьявин А. А., Рябинина Т. К.* Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Там же. 2009. № 21. С. 10–14.

⁸ *Смахтин Е. В.* Предмет криминалистики : соотношение с материальным и процессуальным уголовным правом // Рос. следователь. 2009. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступлением был причинен ущерб⁹. По справедливому замечанию Т. А. Владыкиной, «государство, его органы не могут иметь частного интереса участия в уголовном судопроизводстве. Являясь носителем публичного интереса, государство: 1) регулирует посредством принятия, изменения, дополнения уголовно-процессуальных норм общественные отношения, составляющие предмет уголовно-процессуального права; 2) в лице уполномоченных на то органов и должностных лиц принимает участие в качестве субъекта в уголовно-процессуальных отношениях»¹⁰.

Единство, а также противоречие частного и публичного интереса в стадии исполнения приговора, на наш взгляд, заключается не в том, что вынесенный приговор является некой догмой, не подлежащей пересмотру ни при каких обстоятельствах. Общество имеет право не только наказывать за совершенные проступки и тем самым реализовывать свое право на наказание, но и имеет также право на прощение лица, совершившего преступление, в случае если личность перестала являться общественно опасной¹¹.

Реализация права общества на прощение личности осуществляется судом в стадии исполнения приговора, за исключением помилования, правом на которое обладает Президент РФ, и амнистии, объявляемой Государственной Думой Федерального Собрания РФ.

Реализуя свое право на прощение, общество, действуя в публичном интересе, руководствуясь принципом гуманности, вместе с тем преследует и воспитательную цель, демонстрируя лицам, отбывающим наказание, что при соблюдении ряда условий, таких как должное поведение, возмещение причиненного преступлением вреда потерпевшему, раскаяние в совершенном преступлении, осужденное лицо может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо продолжит его отбывать в менее строгих условиях.

Реализация частного интереса заключается в следующем: лицу, потерпевшему от преступления, заглаживается вред в полном объеме, что, несомненно, является положительным фактором. Лицо, осужденное за совершенное преступление и отбывающее наказание, освобождается от его дальнейшего отбывания, либо продолжает его отбывать в менее строгих условиях.

Вместе с тем публичный и частный интересы будут существовать в качестве предмета исследования, когда в стадии исполнения приговора судом будет разрешаться вопрос об ухудшении положения осужденного (например, при рассмотрении вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания). В данном случае государство в интересах общества реализует свое право на наказание в отношении лица, которое, будучи признано виновным в совершении преступления, не сделало для себя должных выводов, не встало на путь исправления, продолжает вести антиобщественный образ жизни, уклоняясь от отбывания наказания. Тем самым государство вновь преследует воспитательную

⁹ См. об этом: Семькина О. И. Современные тенденции развития уголовного законодательства о преступлениях экономической направленности (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. 2014. № 2. С. 327–337.

¹⁰ Владыкина Т. А. Координация публичного и частного начал в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 267–273.

¹¹ См. об этом: Калиновский К. Б. Новые правовые позиции Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2011. № 12. С. 36–41.

цель в отношении неопределенного круга лиц, понуждая к законопослушному образу жизни.

Частный интерес в данном случае будет заключаться в том, что лицо, в отношении которого стоит вопрос об ухудшении его положения, будет иметь право на реализацию своих прав, гарантированных Конституцией РФ и УПК Российской Федерации, в частности такими правами, как право на защиту, право на обжалование состоявшихся судебных решений.

Таким образом, полагаем необходимым дополнить предмет исследования в стадии исполнения приговора публичным (общественным) и частным интересом.

Калининградский филиал «Международный университет в Москве»

Конин В. В., кандидат юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой международного права,
адвокат Адвокатской палаты Калининградской области

Kaliningrad Branch «International University in Moscow»
Konin V. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of International Law Department,
Lawyer of Lawyer Chamber of the Kaliningrad Region
E-mail: vkonin@ya.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 347

А. Б. Афонин

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматриваются вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства. Изучено и проанализировано состояние законности в сфере налоговых правоотношений на территории Калужской области. Отражены наиболее типичные нарушения налогового законодательства, совершаемые субъектами налоговых правоотношений и выявленные в ходе прокурорских проверок, а также наиболее эффективные меры прокурорского реагирования, направленные на устранение нарушений. Озвучен и ряд характерных ошибок при организации прокурорского надзора. Высказано мнение о возможности и необходимости повышения эффективности качества надзорной деятельности в указанном направлении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: органы прокуратуры, прокурорский надзор, налоги, налоговая служба, практика прокурорского надзора.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE COMPLIANCE WITH TAX LEGISLATION BASED ON THE EXAMPLE (OF KALUGA REGION)

The article discusses the implementation issues of prosecutorial supervision over the enforcement of tax legislation. The author studied and analyzed the state of legality in the sphere of tax legal relations in the territory of Kaluga region. The article reflects the most common violations of the tax legislation by subjects of tax legal relations and identified in the prosecutorial investigation as well as the most effective measures of prosecutorial response to violations. The author voiced a number of characteristic errors in the organization of Prosecutor's supervision. Based on the statistical data and the nature of the violations of tax legislation, suggested the possibility and necessity of increase of effectiveness of quality oversight activities in this direction.

K e y w o r d s: prosecutors, Prosecutor's supervision, tax, tax service, the practice of prosecutorial supervision.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

Правовое обоснование повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства

На современном этапе развития экономической системы России важным условием ее целостности и стабильности является эффективное функционирование всех подсистем, в том числе налоговой системы.

Статьей 57 Конституции РФ установлено, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

© Афонин А. Б., 2016

Состояние законности в налоговой сфере свидетельствует об имеющихся хронических недостатках в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, органов Федеральной налоговой службы и налогоплательщиков, связанных с налоговыми правоотношениями.

Органами местного самоуправления допускаются факты принятия неправомερных правовых актов в налоговой сфере и установления незаконных налогов и сборов. Налоговыми органами не в полной мере осуществляются функции по выявлению и пресечению нарушений налогового законодательства, не принимаются адекватные меры по взысканию задолженности по уплате налогов и сборов, допускаются нарушения при государственной регистрации юридических лиц. Кредитными организациями (банками) несвоевременно исполняются либо не исполняются поручения налогоплательщиков или налоговых агентов о перечислении налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды. Имеют также место факты коррупционных проявлений и совершения иных уголовно наказуемых деяний¹.

Городскими, районными, специализированными и приравненными к ним прокуратурами Калужской области неоднократно выявлялись нарушения налогового законодательства со стороны налоговых органов (незаконное начисление налогов, истребование у налогоплательщиков документов, не установленных налоговым законодательством, незаконное вынесение постановлений о полном или частичном аресте имущества должника), а также налогоплательщиков – юридических лиц, физических лиц и индивидуальных предпринимателей (неуплата налогов, непредставление налоговой отчетности и др.).

Не менее частыми являются и случаи несоблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного и муниципального контроля (надзора), в том числе использования полномочий контролирующих органов в корыстных целях, например для борьбы с конкурентами.

Вне зависимости от причин, названные явления создают реальные предпосылки для снижения поступлений налоговых доходов в бюджеты всех уровней, роста социальной напряженности в стране, криминализации бизнеса.

В 2014–2015 гг. прокурорами Калужской области выявлено 666 нарушений налогового законодательства, в целях устранения которых внесено 225 представлений об устранении выявленных нарушений действующего законодательства, опротестовано 94 нормативных правовых акта, к дисциплинарной ответственности привлечено 111 виновных лиц, направлено в суд 2 исковых заявления на сумму 23 тыс. рублей.

Анализ выявленных нарушений свидетельствует о том, что причинами большинства из них являются элементарное незнание должностными лицами действующего законодательства, нежелание исполнять его требования, отсутствие контроля за деятельностью подчиненных сотрудников со стороны руководства и др.

Частые изменения налогового законодательства также способствуют росту нарушений. Только в 2014–2015 гг. в Налоговый кодекс РФ были внесены более 283 изменений, касающихся налоговых ставок, порядка предоставления налоговой отчетности и иных документов, необходимых для проверки правильности исчисления и уплаты налогов и сборов².

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах : приказ Генпрокуратуры РФ от 9 июня 2009 г. № 193. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155268/cons_doc_LAW_166532

Таким образом, можно говорить о системном характере проблем, возникающих при взаимодействии всех субъектов налоговых правоотношений.

Стабильно высокие количественные показатели нарушений закона в налоговой сфере свидетельствуют и об имеющихся недостатках в организации прокурорского надзора. Не всегда прокурорами обеспечиваются системный подход к проводимой работе, качество надзорных мероприятий и адекватное реагирование на факты нарушений³.

Первый заместитель Генерального прокурора РФ А. Э. Буксман отметил, что модернизация российской экономики как обязательное условие успешного развития страны невозможна без создания благоприятных условий для бизнеса, привлечения инвестиций. Поэтому усилия органов прокуратуры, других заинтересованных ведомств и общественных институтов должны быть нацелены на защиту прав субъектов предпринимательской деятельности⁴.

Для достижения указанных целей органам прокуратуры необходимо принять дополнительные меры для повышения доступности информации о деятельности контрольно-надзорных органов, создания более благоприятных условий для ведения бизнеса⁵.

Практика прокурорского надзора за соблюдением налогового законодательства на примере органов прокуратуры Калужской области

Надзор за исполнением налогового законодательства является для прокуратуры одним из приоритетных, и органы прокуратуры в соответствии с компетенцией и на основании Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» систематически осуществляют проверки в данной сфере. В результате не только выявляются нарушения, но и принимаются меры к их устранению и недопущению подобных фактов впредь⁶.

Сущность надзора прокуратуры за исполнением налогового законодательства можно определить как деятельность органов прокуратуры по приему, анализу и оценке поступающей информации об имеющихся местах фактах нарушения налогового законодательства, ущемления прав, свобод и интересов граждан, общества и государства в сфере налоговых правоотношений, а также по проведению в необходимых случаях прокурорских проверок и принятию мер прокурорского реагирования в целях устранения выявленных нарушений законов.

Пунктом 8 Приказа Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 (в ред. от 01.07.2015) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в сфере экономики прокурорам всех уровней предписано усилить надзор за исполнением налогового законодательства, что свидетельствует о важном значении данного направления прокурорского надзора в системе прокурорского надзора органов прокуратуры России.

В целях повышения качества прокурорского надзора в указанной сфере органы прокуратуры всех уровней руководствуются положениями Приказа Генпроку-

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах : приказ Генпрокуратуры РФ от 9 июня 2009 г. № 193. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/

⁴ См.: Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей : науч.-метод. пособие / под общ. ред. А. В. Паламарчука. М., 2014. С. 7.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Паламарчук А. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. М., 2014. С. 189.

ратуры РФ от 9 июня 2009 г. № 193 «Об организации Прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах» (далее – Приказ)⁷.

Согласно Приказу заместителям Генерального прокурора РФ, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры РФ, прокурорам субъектов РФ, прокурорам городов и районов, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур предписано осуществлять постоянный мониторинг в сфере налоговых правоотношений и информационное взаимодействие с органами государственной власти, правоохранительными и контролирующими органами.

Приоритетными направлениями в рассматриваемой области являются следующие:

- надзор за законностью правовых актов;
- надзор за исполнением законов налоговыми органами, органами власти и местного самоуправления, а также органами управления и руководителями кредитных организаций (банков);
- надзор за соблюдением прав и законных интересов налогоплательщиков;
- надзор за следствием, производством дознания и оперативно-розыскной деятельностью по делам и материалам соответствующей направленности.

Важным требованием к организации прокурорского надзора в указанной сфере правоотношений, отраженным в Приказе, является обеспечение его предупредительного характера.

В Приказе обращено внимание на необходимость усиления надзора за законностью правовых актов федеральных органов исполнительной власти, представительных и исполнительных органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере налогообложения, в том числе с целью выявления случаев превышения ими предоставленных полномочий.

В целях исключения случаев несвоевременного реагирования на незаконные правовые акты прокурорам указано на необходимость незамедлительного направления в суды заявлений о признании нормативных правовых актов, нарушающих права, свободы и законные интересы граждан в затронутой сфере, недействующими полностью или в части.

Прокуратурой Мосальского района Калужской области в 2014 г. выявлены многочисленные нарушения в принятых органами местного самоуправления нормативных правовых актах в указанной сфере.

Так, в решении сельской Думы МО СП «Деревня Гачки» от 3 октября 2014 г. № 110 «Об установлении земельного налога на территории муниципального образования сельское поселение «Деревня Гачки» указан порядок вступления в силу данного решения, противоречащего требованиям ч. 1 ст. 5 НК РФ.

Аналогичные нарушения выявлены в нормативных правовых актах представительных органов еще 10 поселений района, на которые принесены протесты, рассмотренные и удовлетворенные.

Обеспечение системного надзора за исполнением законов налоговыми органами, усиленное внимание за реализацией ими полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, государственной регистрации юридических и иных лиц, применению мер ответственности за допущенные правонарушения, а также за исполнением ими обязанности по направлению материалов в органы внутренних дел в соответствии со ст. 32 НК РФ является

⁷ URL: <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14268/>

краеугольным камнем при организации эффективного надзора в сфере налоговых правоотношений.

Не менее важным направлением прокурорского надзора является установление строгого соблюдения прав и законных интересов налогоплательщиков в связи с осуществлением налогового контроля, взысканием и перечислением налогов и сборов, в том числе обеспечения строгого исполнения требований закона при санкционировании ареста имущества налогоплательщиков-организаций в соответствии со ст. 77 НК РФ.

Статьей 77 НК РФ в качестве способа обеспечения исполнения решения о взыскании налога, пеней и штрафов признается арест имущества, т.е. действие налогового органа с санкции прокурора по ограничению права собственности налогоплательщика-организации в отношении его имущества.

Применение такого способа обеспечения исполнения решения о взыскании налога, пеней и штрафов позволило вернуть в бюджет г. Калуги в ноябре – декабре 2015 г. около 1 млн рублей.

Однако ряд руководителей налоговых органов районного уровня, предварительно не исполнив предусмотренных НК РФ мероприятий по взысканию задолженности, сразу выносят постановления об аресте имущества, что недопустимо.

Так, 15.04.2014 в прокуратуру Дзержинского района Калужской области из Межрайонной ИФНС России № 2 по Калужской области поступило постановление о наложении частичного ареста на имущество налогоплательщика (плательщика сборов) или налогового агента в отношении ООО «Полимерсталь».

Исходя из представленных налоговым органом документов, по состоянию на 14.04.2014 задолженность ООО «Полимерсталь» перед бюджетом по налогам, пеням и штрафам составляет 92 964,82 руб.

Однако налоговым органом не были представлены доказательства, что налогоплательщик пытается скрыться или скрыть свое имущество.

Кроме того, в прокуратуру района не были представлены документы, подтверждающие соблюдение налоговым органом необходимых процедур (уведомление налогоплательщика надлежащим образом об имеющейся у него задолженности, направление требований о взыскании задолженности, предусмотренных ст. 46 НК РФ).

Аналогичные нарушения со стороны Межрайонной ИФНС России № 2 по Калужской области имелись ранее в отношении ОАО «Ново-Пятовское производственное объединение».

В целях устранения выявленных нарушений налогового законодательства прокурором района внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено.

Приказом обращено внимание на необходимость предотвращения фактов дублирования контрольных мероприятий и использования проверок для оказания административного давления на субъекты предпринимательской деятельности.

Органам прокуратуры предписано исключать факты необоснованного вмешательства в экономическую деятельность налогоплательщиков (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), а также незаконного применения к ним мер принуждения и ответственности; при проведении каждой проверки принимать меры к выявлению и устранению фактов коррупционного риска.

Включение данных пунктов логично и закономерно, так как при организации прокурорского надзора в рассматриваемой сфере помимо Приказа Генеральный прокурор РФ предписывает руководствоваться положениями приказов Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражд-

данина» и от 31 марта 2008 г. № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности».

Приказом предусмотрена организация проверок исполнения организациями налогового законодательства, в первую очередь соблюдения установленных законом порядка и сроков перечисления налогов и сборов в бюджеты всех уровней, а также государственные внебюджетные фонды,

Проведенными органами прокуратуры Калужской области проверками в 2014–2016 гг. были выявлены факты задолженности по уплате в бюджет региона налога на доходы физических лиц (НДФЛ).

Так, в ходе проведенной прокуратурой г. Калуги проверки установлено, что ООО «Фирма АВИБ» в нарушение законодательства имеет задолженность по уплате налога на добавленную стоимость в размере свыше 640 тыс. рублей, а также налога на доходы физических лиц в размере 100 тыс. рублей.

Прокурором города руководителю предприятия внесено представление, по результатам рассмотрения которого задолженность по налогам погашена в полном объеме, заместитель генерального директора общества привлечен к дисциплинарной ответственности.

Приказом обращено внимание прокуроров и на необходимость проведения регулярных проверок деятельности службы судебных приставов в части соблюдения ими порядка исполнения постановлений налоговых органов о взыскании налога или сбора за счет имущества налогоплательщика или налогового агента.

Помимо «общенадзорной» части в Приказе содержится требование о повышении качества и эффективности прокурорского надзора за следствием, производством дознания и оперативно-розыскной деятельностью в целях эффективного предупреждения, своевременного выявления и пресечения преступлений, а также качественного расследования уголовных дел в налоговой сфере, что немаловажно.

В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных и контролирующих органов по борьбе с налоговыми и иными смежными преступлениями экономической направленности, улучшения качества взаимодействия прокуратурами субъектов РФ созданы рабочие группы, включающие представителей следственных и налоговых органов, а также органов внутренних дел, проводятся межведомственные совещания руководителей правоохранительных органов, межведомственные семинары⁸.

Так, прокурорам предписано активизировать работу по предъявлению исковых заявлений к физическим и юридическим лицам, которые в соответствии с законодательством несут ответственность за вред, причиненный преступлениями.

В случаях выявления фактов противоправных действий, содержащих признаки преступления, согласно предоставленным законодательством полномочиям выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании.

Обеспечение гласности и использование средств массовой информации в деятельности органов прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением налогового законодательства так же отмечено в Приказе, как необходимое условие повышения качества и эффективности надзора.

Для совершенствования работы прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным и другим специализированным прокурорам предписано система-

⁸ См.: Паламарчук А. В. Указ. соч. С. 192.

тически анализировать состояние законности и практику прокурорского надзора в налоговой сфере не реже одного раза в полугодие.

Итак, эффективность прокурорского надзора в сфере налоговых правоотношений невозможна без повышения налоговой культуры прокурорских работников.

Анализ практики прокурорского надзора в указанной сфере правоотношений свидетельствует о недостаточно эффективном использовании прокурорами предоставленных им полномочий. Часто данное направление надзора лишь на бумаге является приоритетным.

Причинами тому являются сложность и громоздкость современной налоговой системы России. Результаты прокурорских проверок соблюдения налогового законодательства порой не оправдывают затраченных времени и сил.

При этом налоговая служба все больше подвергается модернизации, налоговые органы уходят от бумажных носителей, меняется программное обеспечение. Нарушения в деятельности налоговых органов можно выявить, воспользовавшись программой АИС «Налог», установленной в каждой налоговой инспекции. Разумеется, для этого необходимо иметь представление о структуре данной программы, принципах ее работы. Однако многие прокуроры идут по пути наименьшего сопротивления: принимают меры прокурорского реагирования по основаниям, лежащим на поверхности (например, наличие задолженности по налогам и сборам), подменяя тем самым деятельность налоговых органов, что недопустимо.

Афонин А. Б., помощник прокурора Мосальского района
Калужской области, юрист 3 класса

Afonin A. B., Assistant Attorney Mosalsky District of
Kaluga Region, Lawyer of the 3rd Class
E-mail: temafly@mail.ru

А. С. Гамбарян, М. А. Калашян

СУДЫ КАК ОСОБЫЕ СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Проведен анализ места и роли судов в политической системе общества. В результате исследования выдвигается тезис о том, что суды выступают в качестве особых субъектов политических отношений. Несмотря на то что судьи не вправе открыто демонстрировать свои политические предпочтения и становиться участниками активных политических мероприятий, они могут воздействовать на политику посредством судебного правотворчества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политика, политическая система, политическая идеология, суд, правосудие, судебное правотворчество.

COURTS AS SPECIAL SUBJECTS POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY

The article provides the analysis of the place and role of the courts in the political system. It puts forward the idea that the courts act as special subjects of political relations. Despite the fact that the judges are not entitled to openly demonstrate their political preferences and to become active participants in political events, however, they can influence policy through judicial law-making.

К e y w o r d s: politics, political system, political ideology, court, justice, judicial law-making.

Поступила в редакцию 26 июля 2016 г.

Круг вопросов, связанных с уяснением места, которое занимают суды в политической системе общества, приобретает особую актуальность в странах постсоветского пространства. Находясь на переходном этапе политико-правового развития, эти страны должны отказаться от пережитков советской государственно-правовой идеологии, что является непременным условием построения правовой и судебной систем, отвечающих требованиям современной демократической модели государства. В свете сказанного насущного разрешения требует проблема политической ориентации судов, научно-теоретическая разработка которой позволит последним полнее осознать пределы своей компетенции, а также степень возможного воздействия принимаемых судебных решений на развивающиеся гражданско-политические отношения. Сказанное, несомненно, послужит шагом навстречу созданию сильной и независимой судебной системы.

Относительно вопроса о степени причастности судов к политике классической выступает позиция, согласно которой суд – это институционально обособленный (в соответствии с принципом разделения властей) орган, осуществляющий исключительно правосудие и, следовательно, не вмешивающийся в вопросы политики. Согласно указанному подходу решения судей должны быть обоснованы только правовыми принципами¹. Подобное положение судов представляется гарантией их независимости как органов, выступающих в качестве «хранителей наших фун-

¹ См.: *Rebell M., Blok A. Educational policymaking and The Courts : Empirical Study of Judicial Activism. Chicago, 1982. С. 319.*

© Гамбарян А. С., Калашян М. А., 2016

даментальных прав»² и исключает возможность обхода последними законов, принимаемых представительными органами³.

Подобный подход разделяют советские и постсоветские правоведы и политологи⁴, в результате чего за пределами предмета их изучения остаются вопросы, касающиеся политико-правового статуса судов, возможности осуществления последними политической власти и т.п. Тем не менее нельзя не отметить некоторые попытки осмысления верховных судов в качестве субъектов политики. Так, вопросам влияния политических факторов на правотворческую деятельность Верховного суда США посвящена книга советского правоведа О. Жидкова «Верховный суд США: право и политика»⁵. Можно найти также работы, в которых политической признается деятельность конституционных судов постсоветских стран, которые, разрешая конкретные конституционно-правовые споры, разрабатывают принципы права и основополагающие положения о правовом государстве, тем самым участвуя не только в осуществлении, но и в формировании политики⁶.

Представляется, что господствующие взгляды, отрицающие политические функции судов, являются следствием неоднозначного понимания термина «политика» и его отождествления, в первую очередь, с определенными законодательными требованиями, направленными на обеспечение политической беспристрастности и независимости судей (так, ст. 98 Конституции РА, ч. 4 ст. 3 Закона РА «О Конституционном суде», ст. 10 Судебного кодекса РА содержат запрет на осуществление членами Конституционного суда и судьями политической деятельности, а именно: занятие партийной деятельностью и осуществление активных политических мероприятий (собрание, митинг, демонстрация, предвыборная агитация и др.)). Подобное узкое толкование данной категории с неизбежностью приводит к искаженному пониманию места, занимаемому судами в политической системе, создавая впечатление, что судебные структуры никак не связаны с политикой. Однако связь между судами и политикой прослеживается уже постольку, поскольку последние осуществляют судебную власть, которая а priori не может находиться полностью «вне» политических отношений⁷.

В связи с этим важное методологическое значение приобретает проблема уяснения содержания таких понятий, как «политика» и «политическая деятельность», относительно которых в литературе можно найти различные толкования⁸. Полагая, суды могут оказывать воздействие на политические отношения и тем самым становиться их участниками посредством правотворчества, поэтому термин «политика» в применении к судебной власти должен быть истолкован в первую очередь как вопрос о том, в каком объеме суды полномочны интерпретировать общие, а также неоднозначно сформулированные нормы законодательства и соз-

² Charles A. Horsky. Law Day : Some Reflections on Current Proposals to Curtail the Supreme Court, 42 MNN. L REV. 1105, 1111 (1958).

³ См.: Barry Friedman. The History of the Countermajoritarian Difficulty, Part Four : Law's Politics, 148 U. PA. L. REV. 971, 984 (2000).

⁴ См., например: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2007.

⁵ См.: Жидков О. А. Верховный суд США : право и политика. М., 1973.

⁶ См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 143.

⁷ См.: äáÖáëÛ³Ý ì. ³³³³³Ý ÇÈÈ³ÝáöŒÛáöŒÝÁ " ù³Ö³ù³³³Ý ·áñíÁÝŒ³óÝ»ñÁ: §ññ»Ýù " Çñ³³³ÝáöŒÛáöŒÝ, 2005, ŒÇí 10. С. 5.

⁸ См. подробнее: Туманян В. С. К вопросу об определении политики // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 1.

давать новые в случае наличия пробелов в праве. Именно благодаря правотворчеству суд выступает уже не только как правоприменитель, действующий в рамках предустановленной политической идеологии, но и как соучастник политических отношений, способный посредством интерпретации норм закона оказывать определенное воздействие на политику.

Данная проблематика является предметом рассмотрения реалистической школы права, представители которой считают, что право создается не путем принятия законодателями абстрактных норм, а посредством разрешения властными органами конкретных споров. Так, один из наиболее видных представителей реалистической школы права К. Ллевеллин высказал ставший краеугольным для всего движения тезис о том, что право представляет собой то, как реально судьи и иные государственные чиновники ведут себя в отношении споров⁹. Согласно данной концепции право не есть нечто статичное и определенное. Как раз наоборот, право – это феномен, который находится в постоянном движении и направлен на достижение социальных целей. При принятии решения по конкретному делу судьи основываются, по сути, не на объективном применении предустановленных правовых предписаний, а каждый раз создают право, руководствуясь интуицией, настроением и своими собственными, в том числе политическими убеждениями.

Признание судьи субъектом правотворчества требует, тем не менее, определения тех границ, в рамках которых он может действовать по своему усмотрению. В любом случае суд обязан выносить решения с оглядкой на социальную целесообразность и оправданность каждого конкретно принимаемого акта, его политической легитимностью. Надо признать, что вопросы права не могут идти вразрез с доминирующими настроениями политического сообщества.

Поднятый вопрос затрагивается в вышедшей в 1957 г. работе известного американского политолога Роберта Алана Даля «Принятие решений в демократии: Высший суд – это тот, кто принимает решения»¹⁰, в котором суд рассматривается автором как институт прежде всего политический, и соответственно процесс вынесения судебных решений судьей Верховного суда США носит не только правовой, но и политический характер. Сказанное охватывает случаи, когда статьи Конституции носят наиболее общий, расплывчатый и неоднозначный характер¹¹. При их рассмотрении суд, по существу, принимает решение исходя из политической целесообразности и лишь затем подводит под него правовое обоснование¹².

В результате анализа решений Верховного суда США Р. Даль, однако, приходит к выводу, что суд – это лишь часть доминирующего национального альянса и как таковой призван поддерживать и легитимировать правительственную политику, не будучи в состоянии ее изменить¹³. Как известно, представительные органы власти обладают механизмами пресечь попытки суда повлиять на политику путем принятия или изменения соответствующих законов. Не случайно американский профессор Роберт Макклоски указывает на тот факт, что нельзя найти ни единого

⁹ См.: *Llewellyn K. N. The Bramble Bush. On Our Law and Its Study. Quid Pro, LLC, 2012. С. 11 и др.*

¹⁰ См.: *Robert A. Dahl. Decision-Making in a Democracy : The Supreme Court as a National Policy-Maker, 6 J. PUB. L 279 (1957) («Decision-Making in a Democracy»).*

¹¹ См.: *Ibid. С. 284–285.*

¹² Цит. по: *Gerald Rosenberg. The Road Taken : Robert A. Dahl's Decision-Making in a Democracy : The Supreme Court as a National PolicyMaker, 50 Emory Law Journal 613 (2001). С. 626.*

¹³ См.: *Ibid. С. 618–620.*

примера из практики Верховного суда США, когда его позиция в течение длительного времени шла вразрез с общественными запросами¹⁴.

Таким образом, суды выступают в качестве субъектов политических отношений, однако их участие в политической жизни общества носит, безусловно, специфический характер. Несмотря на то что судьи не вправе открыто демонстрировать свои политические предпочтения и становиться участниками активных политических мероприятий, тем не менее они могут воздействовать на политику посредством судебного правотворчества. Оно осуществляется судами при наличии пробелов в праве, а также общей или неоднозначной формулировки законодательных норм, когда судья создает новые нормы права, руководствуясь, в частности, своими политическими убеждениями, интуицией и т.п. Однако следует иметь в виду, что если создаваемые судом правила идут вразрез с политической идеологией, то они окажутся жизнеспособными лишь в случае одобрения принятого решения политическим сообществом. Для этого суду необходимо обосновать, что выработанный им способ урегулирования общественных отношений является более целесообразным и отвечающим нуждам общественно-политического развития.

¹⁴ См.: *Robert G. McCloskey*. The American Supreme Court 231 (3d ed. 2000). С. 40.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Гамбарян А. С., доктор юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой теории и истории государства и права

Калашян М. А., кандидат философских наук, преподаватель

Russian-Armenian University

Gambaryan A. S., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Kalashyan M. A., Candidate of Philosophical
Sciences, Lecturer
E-mail: kalashyan_marina@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА СУДЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Подвергнуто исследованию содержание статуса судьи в Российской Федерации, проанализированы наиболее спорные элементы статуса судьи: принципы и ответственность, обоснованы предложения по их совершенствованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: статус судьи, содержание и элементы статуса судьи, принципы статуса судьи, ответственность судьи.

PROBLEMS OF THE STATUS OF THE JUDGE IN RUSSIAN FEDERATION

This article investigates the essence of status of the judge in Russia, analyzes the most controversial elements of the status of the judge: principles and responsibility, proves suggestions for their improvement.

К e y w o r d s: status of the judge, essence and elements of the status of the judge, principles of the status of judge, responsibility of the judge.

Поступила в редакцию 21 июля 2016 г.

В юридической энциклопедии «статус судьи» предлагается понимать как «совокупность норм, которые закреплены в федеральном законе и определяют правовое положение судей как носителей судебной власти»¹.

На VIII Всероссийском съезде судей было отмечено, что «конституционный статус судьи призван гарантировать осуществление правосудия независимым и беспристрастным судом, что рассматривается в качестве основного направления деятельности государства по выработке мер, направленных на защиту прав граждан, на противодействие коррупции, в том числе судей, и невмешательства кого бы то ни было в судебную деятельность»².

Вместе с тем вопрос о содержании статуса судьи в юридической литературе до сих пор остается спорным. Так, в юридическом словаре под редакцией А. Н. Азрилияна элементами статуса судей считают: «права и обязанности, связанные с формированием судейского корпуса (требования к кандидатам в судьи, порядок наделения кандидатов судейскими полномочиями); права и обязанности судей, направленные на создание условий для объективного, независимого и беспристрастного осуществления ими своих судейских полномочий (порядок приостановления и прекращения полномочий судей, право на отставку и т.п.); права и обязанности судей, необходимые им для активного участия в деятельности судейского сообщества»³. О. Н. Бабаева в содержание статуса судьи включает: а) правоспособность и дееспособность судьи; б) закрепленные за ним законодательством права и обязанности; в) гарантии этих прав и обязанностей; г) ответственность за надлежащее

¹ Аванесян В. В. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. С. 567.

² О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития : постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2013. № 1(35).

³ Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 2007. С. 982.

исполнение возложенных на него обязанностей⁴. Г. Т. Ермошин в статусе судьи выделяет две составляющие: во-первых, процессуальная составляющая статуса судьи, т.е. права и обязанности судьи как лица, замещающего должность государственной службы, которые определяются процессуальным законодательством. Он отмечает, что в учебном процессе эта составляющая статуса судьи изучается в рамках конституционного, гражданского, уголовного и арбитражного судопроизводства и в рамках изучения особенностей рассмотрения споров, вытекающих из административных правоотношений; во-вторых, права и обязанности судьи определяют его особое положение в обществе как гражданина. Это особое положение, указывает он, по сути, является гарантией обеспечения тех его прав и обязанностей, которые судья реализует, непосредственно осуществляя правосудие, свои властные полномочия⁵.

Конституция РФ особое внимание уделяет основам правового положения судьи как носителя судебной власти и, исходя из принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и признания самостоятельности органов судебной власти, определяет статус судьи в Российской Федерации с тем, чтобы гарантировать осуществление правосудия независимым и беспристрастным судом.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2012 г. № 27-П указывается, что конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием. Общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления им своих полномочий по отправлению правосудия; конституционный статус судьи включает также предоставление ему в будущем особого статуса судьи в отставке, что служит гарантией надлежащего осуществления правосудия, дает основания для предъявления к судьям высоких требований и позволяет сохранять доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности⁶.

Основным нормативным актом, регламентирующим статус судьи в Российской Федерации, является Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»⁷ (далее – закон о статусе судей). Анализ положений этого закона позволяет сделать вывод о том, что в содержание статуса судьи следует включить: 1) принципы статуса судьи; 2) требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи и к судьям; 3) порядок наделения судьи полномочиями; 4) права и обязанности судьи как члена судейского сообщества и как участника судебного процесса; 5) гарантии прав и обязанностей судьи; 6) порядок приостановления и прекращения полномочий, отставка судьи; 7) ответственность судьи за надлежащее исполнение своих обязанностей.

⁴ См.: *Бабаева О. Н.* Проблемные вопросы статуса мировых судей Российской Федерации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2007. № 1(2). С. 134.

⁵ См.: *Ермошин Г. Т.* Правовой статус судьи Российской Федерации : учеб. пособие. М., 2004. С. 14.

⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 16, пункта 1 статьи 29.1 и пунктов 1 и 3 статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И. Ю. Фроловой от 19 ноября 2012 г. № 27-П : постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2012 г. № 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 48. Ст. 6745.

⁷ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 с изм. и доп. на 27 апреля 2015 г. // Рос. газета. 1992. 27 июня ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 11. Ст. 1088.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением М. И. Клеандрова, что компонентами статуса судьи являются взаимодополняющие друг друга правовой (основой которого служит конституционно-правовой – ст. 10, 119–122 и 128 Конституции РФ), моральный, этический, психический, физиологический, социальный и иные компоненты, при этом некоторые из них не облечены в правовую форму⁸. Статус – это правовое положение судьи в обществе, т.е. закрепленное в нормах права положение. И если моральный, этический, психический, физиологический, социальный и иные компоненты не закреплены в законе, то они не могут рассматриваться в качестве составляющих содержание элементов статуса судьи, но могут и должны оказывать на это влияние.

Принципы статуса судьи

Принципы – это основополагающие идеи, руководящие начала, лежащие в основе статуса судьи в Российской Федерации. Положениями ст. 10, 15, 119–122, 124 Конституции РФ основополагающими в определении статуса судьи в российской правовой системе провозглашены принципы единства статуса судей РФ, независимости, неприкосновенности и несменяемости судьи, а также принцип законности. Кроме того, особенностями реализации данных принципов является то, что принципы независимости, неприкосновенности и несменяемости судьи одновременно выступают и в качестве гарантий прав и обязанностей судьи. Что же касается принципа единства статуса судьи, то это означает, что каждый судья в Российской Федерации любого уровня обладает единством статуса судьи. Единство судейского статуса проявляется в общей для всех судей в Российской Федерации совокупности основных прав, обязанностей и ограничений; означает не что иное, как равенство всех судей судейского сообщества: равная защита федеральным законом принадлежащих им прав, установление общих для всех судей ограничений, связанных с пребыванием в судейском сообществе, равные условия привлечения к ответственности и прекращения полномочий⁹, а также равные основы их материального и социального обеспечения.

В постановлении VIII Всероссийского съезда судей отмечено, что особый статус судьи, сопряженный с предъявлением к нему специальных требований и установлением целой системы запретов и ограничений, в том числе в отношении возможности заниматься иной оплачиваемой работой, должен гарантировать достаточно высокий уровень оплаты его труда, так как повседневная работа судьи осуществляется в условиях, связанных с высокой психологической нагрузкой, большим социальным давлением, а в ряде случаев и с опасностью для жизни и здоровья. Предоставление судье за счет государства надлежащего материального и социального обеспечения является одной из значимых гарантий осуществления правосудия беспристрастным и независимым судом.

Ответственность судьи

Вопрос об ответственности судьи, пожалуй, один из самых сложных в статусе судьи. Судья не может и не должен находиться в правовом и социальном вакууме, в изоляции от общества, он должен осознавать, что в отношении его могут быть задействованы процедуры, позволяющие контролировать, насколько эффективно и качественно он осуществляет свои судейские функции, и в случае необходимо-

⁸ См.: Клеандров М. И. Статус судьи : правовой и смежные компоненты / под ред. М. М. Славина. М., 2008. С. 117.

⁹ См.: Изварина А. Ф. Судебная власть в Российской Федерации. Ростов н/Д., 2009. С. 101–102.

сти наложены взыскания вплоть до прекращения полномочий судьи¹⁰. Институт ответственности судей является неотъемлемой составляющей судебной карьеры. Как верно замечает Д. А. Фурсов: «Обнаружить и обеспечить баланс между независимостью судьи и его личной ответственностью за результаты своей деятельности очень непросто»¹¹.

Закон о статусе судей устанавливает три вида ответственности: дисциплинарную (ст. 12.1), административную (ч. 4 ст. 16) и уголовную (ч. 3 ст. 16), к которой можно привлечь судью в случае совершения им правонарушений. Ученые, занимающиеся анализом проблем ответственности судей, помимо названных обосновывают наличие также *конституционной*¹², *гражданско-правовой*¹³, *этической*¹⁴ и других видов ответственности.

Уголовная ответственность. При соблюдении определенной процедуры, предусмотренной ч. 3 ст. 16 закона о статусе судей, за совершение преступления судью можно привлечь к уголовной ответственности. Решение по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу принимаются в отношении судьи – Председателем Следственного комитета Российской Федерации с согласия квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта РФ. Однако особый интерес вызывает порядок привлечения к уголовной ответственности судьи по ст. 305 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

В качестве важной гарантии соблюдения конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и на справедливое судебное разбирательство (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) законодательство РФ в ст. 305 УК РФ устанавливает уголовную ответственность судьи за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Часть 2 указанной статьи предусматривает повышенную ответственность за это же преступление, связанное с вынесением незаконного приговора к лишению свободы или повлекшее иные тяжкие последствия (квалифицированный состав преступления)¹⁵.

18 октября 2011 г. Конституционный Суд РФ огласил решение по резонансному делу отставного военного судьи Сергея Панченко. Заявитель обжаловал в Конституционный Суд нормы законов, которые, по его мнению, дают возможность возбудить уголовное дело против судьи за его правовую позицию. Как следует из сегодняшнего решения, судья в отставке смог убедить Конституционный Суд в пра-

¹⁰ См.: Модернизация статуса судьи : современные международные подходы / отв. ред. Т. Н. Нешатаева. М., 2011. С. 204.

¹¹ Фурсов Д. А. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1 : Теория и практика организации правосудия. М., 2009. С. 117.

¹² См.: Сапунова М. О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации : теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

¹³ См., например: Афанасьев С. Ф. О гражданско-правовой ответственности судей // Гражданское право и процесс. 2009. № 6. С. 118–125.

¹⁴ См.: Клеандров М. И. О механизме этической ответственности судей в Российской Федерации // Рос. правосудие. 2015. № 12 (116). С. 5–21.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. с изм. и доп. на 23 мая 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2015. № 21. Ст. 2568.

вильности своей позиции – Конституционный Суд признал не конституционными нормы УК РФ и закона о статусе судей, позволяющие возбуждать уголовное дело по обвинению судьи в вынесении заведомо неправосудного решения, если это решение не отменено¹⁶.

Таким образом, стоит вспомнить, что данный институт в нашей правовой системе и уголовной политике призван предупредить осознанные нарушения закона при вынесении судебных решений, неправосудие и коррупцию – то, что в народе называется судьейским произволом. К сожалению, приходится констатировать, что в современных условиях он не служит своему призванию, является преимущественно «мертвым» институтом российского уголовного права. Как видно из конструкции этой уголовно-правовой нормы, ответственность за совершение данного преступления наступает не в случае судебной ошибки, а в случае умышленного вынесения неправосудного, явно противоречащего закону судебного акта.

Для привлечения судьи к уголовной ответственности по ст. 305 УК РФ должно быть установлено, что он осознанно вынес неправосудный судебный акт, а не допустил судебную ошибку, связанную, например, с ошибочным толкованием и применением закона, неправильной юридической квалификацией уголовно наказуемого деяния гражданских, административных и прочих отношений и т.п. При правильном применении данной нормы добросовестный судья, допустивший судебную ошибку, не должен пострадать, а судья, допустивший явный судьейский произвол, должен понести заслуженное наказание.

К сожалению, несмотря на высокий уровень коррупции и явные злоупотребления в российских судах, указанная норма не работает, случаи осуждения по данной статье судей, вынесших произвольные решения, единичны и носят преимущественно политически-конъюнктурный характер. И теперь, когда Конституционный Суд принял решение от 18 октября 2011 г., которым запрещено привлекать судью к уголовной ответственности за неотмененные решения, возможностей привлечь судью за нарушение нормы ст. 305 УК РФ, когда соответствующее нарушение, как говорится, «налицо», остается все меньше.

Ведь уголовно-процессуальный закон ни в коей мере не увязывал возможность рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения, передачи дела в суд и осуждении судьи по ст. 305 УК РФ с предварительной отменой неправомερных судебных актов.

Более того, и УПК РФ (п. 3 ч. 3 ст. 413), и ГПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 392), и АПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 311) прямо предусматривают в качестве основания пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении и разрешении данного дела.

Судьи не могут быть ни бесконтрольны, ни безответственны. Напротив, за их деятельностью необходим бдительный надзор, а ответственность за нарушение обязанностей службы должна быть даже строже, чем для других должностных лиц, ввиду особой важности возложенной на них функции. Уголовная ответственность судей должна ограничиваться случаями умышленного неправосудия, т.е. сознательного нарушения служебных обязанностей. Неправильное же разрешение дел, обу-

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко : постановление Конституционного Суда РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2011. № 6.

словленное невольными погрешностями и ошибками, не может служить поводом к возбуждению против судей уголовного преследования.

Вполне логично и справедливо, на наш взгляд, из систематического толкования ст. 305 УК РФ и вышеназванных норм УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ следует, что привлечение судьи к уголовной ответственности и его осуждение может иметь место и до формальной отмены вынесенного им заведомо неправосудного судебного акта. Более того, указанный акт должен подлежать отмене в рамках соответствующего отраслевого процессуального законодательства на основании вступившего в законную силу приговора в отношении такого судьи.

Административная ответственность. Данный вид ответственности был введен ч. 4 ст. 16 федерального закона о внесении изменений и дополнений в закон о статусе судей, в соответствии с которой решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается судебной коллегией в составе трех судей суда субъекта РФ по представлению Генерального прокурора РФ. По мнению Н. Радутной, «административная ответственность – это фактическое посягательство на неприкосновенность судьи и отказ ему в иммунитете, а лишение судьи иммунитета связано, как правило, с унижением его достоинства и снижением авторитета суда. В современных условиях административная ответственность может стать инструментом расправы, например представителями органов полиции, с негодным судьей или проявлением отрицательного отношения к суду, что нередко имело место на практике»¹⁷. Институт административной ответственности судей вызывает также массу других неразрешенных сложных вопросов у Ю. Адушкина и В. Жидкова о соблюдении гарантий неприкосновенности судей при составлении протоколов; возможности наложения на них отдельных видов взысканий, например административного ареста; профессионально-этической допустимости самой ситуации, когда штрафующий или лишаящий кого-либо водительских прав судья сам окажется оштрафованным или без прав. По их мнению, усложненная процедура данного вида ответственности значительно снижает гарантии независимости судей, поскольку не исключает соответствующего процессуального вмешательства должностных лиц различных государственных органов на предварительной и исполнительной стадиях производства по делу об административном правонарушении и, следовательно, при наличии достаточных оснований и с соблюдением установленных в федеральном законодательстве процедур судья за допущенное им нарушение законов может быть привлечен как к уголовной, так и к иной ответственности¹⁸. Что касается закрепления усложненного механизма ответственности с выходом на Генерального прокурора РФ, данное положение представляется вполне оправданным. Поэтому следует присоединиться к мнению И. В. Калинникова, оценивающего такую сложность как гарантию защиты судьи от незаконного привлечения к административной ответственности¹⁹. Итак, на основании изложенного, можно сделать вывод, что введение такого законодательного ограничения по отношению к правовому статусу судьи, как административная ответственность, выступает лишь дополнительной гарантией обеспечения адекватного, должного и законного поведения судьи, поскольку процедурный механизм ответственности вовсе не умаляет гарантий независимости судей, а лишь оказывает

¹⁷ Цит. по: Адушкин Ю., Жидков В. Дисциплинарная и административная ответственность : за и против // Рос. юстиция. 2008. № 11. С. 25.

¹⁸ См.: Там же. С. 26.

¹⁹ См.: Калинников И. В. Судейская этика : история и современность // Рос. судья. 2006. № 11. С. 17–19.

превентивное дисциплинирующее воздействие на судей уже самим фактом своего введения. Особый усложненный порядок привлечения к ответственности позволяет обеспечивать необходимую степень неприкосновенности и относительную неуязвимость судьи при отправлении правосудия.

Дисциплинарная ответственность. Немаловажное значение и актуальность в настоящее время имеет вопрос привлечения судей Российской Федерации к дисциплинарной ответственности. Согласно российскому законодательству, основанием юридической ответственности является совершение правонарушения²⁰. Конечно, было бы благом, если дисциплинарная ответственность в действующем российском законодательстве судей была бы «урегулирована полно и детально»²¹. В отличие от составов уголовно наказуемых деяний, закрепленных в УК РФ, и составов административных правонарушений, закрепленных в Кодексе об административных правонарушениях, за совершение которых судьи, как и все граждане, несут ответственность с соблюдением особого порядка привлечения к ответственности, дисциплинарные проступки нормативного закрепления не имеют.

Пунктом 1 ст. 12.1 закона о статусе судей установлено, что за совершение дисциплинарного проступка, т.е. виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения этого закона и (или) Кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения либо досрочного прекращения полномочий судьи.

Действующие международно-правовые акты предусматривают, что в случае халатности судьи при исполнении им обязанностей либо поведения, делающего его несоответствующим занимаемой должности, либо когда имеют место дисциплинарные нарушения, могут и должны приниматься все необходимые меры, не наносящие ущерба независимости судебных органов (Европейская хартия о статусе для судей (Лиссабон, 10 июля 1998 г.), Основные принципы независимости судебных органов, одобренные Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146, Рекомендации Совета Европы о независимости, эффективности и роли судей № R (94) 12 от 13 октября 1994 г. и т.д.).

По мнению В. К. Аулова, основаниями дисциплинарной ответственности судей являются совокупность правовых норм и норм Кодекса судейской этики, возлагающих на судей обязанности по соблюдению требований законов, а также интересов статусного сообщества и предусматривающих меры дисциплинарной ответственности, а также процессуальный порядок их применения в случае нарушения указанных предписаний²².

Нарушение судьей норм закона о статусе судей, а также положений Кодекса судейской этики признается дисциплинарным проступком, и выбор между указанными видами дисциплинарной ответственности в случае привлечения судьи к дисциплинарной ответственности не может быть произвольным. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности судьи в виде досрочного прекра-

²⁰ См.: Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2007. С. 632.

²¹ См.: Адушкин Ю., Жидков В. Дисциплинарная и административная ответственность судей : за и против. С. 24–26.

²² См.: Аулов В. К. Правовые проблемы дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации // Рос. судья. 2010. № 2. С. 10–15.

щения полномочий должно быть не любое отступление от требований закона и этических норм, а лишь такое, которое по своему характеру несовместимо с высоким званием судьи, явно противоречит социальному предназначению судебной власти, носителем которой является судья.

В соответствии со ст. 3 закона о статусе судей, формулирующей предъявляемые к судье требования, судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы (п. 1); судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что может умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности (п. 2).

В ст. 4 Кодекса судейской этики, утвержденного высшим органом судейского сообщества – VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., отмечено, что в своей профессиональной деятельности и вне службы судья обязан соблюдать Конституцию РФ, федеральные законы, руководствоваться нормами процессуального законодательства, другими нормативными правовыми актами, а также общепринятыми нормами морали и нравственности, неукоснительно следовать присяге судьи. Кодекс судейской этики устанавливает общие требования, предъявляемые к поведению судьи, и правила поведения судьи при осуществлении профессиональной деятельности.

Исследуя основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности, следует обратить внимание на то, что в законе о статусе судей отсутствуют четко сформулированные основания дисциплинарной ответственности судей, которые необходимо выводить логическим путем из содержания нескольких его статей, и это при том, что дисциплинарной ответственности посвящена отдельная ст. 12.1 этого закона. Статья 8 закона о статусе судей регламентирует принесение судьей присяги. М. О. Сапунова считает, что «нарушение судьей этих обязательств должно являться основанием дисциплинарной ответственности»²³. Кроме того, в ст. 3 закона о статусе судей, содержащей требования, предъявляемые к судье, сформулированы определенные должностные ограничения и запреты. Нарушение судьей хотя бы одного из перечисленных ограничений и запретов должно повлечь наложение дисциплинарного взыскания.

Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и Совет судей РФ неоднократно формулировали свои позиции по вопросам дисциплинарной ответственности судей. В определении Конституционного Суда от 7 июня 2011 г. № 766-О-О указано, что несменяемость и неприкосновенность судьи, будучи элементами его конституционно-правового статуса и одновременно гарантиями самостоятельности и независимости судебной власти, являются не личной привилегией судьи, а средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, и не только не исключают, а предполагают его повышенную ответственность за выполнение им профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики и обуславливают обязанность законодателя урегулировать порядок привлечения судьи к ответственности таким образом, чтобы исключить нарушение принципов независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи²⁴.

²³ Сапунова М. О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 45.

²⁴ По жалобе гражданки Пришвиной Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 766-О-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 29. Ст. 4558.

Конституционный Суд в постановлениях от 28 февраля 2008 г. № 3-П и от 20 июля 2011 г. № 19-П признал, что возможность наложения на судью дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий за совершение им дисциплинарного проступка не противоречит Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу оно предполагает возможность применения данной меры взыскания лишь за совершение такого проступка, который порочит честь и достоинство судьи и является несовместимым со статусом судьи, и лишь на основе принципа соразмерности, что должно гарантироваться независимым статусом органов судейского сообщества, осуществляющих досрочное прекращение полномочий судьи, а также справедливой процедурой рассмотрения соответствующих дел. Конституционный Суд РФ отметил, что ст. 12.1 закона о статусе судей не предполагает привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судейского усмотрения и не допустил при этом грубых нарушений при применении норм материального и процессуального права, делающих невозможным продолжение осуществления им судейских полномочий²⁵.

Большое влияние на современный этап формирования института дисциплинарной ответственности оказало постановление Конституционного Суда от 20 июля 2011 г. № 19-П, в котором определено, что федеральный законодатель вправе установить более широкий перечень видов дисциплинарных санкций, уточнить составы дисциплинарных проступков, а также основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности, которое стало основой для разработки законопроекта, изменившего некоторые положения закона о статусе судей в этой сфере²⁶.

Новое звучание вопрос о совершенствовании института дисциплинарной ответственности приобрел после VIII Всероссийского съезда судей (2012 г.), на котором был вновь поднят вопрос о необходимости совершенствования этого института в целях укрепления независимости судей.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» внесены изменения в правовое регулирование института ответственности судей, и принципиально новым в регулировании дисциплинарной ответственности судей является следующее. Во-первых, в п. 1 ст. 12.1 закона о статусе судей законодательно установлено, что дисциплинарное взыскание может быть наложено только за виновное действие (бездействие). Во-вторых, установлена иерархия дисциплинарных взысканий. Дисциплинарное взыскание в виде замечания может налагаться на судью при малозначительности совершенного им дисциплинарного проступка, если квалификационная коллегия судей придет к выводу о возможности ограничиться устным порицанием действий (бездействия) судьи. Дисциплинарное взыскание в виде предупреждения может налагаться на судью за совершение им дисциплинарного проступка, если квалификационная коллегия судей придет к выводу о невозможности применения к судье дисциплинарного взыскания в виде замечания или если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях

²⁵ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31. Ст. 4809.

²⁶ См.: Там же.

за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений этого закона и (или) Кодекса судейской этики, в том числе за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия, если такое нарушение повлекло искажение принципов судопроизводства, грубое нарушение прав участников процесса, свидетельствует о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлено вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок²⁷. Введение законодательно определенных оснований применения различных видов дисциплинарных взысканий является существенным ограничением произвольного их применения квалификационными коллегиями и, что особенно важно, впервые определены объективно устанавливаемые основания наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Важной новеллой является введение срока давности совершения проступка. Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания теперь не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Процедура привлечения судей к дисциплинарной ответственности укладывается в общую схему дисциплинарного производства: возбуждение дела о проступке, дисциплинарное расследование в виде дополнительной проверки, рассмотрение дела, обжалование и пересмотр решения по делу, исполнение решения.

Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судьи определяется ч. 2 ст. 15 закона о судебной системе, согласно которой полномочия судьи прекращаются или приостанавливаются по решению квалификационной коллегии судей, за исключением случаев прекращения полномочий судьи в связи с истечением их срока или достижения им предельного возраста пребывания в должности судьи, ст. 12.1 закона о статусе судей и главой III «Производство в квалификационных коллегиях судей» (ст. 21–26) закона об органах судейского сообщества. Как отмечено в определении Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 251-О²⁸, специальный порядок рассмотрения дел о прекращении полномочий судьи представителями судейского сообщества обусловлен особым правовым статусом судей. Согласно разъяснению, данному в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27²⁹, эти порядок и основания привлечения судьи к дисциплинарной ответственности распространяются также на судью, полномочия которого прекращены, но который продолжает исполнять обязанности судьи до назначения нового судьи или до окончания рассмотрения по существу дела, начатого с участием

²⁷ См.: *Ермошин Г. Т.* Ответственность судьи. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудрякова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» и статьей 12.1 закона Российской Федерации о статусе судей : определение Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 251-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁹ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 8.

этого судьи. При рассмотрении заявлений об оспаривании решений квалификационная коллегия судей принимает во внимание тяжесть дисциплинарного проступка, степень нарушения прав и законных интересов граждан и организаций, наступившие последствия, данные о профессиональных и моральных качествах судьи и иные обстоятельства.

Как отмечает Г. Т. Ермошин, принятые в 2013 г. изменения не устранили противоречий в правовом регулировании дисциплинарной ответственности между отдельными существенными положениями закона о статусе судей³⁰, и самым значительным недостатком является сохранение положения, по которому судью можно привлечь к дисциплинарной ответственности как за дисциплинарный проступок, совершенный при осуществлении правосудия, так и за проступок, совершенный на работе, но не связанный с осуществлением правосудия, и, наконец, за проступок – действие (бездействие) во внеслужебной деятельности, в результате которого не были нарушены положения закона о статусе судей, но нарушены положения Кодекса судейской этики, который не является правовым актом и не содержит мер общественного корпоративного воздействия на членов судейского сообщества.

Об этом свидетельствует и постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П, в котором отмечено, что «корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются... кодексы, формулируя правила поведения судьи (к примеру, Кодекс судейской этики), не могут исходить из расширительного истолкования составов дисциплинарных проступков, как они определены законом о статусе судей. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом рассматриваются как несовместимые по своему характеру с высоким званием судьи»³¹.

В п. 8 ст. 12.1 закона о статусе судей закреплено, что если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания судья не совершил нового дисциплинарного проступка, то он считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности. Досрочное снятие дисциплинарного взыскания в отношении судей законом о статусе судей не предусмотрено. Г. Т. Ермошин считает, что отнесение к мерам дисциплинарного взыскания досрочное прекращение полномочий судьи (п. 1 ст. 12.1 закона о статусе судей) не согласуется с годовым сроком действия дисциплинарного взыскания³². Вопрос о соотношении закона о статусе судей и трудового законодательства разрешен в ст. 22, согласно которой законодательство РФ о труде распространяется на судей в части, не урегулированной законом о статусе судей. В настоящее время Верховный Суд РФ исходит из того, что нормы трудового законодательства в силу ст. 22 закона о статусе судей не применимы при привлечении судей к дисциплинарной ответственности³³.

Но, несмотря на это, на наш взгляд, явно недостаточна нормативная регламентация понятий «правонарушение», «дисциплинарный проступок» для объективно-

³⁰ См.: Ермошин Г. Т. Ответственность судьи.

³¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белюсовой, Г. И. Зиминой, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой : постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 3.

³² См.: Ермошин Г. Т. Ответственность судьи.

³³ См.: Борисов А. Н. Комментарий к Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный). М., 2008. С. 103–107.

го решения вопроса о привлечении судьи к ответственности. Не восполняет также пробела в обычном понимании нормативного регулирования ответственности и закрепление в ст. 3 «Требования, предъявляемые к судье» закона о статусе судей некоторых запретов и стандартов должного поведения, а также указание в его ч. 5 ст. 8.1 о том, что судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в случае непредставления сведений или недостоверности сведений о доходах. Отсутствие подробного закрепления в нормах права «состава правонарушения» как основания обсуждаемого вида ответственности судей не только влечет несправедливое, неравное применение мер к отдельным судьям, но и снижает уровень их независимости, тем самым снижая уровень судебной защиты конституционных прав граждан³⁴.

В свою очередь, председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин публично внес конкретные предложения, и в докладе «Освободительные реформы и правовая модернизация России» он призвал «для обеспечения баланса между независимостью и ответственностью судей разработать и внедрить критерии привлечения к дисциплинарной ответственности. В частности, дополнить существующие виды дисциплинарных взысканий такими, как понижение квалификационного класса судьи, лишение премии или понижение зарплаты на какой-либо период»³⁵.

Вместе с тем досрочное прекращение полномочий судьи за совершение проступка отдельные ученые не рассматривают как вид дисциплинарной ответственности, считая такую ответственность конституционно-правовой³⁶. И это не случайно, поскольку судья имеет особый статус. Библейское выражение «кому много дано, с того много и спросится» в законодательстве закреплено в особом статусе судьи, предполагающем и его особую, повышенную ответственность.

Согласно п. 7 ст. 12.1 закона о статусе судей принятое квалификационной коллегией судей решение о наложении на судью, за исключением судьи Конституционного Суда, дисциплинарного взыскания может быть обжаловано в суд в порядке, установленном федеральным законом. Решение квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи может быть обжаловано в Дисциплинарную коллегию Верховного Суда РФ³⁷, которая с 6 августа 2014 г. начала рассматривать дела по жалобам на решения Высшей квалификационной коллегии судей и Квалификационной коллегии судей субъектов РФ о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков и по обращениям Председателя Верховного Суда РФ о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков в случаях, если Высшей квалификационной коллегией судей или Квалификационной коллегией судей субъектов РФ отказано в удовлетворении представлений председателей федеральных судов о прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков; по жалобам на решения о наложении дисциплинарных взысканий на судей и по жалобам на решения Высшей квалификационной коллегии судей о результатах квалификационной аттестации судей.

³⁴ См.: *Кудашев Ш. А.* Ответственность судей : необходимость нормативной регламентации // *Мировой судья*. 2014. № 12. С. 4–8.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: *Клеандров М. И.* Статус судьи : правовой и смежные компоненты... С. 160 ; *Кондрашев А. А.* Конституционно-правовая ответственность судей в Российской Федерации : перспективы законодательных решений // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 10. С. 37.

³⁷ О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституционный закон от 5 февраля 2014 г. // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014. № 6. Ст. 550.

В связи с этим необходим четко установленный определенный организационно-правовой механизм производства, связанный с дисциплинарной ответственностью судьи, определением критериев, позволяющих отделить признаки дисциплинарного проступка судьи, которые должны повлечь его соответствующую дисциплинарную ответственность, от тех признаков, за которые он не может быть привлечен к какой-либо иной ответственности без решения суда. Введение более мягких форм воздействия профилактического характера, направленных на укрепление дисциплины (понижение классного чина судьи, лишение премии или понижение зарплаты на какой-либо период), позволит материально воздействовать на привлекаемого к дисциплинарной ответственности судью.

А. А. Кондрашев предлагает совершенствовать механизм привлечения судьи к ответственности, исключив из числа мер дисциплинарной ответственности досрочное прекращение полномочий судьи. Меры дисциплинарной ответственности применяются органами судейского сообщества и выполняют, прежде всего, функцию предупреждения совершения серьезных правонарушений судьями, достаточных для признания работы судьи подрывающей высокий авторитет судебной власти в целом. Лишение же полномочий должно стать исключительным средством правового воздействия на судью, которое смогут применять независимые от судебной власти органы – представительные органы государственной власти³⁸, и должно влечь за собой привлечение судей к **конституционной ответственности**. Основанием для нее должно служить виновное совершение судьей конституционного деликта, а правовым последствием – приостановление или прекращение его полномочий³⁹.

Часть 2 ст. 128 Конституция РФ устанавливает основы конституционной ответственности судьи, конкретные основания и порядок привлечения к которой регламентируются федеральным законом. Особенности правоотношений, связанных с оценкой поступков и деятельности, не совместимых с должностью судьи, позорящих его честь и достоинство или умаляющих авторитет судебной власти, определяют и особенности процедуры отрешения судьи от должности, предусматривающие ряд прав судьи, в отношении которого начато производство: право знакомиться с имеющимися в ККС материалами и представить свои возражения и замечания; право быть своевременно извещенным о времени и месте проведения заседания коллегии; право письменно обратиться в коллегию с просьбой об ознакомлении с протоколом заседания коллегии, ознакомиться с ним и подать свои замечания, которые подлежат приобщению к протоколу; право обжаловать решение коллегии в суд (ст. 21, 24 и 26 закона об органах судейского сообщества)⁴⁰.

Кроме того, прекращение полномочий судьи ввиду нарушения порядка его назначения на должность можно рассматривать как меру конституционной ответственности судьи лишь в случае установления в судебном порядке факта представления им заведомо ложных сведений и поддельных документов. В противном случае в действиях субъекта отсутствует состав конституционного деликта. При этом следует помнить, что ретроспективная ответственность представляет собой след-

³⁸ См.: Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность судей в Российской Федерации : перспективы законодательных решений // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 37.

³⁹ См.: Сапунова М. О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации : теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁴⁰ См.: Клеандров М. И. Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 1–8.

ствие совершенного правонарушения, неисполнения обязанности императивного характера.

Приостановление полномочий судьи, в отношении которого возбуждено уголовное дело либо он привлечен в качестве обвиняемого по другому уголовному делу, является мерой государственного принуждения, но не санкцией. Указанная мера не содержит итоговой правовой оценки деяния и носит временный характер. Приостановление полномочий судьи не влечет за собой приостановления выплаты этому судье заработной платы и не лишает его гарантий, установленных законом. Представляется очевидным, что прекращение уголовного преследования судьи влечет восстановление его полномочий, т.е. примененная ранее мера принуждения отменяется. Вступление же в законную силу обвинительного приговора в отношении судьи повлечет применение к нему конституционной санкции в виде прекращения его полномочий⁴¹.

Глубокий анализ содержания и сущности дисциплинарной ответственности позволил М. И. Клеандрову прийти к выводу о необходимости принципиального отказа от отождествления дисциплинарного и этического проступков судьи и, соответственно, от отождествления дисциплинарной и этической ответственности за совершение того или иного проступка⁴². С этим мнением действительно следует согласиться. Заслуживает одобрения и разработанный М. И. Клеандровым механизм этической ответственности судьи и перечень мер этической ответственности за совершение судьей этического проступка⁴³. Однако вызывает возражение предложение «законодательно легализовать само понятие этической ответственности судьи. Для этого достаточно внести в закон о статусе судей дополнительную ст. 12.2 – по опыту введения в этот закон ст. 12.1 о дисциплинарной ответственности судей. Тем самым, кстати, будет прекращено отождествление дисциплинарной и этической ответственности судьи. И в ст. 12.2 следует указать, что этическая ответственность судей наступает за нарушение и/или неисполнение требований Кодекса судейской этики. По сути, это и будет формула этической ответственности судьи...»⁴⁴.

Думается, что этическая ответственность не может рассматриваться в качестве вида правовой ответственности, это – вид моральной ответственности. Поэтому законодательно закреплять эту ответственность в законе о статусе судей не следует, а внести соответствующие изменения в Кодекс судейской этики необходимо.

⁴¹ См.: Сапунова М. О. Юридическая ответственность судей в Российской Федерации : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 145.

⁴² См.: Клеандров М. И. О механизме этической ответственности судей в Российской Федерации // Рос. правосудие. 2015. № 12 (116). С. 5–21.

⁴³ См.: Там же. С. 15–21.

⁴⁴ Клеандров М. И. О механизме этической ответственности судей в Российской Федерации. С. 20.

Воронежский государственный университет

Ефанова В. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

Voronezh State University

Efanova V. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department
E-mail: valefan58@mail.ru

УДК 347.97/99

Ю. А. Иванов

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И СУДОПРОИЗВОДСТВО ЮЖНЫХ СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА

Рассмотрены уголовно-правовые нормы, вопросы эволюции организации судебной власти и судопроизводства южных славян в период Средневековья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Болгария, Сербия, Босния, Хорватия, славяне, суд, судопроизводство, ответственность, преступление, наказание.

CRIMINAL LAW AND PROCEEDINGS OF THE SOUTH SLAVS IN THE MIDDLE AGES

The article deals with the criminal law, the evolution of the organization of the judiciary and the justice of the South Slavs during the High Middle-Ages

К е у w o r d s: Bulgaria, Serbia, Bosnia, the Slavs, the court proceedings, liability, crime, punishment.

Поступила в редакцию 22 июля 2016 г.

Наиболее разработанными нормами феодального права у южнославянских народов являлись уголовно-правовые нормы. Так, например, в Законнике Стефана Душана¹ они занимают около трети всех статей и касаются преимущественно религиозных и государственных преступлений, а также преступлений против собственности, семьи и личности.

Характерной особенностью средневекового права вообще и южнославянского права в частности являлось то, что субъектами преступления могли считаться не только люди, но и животные (статья «Закона Судного Людем»², озаглавленная «О псе»), а также злые духи-бесы, вызванные при помощи колдовских чар (ст. 20 титула XVIII славянской «Эклоги»³). Очень часто южнославянское средневековое право предусматривало коллективную ответственность целой группы лиц. Согласно ст. 1 «Закона Судного Людем» (краткая редакция) село, в котором совершались

¹ Законник Стефана Душана был принят в 1349 г. на феодальном соборе в Скопье и состоял из 135 статей. Остальные статьи (до 201) были дополнены на соборе в 1353–1354 гг. Подлинная рукопись данного источника не сохранилась. Еще в XIX в. высказывалось предположение, что Законник – всего лишь часть так называемого кодекса Стефана Душана, в который также входили несколько византийских правовых сборников.

² Закон Судный Людем был составлен в княжение Бориса вскоре после принятия болгарями в 865 г. христианства. Подлинный текст Закона не сохранился до наших дней. Этот закон известен по различным его спискам, имеющимся в двух редакциях – краткой (32 ст.) и пространной (77 ст.).

³ Эклога, Земледельческий закон, Номоканон, переведенные на славянский язык Мефодием (Кормчая книга), стали действующим законом болгар и сербов на весь период Средневековья.

© Иванов Ю. А., 2016

языческие обряды и заклинания, должно быть отдано божьему храму со всем его имуществом. Еще более ярко принцип коллективной ответственности отражен в ст. 145 «Законника Стефана Душана»: «...В каком селе будет обнаружен вор или разбойник, то село пусть будет разграблено, а разбойник повешен головой вниз, вор же ослеплен, а господин того села – приведен связанным к моему царскому величеству и платит за все, что с самого начала причинил разбойник или вор, и, кроме того, наказан как вор и разбойник».

В период развитого Средневековья в южнославянской правовой системе появилось разграничение умышленного и неосторожного деяния при определении уголовной вины. Как правило, это разграничение осуществлялось при помощи внешних признаков. Так, согласно ст. 7 титула XVII славянской «Эклоги», если смерть наступила в драке, судьи должны были руководствоваться результатами обследования оружия. За смерть от большой дубины, камней или ударов ногами следовало отсечение руки, в случае причинения смерти более легкими орудиями виновного избивали и заключали в тюрьму.

Государственные преступления квалифицировались еще до принятия христианства, о чем свидетельствуют «Ответы папы Николая I на вопросы болгар о религии, быте и обычаях дохристианской Болгарии»⁴. В период укрепления феодального государства у южнославянских народов на первое место по тяжести вышли преступления против царя, измена, разбой, посрамление судей, фальшивомонетничество и другие, за которые следовали самые суровые наказания. Так, по ст. 169 «Законника Стефана Душана» за незаконную чеканку монет полагалась смертная казнь путем сожжения и разграбление села, в котором жил и работал фальшивомонетчик.

Среди преступлений против веры, предусмотренных средневековыми южнославянскими источниками, особо выделялись переход в другую веру и возвращение в язычество, ересь, соvrащение от христианства и др.

Преступления против личности разделялись на посягательство на жизнь, здоровье и честь человека. Уже в раннем Средневековье у южнославянских народов появилось правовое представление о квалифицированном убийстве, прежде всего родственников, и влияние социальной принадлежности преступника на определение его вины и степени ответственности.

Особняком стояли в южнославянском уголовном праве преступления против морали, в частности половые преступления – изнасилование, обольщение, кровосмешение, прелюбодеяния, которые рассматривались не только как посягательства на здоровье и честь человека, но и как нарушения церковных установлений.

Из преступлений против собственности прежде всего стали регламентировать последствия кражи. Данные об уголовных наказаниях за кражу содержатся уже в законодательстве Крума⁵. Впоследствии южнославянское право вслед за византийским разработало целую систему регламентации различных видов хищения. В ряду преступлений, повлекших за собой повреждение чужого имущества, особое внимание законодателя привлекал поджог, за который, как правило, следовало

⁴ Сохранились ответы папы Николая I на 115 вопросов князя Бориса (60-е гг. IX в.), содержавшие разъяснения по исповеданию христианской веры, новой морали и правил поведения в общественной и частной жизни.

⁵ Законы Крума – древнейший памятник права IX в., предписываемый болгарскому хану Круму.

тяжкое наказание (ст. 29 титула XVI славянской «Эклоги», ст. 64 и 65 «Земледельческого закона», ст. 15 «Закона Судного Людем»).

В период раннего феодализма у южнославянских народов параллельно существовали системы частной мести – талиона, выкупа и установленные государством наказания. На долгое сохранение принципа талиона и его взаимодополняемость с принципом выкупа указывает статья «Закона Судного Людем», озаглавленная «О вражде» («Об убийстве»): «Если кто-либо совершит убийство, то, согласно повелению пророка и законодателя Моисея, рука идет за руку, око за око и голова за голову, а тот, кто откупится, должен быть изгнан с этой земли».

По мере развития южнославянских государств, принятия христианства южными славянами и заимствования византийского права талиона и выкуп постепенно вытеснялись системой регламентированных государством наказаний. Из норм римского права были заимствованы два института, которые содействовали утверждению государственного правосудия.

Во-первых, было заимствовано правило, что у собственника должны изыматься вещи, которые он вернул себе в результате самоуправных действий: «Если кто-либо спорит с кем-либо и при этом не обращается к властям, а своевольно или с помощью какой-либо другой силы налагает руку и отнимает что бы то ни было, то в том случае, если он сделал это, добиваясь того, что действительно принадлежит ему, он должен быть лишен своей вещи, и вещь должна быть возвращена обратно; если же он отнял чужую вещь, он должен быть подвергнут местным правителем избиению за то, что не подчинился властям и стал сам себе защитником» (ст. 5 титула XVII «Эклоги»).

Во-вторых, был нанесен удар по самосуду в сфере уголовного права. Борьба с самосудом связывалась с властью и прерогативами церкви. Закреплялось право убежища (ст. 1 титула XVII «Эклоги»), когда преступник или подозреваемый в совершении какого-либо преступления прибегал к защите церкви, попросив убежища в церковной или монастырской усадьбе. При этом применять силу с целью его задержания в убежище запрещалось. Потерпевший и его близкие должны были обратиться к священнику с требованием выдачи виновного для законного расследования преступления.

В пользу повсеместного использования указанной правовой нормы в судебной практике южнославянских народов говорится в ст. 16 «Закона Судного Людем»: «Никто не должен насильно (забрать) прибежавшего в церковь, но беглец должен рассказать священнику о деле и о проступке, совершенном им; священник должен укрывать его как беглеца до тех пор, пока не установят в соответствии с законом и не расследуют обвинения против него; если же кто-либо попытается насильно забрать из церкви укрывшегося там, кем бы он ни был, то такой человек должен получить 140 ран (ударов), и затем, как подобает, надо расследовать обвинения против укрывшегося (в церкви)».

Указанные выше санкции за самоуправное изъятие вещи, выразившиеся в лишении права собственности на эту вещь, а также законодательное закрепление права убежища значительно ограничили применение самосуда и талиона, но не ликвидировали их полностью. Поэтому пространная редакция «Закона Судного Людем», включая нормы «Эклоги» о праве убежища и лишении права собственности виновного в самоуправстве, воспроизводит наряду с этим в статье «О вражде» и правило Моисея «око за око, зуб за зуб».

Смертная казнь предусматривалась за преступления против государственной власти и против жизни царя (славянская «Эклога», титул XVI, ст. 3), за пре-

ступления против религии – ересь (славянская «Эклога», титул XVI, ст. 36), за умышленный поджог («Закон Судный Людем», ст. 15), за умышленное убийство (славянская «Эклога», титул XVI, ст. 4), за кражу, совершенную рабом («Земледельческий закон», ст. 47 и 48), и др. В период развитого Средневековья квалифицированная казнь применялась в отношении наиболее тяжких преступлений, например сожжение за убийство близкого родственника (ст. 96 «Законника Стефана Душана»).

О членовредительских наказаниях упоминается еще в «Законах Крума», согласно которым кража наказывалась переломом берцовых костей. С принятием христианства наказания этой категории получили свое полное развитие, в чем также прослеживалось сильное византийское влияние. Характерным при этом являлось стремление обратить наказание против той части человеческого тела, с помощью которой было совершено преступление. В других случаях наказание выбиралось таким образом, чтобы оно помешало в будущем осуществлению такого же преступления. Так, повторная кража согласно славянской «Эклогe» (ст. 34 титула XVI) наказывалась отсечением руки, а бегство крепостного крестьянина по «Законнику Стефана Душана» (ст. 205) – клеймением.

К позорящим наказаниям относились порка, например в отношении немущего обольстителя (ст. 8 «Закона Судного Людем»), острижение волос и др. Иногда позорящие наказания носили дополнительный характер.

Средневековое южнославянское право в качестве наказания знало и штраф – глобу, который применялся как самостоятельно, так и в сочетании с другими наказаниями. Глоба носила подчас характер смягчения основного наказания, исходя из социального статуса обвиняемого. Например, согласно ст. 94 «Законника Стефана Душана» властель, убивший серба – свободного человека незнатного происхождения, платил штраф, равный 1000 перперам (золотым монетам), но серб, убивший властеля, наказывался помимо штрафа в 300 перперов (цена 25 жеребцов), отрубанием обеих рук.

В период зрелого Средневековья все большее распространение получает наказание посредством заключения в тюрьму, однако на остававшуюся долгое время несовершенство этого вида наказания указывает ст. 112 «Законника Стефана Душана», которая гласила: «Кто, – будь то мой царский человек, церковный или властельский, – убежит из темницы, пусть будет свободен со всем тем, с чем придет».

Сурово по южнославянскому феодальному праву наказывались случаи повторного или многократного совершения одного и того же преступления – рецидив. Согласно «Закону Судному Людем» (ст. 26), укравший чужой скот впервые наказывался поркой, во второй раз – изгнанием из данной местности, в третий раз – продажей в рабство.

Наряду со светскими наказаниями широко применялись наказания церковные – эпитимии, которые разделялись на две категории. К первой относились: лишение духовного сана, временное запрещение совершать богослужение, временное помещение в монастырь, порицание. Вторая категория включала в себя эпитимии для мирян: установление многогодичного поста и покаяния, недопущение виновного слушать православную литургию и т.д. Вероятно, эпитимии находились в неопределенном соотношении со светскими наказаниями. Они могли дополнять или заменять светские наказания. Возможно, вопрос о применении того или иного вида наказаний зависел от судебной компетенции – светской или церковной.

Элементы судопроизводства формировались у южных славян в рамках правового обычая. В раннее Средневековье действовал институт добровольного примирения, когда кровная месть со стороны близких потерпевшего лица приостанавливалась благодаря компенсации причиненного ущерба виновной стороной.

С утверждением феодальных отношений постепенно происходило утверждение государственного правосудия. Если в «Законе Судном Людем» говорилось только о князе и судье как о лицах, осуществлявших правосудие: «В любом споре, тяжбе и обвинении князь и судья не должны судить без свидетелей...» (ст. 2), то нормы «Законника Стефана Душана», относившегося к периоду расцвета феодальных отношений в Сербии, свидетельствовали, что полномочия судебной власти в рассматриваемый период были достаточно обширными.

В период зрелого феодализма судебное устройство в южнославянских государствах имело трехчленную структуру: государственный, господский и церковный суды. К государственным судам относился прежде всего царский суд, который был компетентен рассматривать дела, где в качестве ответчиков и истцов выступали все подданные, начиная от зависимых крестьян (меропхов) и заканчивая высшими должностными лицами государства. Суд государя рассматривал дела о преступлениях, совершенных на дворе «кряля», иски и обвинения против властей, принадлежавших ко двору государя, споры, которые обе стороны выносили на разрешение суда «кряля» (ст. 177, 179 «Законника Стефана Душана»).

Государственные суды рассматривали наиболее опасные преступления – убийство, разбой, хищения, совершенные группой лиц независимо от подсудности их исполнителей феодальным или церковным судам (ст. 103 «Законника Стефана Душана»).

Окружной судья королевского суда в Сербии был вправе рассматривать дела даже в отношении высших королевских сановников: «Если совершится преступление (при дворе), пусть судится им; если же случайно явятся тяжущиеся ко двору моего царского величества, да рассудит их придворный судья, но никто да не вызывается на двор моего царского величества помимо окружных судей, которых поставило мое царское величество, но да идет всякий к своему (окружному) судье» (ст. 177 «Законника Стефана Душана»).

Помимо царского суда существовали также областные, в основном разъездные суды, полномочия которых распространялись на сельскую местность, а также городские суды, подчинявшиеся главе администрации города – царского чиновника.

Суды феодалов-господ рассматривали дела по обвинению лично зависимых от них или крепостных крестьян на основе судебного иммунитета в соответствии с царским хрисовулом.

Церковный суд у южных славян сохранял традиционные для зрелого Средневековья дуалистические черты. С одной стороны, он рассматривал дела о церковных или религиозных нарушениях, с другой – осуществлял разбирательство на основе иммунитета по светским делам.

Судебный процесс в южнославянской правовой системе на протяжении раннего и развитого Средневековья постепенно претерпевал эволюцию от состязательности, характерной для устойчивых общинных отношений, к инквизиционному розыску – атрибуту феодального монархического государства.

То, что в средневековой Сербии судебный процесс имел состязательный характер, подтверждается ст. 163 «Законника Стефана Душана»: «На суде, когда судятся

и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи (уличая его) в измене или в ином каком деле, но только да отвечает ему...».

В то же время процесс, регламентирующий рассмотрение тяжких уголовных преступлений, был инквизиционным по характеру. В центре судебного разбирательства находился установленный виновник совершенного преступления (ст. 146, 147 и 151 «Законника Стефана Душана»). Так, ст. 151 «О разбойнике и воре» Законника гласит: «Указанным образом да будет наказан явный разбойник и вор, и таково (их) уличение: если у них найдется что-либо поличное или если схватят их на разбое или воровстве, то да предадут их или жупе, или селам, или господам, или властелю, который над ними, как написано выше; такие разбойники и воры да не будут помилованы, да будут ослеплены и повешены».

Стороны судебного разбирательства в болгарском средневековом праве назывались «соупърници» и «клеветьници». Вероятно, в первом случае речь шла о равноправных участниках, обратившихся к суду для разрешения спора, а во втором – об истцах и обвинителях. Помимо этого, в «Законе Судном Людем» встречается также термин «шъпотници» – доносчики. В древнем славянском судебном процессе стороной являлось не отдельное лицо, а целая группа лиц, которая приходила в суд обвинять или оправдываться. В нее, как правило, входили родные, близкие, сообщники истца или ответчика.

С развитием инквизиционного процесса, а также по мере разложения общины в качестве сторон судебного разбирательства стали все чаще выступать отдельные физические лица.

Институт процессуального представительства, существовавший у южных славян в период Средневековья, трактуется по-разному. Одни ученые считают, что он стал показателем дальнейшего развития феодального судебного процесса, другие убеждены в том, что речь идет лишь о пережитках задружных порядков. Согласно ст. 65 «Законника Стефана Душана», братья, жившие в одной задруге, имели возможность представлять интересы друг друга в суде, ст. 72 «Законника» предусматривает назначение процессуального представителя вдовы, который защищал бы ее интересы в суде.

С развитием государственных органов власти и судебной системы вызов сторон стал осуществляться специальными должностными лицами – «приставами», о чем свидетельствует целый ряд статей «Законника Стефана Душана» (ст. 55, 61, 104), тогда как ранее участие сторон в процессе было менее регламентировано и принуждено. Боляре (властели) вызывались специальной повесткой, в которой была указана цель их явки в суд, остальные должны были явиться на разбирательство после предъявления судебской печати (ст. 61 «Законника Стефана Душана»). Кроме того, властель вызывался в суд в подходящее для него время (ст. 55 «Законника Стефана Душана»), что не распространялось на другие категории населения.

Наиболее важным доказательством в судебном процессе во времена язычества, вероятно, являлось признание, причем оно могло осуществляться не только добровольно, но и принудительно. Судья бил обвиняемого бичом по голове до тех пор, «пока не выведает от него истины» («Из ответов папы Николая I на вопросы болгар о религии, быте и обычаях дохристианской Болгарии», вопрос 86).

Важнейшим видом доказательства и в средневековой Сербии было собственное признание. Причем суд принимал к рассмотрению только добровольно сделанные признания отвечающей в суде стороны. Об этом свидетельствует ст. 10

Закона Винодольского⁶: «Когда разбирается дело по татьбе из мощуны (хлева) или по содержанию хлеба, стоящего на поле в копнах, или по краже сена из стога ночью, по такому преступлению обвиняемый должен присягнуть сам (т.е. подтвердить свои показания)».

В числе традиционно славянских процессуальных форм отыскания виновного лица «Законник Стефана Душана», как и «Русская Правда», предусматривает «гонение следа» и «свод», связанный с институтом свидетелей. Суть этого института состояла в том, что если у какого-либо лица находили украденную вещь, то оно было обязано указать истцу, от кого была получена эта вещь. Передавший вещь, в свою очередь, должен был указать лицо, от которого он ее получил, и так до тех пор, пока не дойдут до лица, которое не сможет указать источник получения данной вещи. Лицо, не давшее четких разъяснений представителям дознания, считалось вором и уплачивало штраф, за исключением случаев, когда оно с помощью «поротников» могло доказать, что купило данную вещь за границей или на базаре.

По мере развития процессуального права у южных славян главным судебным доказательством стали свидетельские показания. «Прежде всего, – говорится в ст. 7 «Закона Судного Людем», – во всяком процессе князь и судья должны с полным вниманием и терпением производить расследование и не судить без свидетелей...». При этом «Закон» требует, чтобы свидетелей было много (ст. 2). Судья должен был напоминать сторонам, что если они не представят свидетелей, то их ждет такое же наказание, которого они требуют для своих противников. Правовые источники славянского развитого Средневековья требуют, чтобы свидетели давали показания на основании своих непосредственных восприятий, а не по слухам (славянская «Эклога», титул XVI, ст. 2; «Закон Судный Людем», ст. 20). Запрещалось свидетельствование лиц, которые имели личные взаимоотношения со сторонами в процессе – родители, дети, рабы, освобожденные и др. (славянская «Эклога», титул XVI, ст. 1). Согласно «Закону Судному Людем», в качестве свидетелей не могли выступать те, кто был уличен во лжи, те, кто преступил Божий закон, а также те, кто ведет «скотский» (предсудительный) образ жизни.

Своеобразной южнославянской формой свидетельских показаний, о которой до сих пор ведется немало споров, являлось соприсяжничество или поротничество. Соприисяжники, или поротники, – это люди, пользовавшиеся доброй славой и доверием суда, которые должны были клятвенно подтвердить определенные, имеющие значение для суда факты. Их заявления были решающими для исхода процесса, поэтому за ложную клятву поротники несли высокую ответственность – 1000 перперов штрафа, лишение права быть в будущем поротниками, запрещение вступать в брак («Законник Стефана Душана», ст. 156). Сербский «Законник» предусматривает, что по большим делам должно быть 24 поротника, по менее значительным – 12, а по мелким делам – всего 6 (ст. 153).

Клятва в качестве судебного доказательства продолжала существовать у славянских народов на протяжении всего периода Средневековья. Существовала специально выработанная процедура клятвоприношения, которая в языческую эпоху регламентировалась нормами обычного права. Так, болгары клялись над мечом, доказывая свою правду в суде. После принятия христианства клятвоприноситель призывал в свидетели Бога, что он не совершал преступления, которое ему приписывают, что он не должен того, что от него требуют, и т.д. Этого было достаточно для освобождения от ответственности. Наказание за ложную клятву – от-

⁶ Закон Винодольского был составлен в 1288 г. в Сербии и записан на хорватском языке.

резание языка – не было предусмотрено в южнославянских правовых источниках, несмотря на наличие соответствующих норм в византийском законодательстве. Например, лжесвидетельство на суде подпадало под действие ст. 167 «О мошенничестве» «Законника Стефана Душана», в соответствии с которой за обман, ложь и клятву наказывали как за воровство и разбой, т.е. правонарушителя ослепляли и вешали.

Одним из видов судебных доказательств у южных славян являлся Божий суд, или ордалия. Правда, отношение к нему было неоднозначное. Так, уже в XIII в. духовенство Охридской архиепископии называло Божий суд варварским и диким средством, чуждым системе византийского права. По-видимому, самым распространенным типом южнославянской ордалии было испытание железом, при котором обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо и переносить его на определенное расстояние от дверей церкви до церковного алтаря (ст. 152 «Законника Стефана Душана»). Если при этом он не получал больших ожогов и раны заживали быстро, то предполагалось, что он не виновен. Ордалия осуществлялась и с помощью воды. В одних случаях обвиняемого заставляли достать из кипятка какой-либо предмет, в других – самого заподозренного бросали в омут. Анализ последствий испытания кипятком был аналогичен анализу результатов испытания железом, что касается бросания в реку, то невиновным считался утонувший, так как вода, как чистая стихия, не принимает виновного.

Рассмотрение дела велось, как правило, гласно и устно, но судья должен был не только вести протокол судебного заседания и письменно формулировать свое решение, но и выдавать решение суда сторонам (ст. 165 «Законник Стефана Душана»).

Вынесению решения сербского средневекового суда предшествовали устные объяснения сторон, обосновывавшие предмет своего иска и возражения против него.

О форме документа, в которую облакалось судебное решение, нет достоверных данных. Нет также и сведений об институте обжалования судебного решения и приговора.

Судебные решения и приговоры исполнялись специальными судебными лицами – «приставами» (ст. 91, 107, 108 «Законника Стефана Душана») и глобарями, взимавшими штрафы и следившими за выполнением решений или приговоров суда (ст. 183 «Законника»). Так, в ст. 157 «О приставах» «Законника Стефана Душана» говорится, что «пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат (у себя) копии тех грамот, какие дали приставам, которые послали, чтобы они исполняли (судебные приговоры) по земле царской. Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую (у себя) имеют, то они правы; если же окажется, что они переиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык».

Кроме должностных лиц, исполнявших решения королевских судов, имелись и судебные исполнители церковных судов. Анализ статей законов сербских и болгарских государей свидетельствует, что королевские чиновники не могли выполнять свои функции в отношении церковных людей, живших на землях, передан-

ных в собственность монастырей. Так, ст. 35 «О суде церковных людей» «Законник Стефана Душана» гласит: «Церковные люди во всякой тяжбе да судятся перед своими митрополитами и перед епископами, и игуменами; если будут оба человека одной церкви, да судятся перед своей церковью». Следовательно, судопроизводство у южнославянских народов в Средневековье осуществлялось органами как светского, так и церковного феодального суда.

Таким образом, анализ источников права южнославянских народов свидетельствует о том, что уже в период Средневековья у них начинается процесс становления основ судоустройства и судопроизводства как механизма ветви судебной власти.

Воронежский государственный университет

Иванов Ю. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Voronezh State University

*Ivanov Yu. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: ivanov@law.vsu.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ (ОТ ТЕМНЫХ ВЕКОВ ДО ПОЗДНЕЙ АРХАИКИ)

Рассматриваются вопросы становления и развития судебных институтов Древней Греции от периода темных веков до периода поздней архаики. Показаны важнейшие принципы суда, упоминаемые в произведениях Гомера и Гесиода. Анализируются основные изменения в вопросах судопроизводства в некоторых греческих полисах в VII–VI вв. до н.э.

К л ю ч е в ы е с л о в а: базилевс, старейшина, общественный контроль, законодательство, кодификация, судопроизводство, суд в Древней Греции.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF JUDICIAL INSTITUTIONS IN ANCIENT GREECE (FROM THE DARK AGES TO THE LATE ARCHAIC)

The problems of formation and development of judicial institutions of Ancient Greece from the period of the Dark Ages to the late Archaic period. Showing the most important principles of the court referred to in the works of Homer and Hesiod. Analyzes the main changes in the matters of justice in some Greek city in the VII–VI centuries. BC.

К е у w o r d s: Basileus, Elder, public control, legislation, codification, legal proceedings, the court in ancient Greece.

Поступила в редакцию 3 августа 2016 г.

Судопроизводство является важнейшей частью общественной жизни. Развиваясь, общество отказывается от древнейшей формы урегулирования конфликтов – самосуда, передавая разрешение споров компетентным органам или должностным лицам. Судопроизводство является тем показателем, который позволяет сделать выводы о состоянии того либо иного государства, того или иного общества.

Становление демократии неминуемо ведет к демократизации судебной процедуры. Здесь особенно показателен опыт Древней Греции, где за длительный период развития государственности происходила смена различных моделей суда – от единоначалия до коллегиальности, от судей – царей-аристократов к истинно народному суду. Причем суд может считаться институтом более древним, чем писаное законодательство: «...Суд как инструмент разрешения возникающих в обществе конфликтов возник, как известно, задолго до того, как появились первые писанные законы. В период ранней архаики судопроизводство опиралось не на закон, а на неписанные нормы обычного права»¹.

Уже в поэмах Гомера содержатся упоминания о судопроизводстве. Поэт изображает несколько способов улаживания конфликтов – от судебного разбирательства до внесудебных способов (переговоры, расправа), что, видимо, отражает положение дел в этой сфере в конце IX – первой половине VIII в. до н.э.² В произ-

¹ Пальцева Л. А. Суд у Гомера и Гесиода // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2002. С. 22.

² См.: Пальцева Л. А. Судебные институты архаической Греции // Там же. СПб., 2008. Вып. 7. С. 86, 90.

ведениях Гомера мы видим отношение к судебным полномочиям царей как одной из самых важнейших функций: «Отправление правосудия считалось важной и священной обязанностью царя, которая преимущественно могла снискать ему любовь и уважение народа. По понятиям Одиссея, нет славы выше славы царя, чинящего справедливый суд и защищающего своих подданных от насилий и произвола; где властвует такой царь, там поля приносят богатую жатву, деревья гнутся под тяжестью плодов, стада размножаются, море изобилует рыбою и народ благоденствует; ибо справедливый царь исполняет волю богов и тем заслуживает их милость. Напротив, за несправедливость гнев Зевса обрушивается на виновных»³. В «Иллиаде» при описании щита Ахилла Гомер показывает нам и коллегиальный судебный орган в виде судей-старейшин, причем суд имеет открытый характер, он проходит в окружении народа, который криками пытается поддержать своего:

Множество граждан толпилось на площади города. Тяжба
Там меж двоих из-за пени была за убитого мужа.
Клялся один пред народом, что все уже отдал другому,
Тот отрицал, чтоб хоть что получил от убийцы в уплату.
Оба они обратились к судье за решением дела.
Криками каждый кругом своему приходил на поддержку.
Вестники их успокоить старались. На тесаных камнях
В круге священном сидели старейшины рядом друг с другом.
В руку жезлы принимали от вестников звонкоголосых,
Быстро вставали и суд свой один за другим изрекали.

(*Гомер. Ил., XVIII, с. 497–506; пер. В. В. Вересаева*)

Из приведенного отрывка напрашивается вывод, что в гомеровский период дела об убийстве еще находились вне юрисдикции государства и считались личным делом потерпевшего или его родственников. Вероятно, стороны уже договорились о денежной компенсации за убийство⁴, и дело стало иметь имущественный характер – о выплате той самой компенсации. Налицо и другие несовершенства судебной процедуры: отсутствует опрос свидетелей, которые криками пытаются склонить судью на свою сторону; в качестве одного из доказательств рассматривается клятва, а сам суд мало напоминает особую, упорядоченную процедуру, приобретает характер, когда необходимо вмешательство специальных лиц с целью навести порядок. Конечно, говорить о полном и всестороннем судебном разбирательстве не приходилось, а «...судебные решения, принимаемые геронтами, нередко, видимо, оказывались субъективными и несправедливыми, что не могло не вызывать уже в это время негативную реакцию в обществе»⁵.

Упоминание о коллегиальных судебных органах содержится и в «Одиссее»:

Областью нашу правят двенадцать владык знаменитых, Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный.

(*Гомер. Од., VIII, с. 390–391; пер. В. А. Жуковского*)

Судебные полномочия в указанных случаях являлись приложением к титулу басилевса, причем сам титул мог использоваться не только по отношению к вер-

³ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1888. Ч. 1 : Государственные и военные древности. С. 33.

⁴ В литературе нет единого мнения по поводу предмета спора (см., например: *Чельцов-Бebutov М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 57–60; *Пальцева Л. А.* Суд у Гомера и Гесиода. С. 25–27.

⁵ *Пальцева Л. А.* Суд у Гомера и Гесиода. С. 28.

ховному владыке, но и к стоящим ниже его должностным лицам, которые выступали в роли судей⁶. Высокий социальный статус басилевса или старейшины, вероятно, снимал вопрос об исполнении и признании судебного решения. К тому же из приведенного выше отрывка (Homer. II., XVIII, с. 497–506) видно, что стороны добровольно передают дело на рассмотрение, рассчитывая на то, что решение будет справедливым, а следовательно, и обязательным для исполнения. Источники позволяют сделать вывод о том, что современнику, возлагающему надежды на судей, были хорошо известны и основные проблемы судопроизводства: злоупотребления, ложные клятвы, лжесвидетельство, взяточничество.

И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.

(Hesiod. Op. et Dies, с. 190–194; пер. В. В. Вересаева)

Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
Силой забравши, унес ты и славишь царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе, рассудивших.

(Hesiod. Op. et Dies, с. 37–39)

Как и у Гомера, суд у Гесиода осуществляют цари (к сожалению, он не дает пояснений о составе и компетенции данного органа), за несправедливые решения которых последует возмездие богов:

Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

(Hesiod. Op. et Dies, с. 223–224)

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.
Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

(Hesiod. Op. et Dies, с. 240–247)

Гесиод в своей поэме ставит в прямую зависимость процветание государства от справедливости суда:

Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет, и в нем процветают народы.

(Hesiod. Op. et Dies, с. 225–227)

В VII–VI в. до н.э. в греческих полисах начинается процесс кодификации права, что напрямую влияет на реформирование судопроизводства. У Страбона содержатся следующие упоминания о реформировании Залевком законодательства (и следовательно, вопросов судопроизводства), принятого в Локрах Эпизефирских, что считается древнейшим писанным законодательством в Элладе и ее колониях⁷: «Эфор упоминает о писанных законах локров, которые Залевк составил

⁶ См.: Пальцева Л. А. Судебные институты архаической Греции. С. 88.

⁷ См.: Латышев В. В. Указ. соч. С. 57–58.

из критских, лаконских и ареопагитских законов. Эфор сообщает, что Залевк одним из первых ввел следующее нововведение: в то время как прежние законодатели предоставляли судьям право назначать наказание за каждое отдельное преступление, он определил меру наказания в самих законах, так как полагал, что приговоры судей в одних и тех же случаях не всегда одинаковы, хотя и должны быть одинаковыми. Эфор хвалит Залевку и за то, что тот установил более простые правила для заключения договоров» (Strab., VI, 1, 8 p. 260). «Значение этого нововведения можно признать поистине революционным. Законодатель впервые вторгся в устоявшуюся с гомеровского времени практику судопроизводства, определив и письменно зафиксировав в законах меру наказания по каждому виду правонарушений»⁸. Судебные решения, таким образом, должны были стать более объективными. Важнейшее значение в реформе Залевка имело и расширение компетенции суда. Теперь преступления против личности должны были рассматриваться судом, переставали быть делами, интересующими потерпевших и их родственников. Наказание в этих случаях были основаны на принципе талиона – «око за око»⁹.

Хиосская ретра (VI в. до н.э.) говорит о создании народного Совета, под юрисдикцию которого попадали дела о злоупотреблениях должностных лиц. Гражданину предоставлялось право апелляции в Совет на решения, вынесенные в судах первой инстанции – царей и демархов, этот же Совет разбирал или готовил к рассмотрению в суде указанные дела¹⁰. Формирование подобного коллегиального органа (50 человек от каждой филы) являлся важнейшим шагом как в установлении контроля за действиями должностных лиц, так и в демократизации самого судопроизводства в Греции. Показательно, что подобные тенденции были весьма распространены во многих греческих полисах. Так, одна из надписей, найденных в критском городе Дреросе, регламентирует деятельность высших должностных лиц – космов, в частности, указывается, что человек, занимавший должность косма, снова не может быть космом в течение десяти лет. Если же он будет исполнять полномочия косма и вынесет судебное решение, то сам должен будет уплатить присужденную сумму в двойном размере, а также потеряет право занимать указанную должность в течение всей жизни. Решения, принятые им как судьей, теряют силу¹¹. Указанная надпись говорит о формировании в Греции нового важнейшего принципа: «В небольшом критском городе во второй половине VII в. до н.э. уже вполне созрела и нашла свое законодательное воплощение идея сменяемости судей...»¹².

Законы Харонда, созданные для Катаны, по словам Аристотеля, вводили систему штрафов за отказ от исполнения должности судьи: «За уклонение от исполнения судебных обязанностей на состоятельных налагается штраф, бедные

⁸ Пальцева Л. А. Основные направления развития судебной системы в архаической Греции (VII в до н.э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2005. Вып. 4. С. 76.

⁹ См.: Там же. С. 77.

¹⁰ См.: Лаптева М. Ю., Манзюк А. П. Организация судебного процесса в греческих полисах VIII–V вв. до н.э. (по данным литературных источников, эпиграфики и археологии) // История и археология. 2014. № 10. URL: <http://history.snauka.ru/2014/10/1228>

¹¹ См.: Пальцева Л. А. Судопроизводство в Греции в VII–VI вв. до н.э. (по данным эпиграфических источников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. 2011. Вып. 1. С. 18.

¹² Там же. С. 19.

освобождены от него, или, как в законодательстве Харонда, на богатых налагается крупный штраф, на бедных – мелкий» (Arist. Polit., IV, 10,6; пер. С. А. Жебелева). Это дает нам основание говорить о формировании судебного органа, состоявшего из представителей разных имущественных слоев¹³.

Подобное прогрессивное развитие судопроизводства в греческих городах имело также и негативную сторону. Переход судебных полномочий к выборным судьям, да еще и не всегда из представителей аристократии, изменил отношение населения к обязательной силе судебного решения, ранее «освященного» (а поэтому обязательного) властью судьи-басилевса. Указанные обстоятельства требовали решения. Гортинский закон, датируемый VI в. до н.э., предписывает судье-косму не только налагать штрафы, но и взыскивать их, наделяя судью еще и полномочиями судебного пристава¹⁴. А чтобы дополнительно стимулировать его деятельность в указанном направлении, закон вводит правило, согласно которому если судья не взыщет присужденного штрафа, то сам будет обязан уплатить соответствующую сумму¹⁵. Надпись из Эретрии (VI в. до н.э.) содержит законы, которые идут еще дальше. Они устанавливают не только личную материальную ответственность судьи, но и применение в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты штрафов, наказания в виде изгнания¹⁶, что в условиях Древней Греции, как мы знаем, было весьма тяжким наказанием.

Из приведенных выше примеров следует, что в VII–VI вв. до н.э. в греческих полисах происходят значительные изменения, касающиеся вопросов судопроизводства. Свойственное ранним этапам развития государства самовластие судей сменяется повсеместным установлением общественного контроля за их деятельностью. Контроль мог осуществляться путем: создания специального, наделенного особыми полномочиями органа, к которому могли апеллировать недовольные решением судей граждане; увеличения численности состава судов, представлявших уже не только аристократию, но и самые широкие слои населения; тщательной регламентацией деятельности судей с установлением ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей.

¹³ См.: Пальцева Л. А. Судебные институты архаической Греции. С. 93.

¹⁴ См.: Пальцева Л. А. К вопросу об исполнении приговоров в архаической Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2011. Вып. 10. С. 20.

¹⁵ См.: Пальцева Л. А. Судопроизводство в Греции в VII–VI вв. до н.э. (по данным эпиграфических источников). С. 20.

¹⁶ См.: Там же. С. 21.

Воронежский государственный университет
Черняк Б. А., кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права

Voronezh State University
Chernyak B. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: vsu_boris@mail.ru

Сандро Боттичелли. «Клевета» (1495)

МЕЖДУ СУДОМ И ПРАВОСУДИЕМ

Зал 10/14 в Уффици всегда переполнен. И это закономерно. Поскольку собранные именно здесь картины Сандро Боттичелли (1445–1510) выступают визитной карточкой прославленной флорентийской галереи. Взгляд посетителя «перепрыгивает» с хрестоматийной «Весны» на «Рождение Венеры», скользит по двум тондо Мадонн, на секунду сосредоточивается на автопортрете Мастера в «Поклонении волхвов» и снова хочет по-своему разгадать секрет Примаверы, как будто и не было пяти столетий бесконечных попыток раскрыть тайну шедевра великого Сандро. А впереди еще полсотни залов с работами гениев Возрождения. Однако туристу-юристу стоит все же перевести дух и задержаться, конечно, ненадолго у одной примечательной, но совершенно небольшой (62×91 см) работы художника. Название полотна – «Клевета» (1495). Характер живописи – традиционный для Боттичелли, его сложно с кем-то спутать: удлиненно-плывущий силуэт фигур, точено-ангельские черты чуть вытянутых лиц, кропотливая детализация предметов и легкость форм на грани отсутствия земного притяжения...

Сандро Боттичелли писал картину по рекомендации друга, который посоветовал ему воссоздать утраченные образы античности. Сюжетом для произведения послужила несохранившаяся работа греческого художника Апеллеса, описанная поэтом Лукианом так: живописец Антифил из зависти к необычайно одаренному Апеллесу обвинил его в заговоре против египетского царя Птолемея IV, при дворе которого работали оба художника. Апеллес был схвачен и посажен в темницу, пока наконец один из реальных заговорщиков не доказал его невиновность. Птолемей освободил живописца, а Антифила сделал его рабом. Апеллес, потрясенный несправедливостью по отношению к себе, написал картину, изображающую в аллегорической форме возведенную на него клевету.

Боттичелли создал «ремейк» на эту картину, следуя аллегорической традиции. Фабула ее такова. Восседающему на троне царю Мидасу с наслаждением нашептывают клевету в его ослиные уши две коварные фигуры – Невежество и Подозрение. Глаза царя опущены, он не видит того, что происходит вокруг. Неуверенно он протягивает руку к стоящему перед ним мужчине в темных одеждах. Это Ненависть, которая агрессивно простирает к царю руку с необычайно длинными кистями и бурлит его своим жалающим взглядом.

Правой рукой Ненависть тянет за собой Клевету. Клевета – красивая девушка в облике невинности; одной рукой она несет перед собой факел как символ распространяемой ею лжи, а другой – вцепилась мертвой хваткой в волосы своей жертвы, почти обнаженного юноши, молящего о пощаде, который олицетворяет Невинность. Позади Клеветы ее неизменные спутницы – Коварство и Зависть. Они поддерживают и возвеличивают Клевету: одна осыпает цветами, другая вплетает жемчужную нить в волосы. Далее на некотором расстоянии следует Раскаяние в образе старухи-плакальщицы в «погребальных одеждах». Только ей одной дана опоздавшая возможность разглядеть Истину – обнаженную фигуру девушки, подобно античной богине, указывающей вверх на те силы, которые могут совершить последний суд. Фигура Истины полностью изолирована от остальных участников сцены, что демонстрирует ее абсолютность и неподкупность.

Аллегория о невинно оклеветанном заключает в себе вечный смысл о нахождении между несправедливым земным судилищем и высшим беспристрастным судом, о поисках Суда, где царствует Правосудие.

«Клевета» является последней картиной Сандро Боттичелли на светский сюжет и полна загадок своего создания, о которых спорят до сих пор.

С одной стороны, Флоренция в конце XV столетия переживала эпоху, полную религиозных смут и метаний, которые проявлялись в страхе перед ожидаемым «концом света» под влиянием проповедей доминиканского монаха Савонаролы, обвинявшего в служении дьяволу предающихся роскоши, главным образом тех, кто покоряется чувственным страстям, в том числе и художников, которые эту чувственность воплощают в картинах. Известно, что Боттичелли сам попадает под это религиозное обращение и, возможно, пишет «Клевету» как картину-покаяние, своеобразную защиту от нападок проповедника. С другой стороны, имеются предположения, что эта картина – ответ на необоснованные обвинения художника в недобросовестных отношениях со своими учениками. А может, это скрытый намек на то, что один из меценатов художника отдал предпочтение другому живописцу? В действительности эта картина, так и осталась загадкой для многих поколений. Никто не знает истинной причины написания Мастером этого очередного шедевра.

Д. Зотов